

ISSN 1993-4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ**

21 (760)
2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 21 (760)

LINGUISTICS

**EXPLORATIONS INTO GRAMMAR:
MODERN PARADIGMS IN LINGUISTICS
AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING**

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 21 (760)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

доктор филологических наук, профессор Т. С. Сорокина (*ответственный редактор*);
кандидат филологических наук, доцент М. А. Салькова (*зам. ответственного редактора*);
кандидат филологических наук, доцент О. А. Мачина (*ответственный секретарь*);
доктор филологических наук, профессор, зав. каф. общего языкознания
Бакинского гос. ун-та языков, доктор филологических наук,
профессор Мамедов Азад Яхья Оглы, исполнительный директор
Бакинского Международного Центра Мультикультурализма;
кандидат филологических наук, доцент Ю. Б. Григорьева;
кандидат филологических наук, доцент Е. Б. Павлова;
кандидат филологических наук, доцент И. С. Лебедева

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорокина Т. С.</i> «Фантом» дискурса: мозаичность и эклектичность или комплексность и междисциплинарность.....	9
<i>Страхова Е. Е.</i> К теории межкатегориального взаимодействия глагола в английском языке.....	22
<i>Лебедева И. С., Павлова Е. Б.</i> Способы репрезентации интенсификации в английском языке.....	43
<i>Крекова Е. В.</i> Смыслообразующая роль пунктуации в англоязычном поэтическом дискурсе.....	57
<i>Давыдова Н. А.</i> Интертекстуальность и лингвосинергетический анализ английского художественного дискурса (на примерах из произведений Дж. Гришема «The King of Torts», «The Summons»).....	64
<i>Попова Е. А.</i> Сирконстанты и условия их актуализации в высказывании.....	69
<i>Павлюк О. Н.</i> Кумуляция как когнитивная деятельность.....	81
<i>Климик В. А.</i> Нетрадиционная орфография в художественном тексте как способ передачи знаний.....	91
<i>Грибанова Т. И., Коршунова Е. Н.</i> Средства связи в английских предложениях с придаточными определительными.....	102
<i>Мамсурова З. Р.</i> Коммуникативные стратегии и тактики в британской драматургии.....	115
<i>Ванько Т. Р.</i> Синтаксический аспект оценки в рекламном тексте.....	128
<i>Салькова М. А., Мачина О. А.</i> ФГОС ВО 3+: стратификация компетенций и преподавание теоретических дисциплин.....	137

<i>Кемова К. С.</i>	
Динамика функционирования предикативных конструкций с неличными формами	154
<i>Раздина Т. И.</i>	
Выбор простых и перфектных глагольных форм в придаточных предложениях времени в англоязычном дискурсе	161
<i>Керова А. В.</i>	
Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности.....	174
<i>Маркова Ю. Б. (Григорьева)</i>	
Морфология глагола: санскрит, церковнославянский, готский и древнеанглийский	182

CONTENTS

<i>Sorokina T. S.</i> “Phantom” Discourse Analysis: Fuzzy and Eclectic or Complex and Interdisciplinary	9
<i>Strakhova E. E.</i> Some Aspects of the Theory of Inter-Categorical Interaction within the English Verbal System	22
<i>Lebedeva I. S., Pavlova E. B.</i> Intensifiers in Modern English	43
<i>Krekova Y. V.</i> The Semantic Building Role of Punctuation in Poetic Discourse in the English Language	57
<i>Davydova N. A.</i> Intertextuality and Linguosynergic Analysis of English Belles-Lettres Style (in J. Grisham’s “The King of Torts”, “The Summons”).....	64
<i>Popova E. A.</i> Adjuncts and the Conditions for Their Actualization in the Utterance	69
<i>Pavlyuk O. N.</i> Cumulation as Cognitive Activity	81
<i>Klimik V. A.</i> Nontraditional Orthography in Fiction as a Way to Impart Knowledge	91
<i>Gribanova T. I., Korshunova E. N.</i> Connective Means in English Attributive Clauses	102
<i>Mamsurova Z. R.</i> Communication Strategies and Tactics in British Drama	115
<i>Vanko T. R.</i> Syntactical Aspect of Evaluation in Advertising.....	128
<i>Salkova M. A., Machina O. A.</i> Common Core Federal Learning Standard of Higher Education 3+: Competence Coherence and Teaching Theoretical Subjects	137
<i>Kemova K. S.</i> Predicative constructions with non-finite forms: dynamics of use	154

Razdina T. I.
The Choice of Simple and Perfect Verb Forms in Clauses of Time
in English Discourse.....161

Kerova A. V.
Exclamatory Sentences as a Means of Expressing Emotivity174

Markova Y. B. (Grigorieva)
Verbal morphology: Sanskrit, Old Slavonic, Gothic and Old English182

УДК 81'33

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка, МГЛУ;
e-mail:bestgrammar@yandex.ru

**«ФАНТОМ» ДИСКУРСА:
МОЗАИЧНОСТЬ И ЭКЛЕКТИЧНОСТЬ ИЛИ
КОМПЛЕКСНОСТЬ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ**

В статье рассматривается соотношение функционально-стилистического анализа, дискурс-анализа и лингвистики текста как этапов на пути к когнитивно-дискурсивной парадигме, предполагающей комплексность и междисциплинарность методов исследования. Разнообразные и часто противоречивые теоретические позиции когнитологов отражают эволюционный путь современной лингвистики и требуют осмысления.

Ключевые слова: функциональный стиль; дискурс-анализ; лингвистика текста; когнитивно-дискурсивная парадигма.

T. S. Sorokina

Advanced Doctor (Philology), Professor of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU;
e-mail:bestgrammar@yandex.ru

**“PHANTOM” DISCOURSE ANALYSIS:
FUZZY AND ECLECTIC OR COMPLEX AND INTERDISCIPLINARY**

The article discusses functional stylistic analysis, discourse-analysis and text linguistics as stages on the way to cognitive discursive paradigm which poses complex and interdisciplinary methods though is not devoid of diverse and controversial issues subject to scrutiny.

Key words: functional style; discourse analysis; text linguistics, cognitive discourse paradigm.

Данное исследование предлагает комментарии к статье В. Е. Чернявской «Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы», опубликованной в №1 (38) журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» за 2014 г.

Суть этой статьи сводится к следующему: автор выражает свою обеспокоенность нынешним состоянием дискурсивной парадигмы, которое характеризуется В. Е. Чернявской как «безудержное, внутренне противоречивое многообразие подходов, которое порождает

впечатление о фантомности своего объекта» [19, с. 54.]. К этому выводу автор приходит на основании знакомства с исследованиями двух последних десятилетий ведущих университетских центров России, а также с русскоязычными публикациями Украины, Белоруссии и Армении. Автор статьи упрекает молодых исследователей в незнании основ лингвистики, в частности отечественной, что приводит к тому, что термин «дискурс» становится модной трендовой этикеткой для любого, в том числе выполненного в традиционном русле, анализа. Неоправданный пафос новизны (у начинающих исследователей особенно) приводит к тому, что термин «дискурс» используется параллельно или вместо терминов «функциональный стиль» или «жанровая форма». В результате часто оказывается невозможно определить разницу между понятиями «научный стиль» / «научный дискурс», «публицистический стиль» / «публицистический дискурс»; «стиль СМИ» / «дискурс СМИ» и т. д. [19, с. 56–57].

В качестве типичных причин проблем исследователей, которые сегодня, во втором десятилетии XXI в., работают с дискурсивной парадигмой, автор называет следующие: 1) различия в подходе к дискурсу в разных национальных школах и 2) то, что «термин “дискурс” в российском пространстве наложился на ту систему координат и понятий, которые традиционно изучались в советской науке в функционально-стилистическом формате» [19, с. 56]. В связи с вышеизложенным хотелось бы остановиться на соотношении терминов «функциональный стиль», «анализ текста» и «дискурс-анализ».

Прежде всего нужно отметить, что в отечественной лингвистической традиции функциональный стиль понимается как «общественно осознанная и функционально обусловленная внутренняя совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка» [5, с. 6]. Однако на практике используемые в различных работах классификационные схемы функциональных стилей исходят из далеко не однозначного подхода к принципам их выделения. Так, например, Е. А. Земская выделяет такие стили литературного языка, как высокий (книжный), нейтральный (средний) и сниженный (разговорный) [7]. В то же время И. Р. Гальперин различает стиль художественной литературы, публицистический стиль, газетный, стиль научной

прозы, официально-деловой стиль [20]. Эти две классификационные схемы хотя и отвечают приведенному выше определению стиля, однако строятся на совершенно различных основаниях. С социолингвистической точки зрения – это различные понятийные ряды, соотносимые с понятием «стиль», но отражающие разные виды социальной вариативности языка: вариативность, обусловленную использованием языковых средств в разных общественных функциях¹, и вариативность, детерминируемую социальной ситуацией.

В зарубежной лингвистике понятию «функциональный стиль» в некоторой степени соответствует понятие «дискурс». Слово «дискурс», терминологическое значение которому придано Э. Бенвенистом [4], во французской лингвистической традиции обозначало речь вообще, текст. С начала 1970-х гг. термин «дискурс» изначально использовался в значении, близком к тому, в каком в российской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи и языка). По мнению Ю. С. Степанова, «причина того, что при “живом” термине “функциональный стиль” потребовался другой – “дискурс”, заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время, как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении трудами акад. В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) “функциональный стиль” означал прежде всего особый тип текстов – разговорных, бюрократических, газетных и т. д., а также соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания» [16, с. 36–37].

Англосаксонские лингвисты подошли к тому же предмету вне традиции – как к особенностям текстов. Дискурс в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях. Обобщая опыт зарубежных англистов, Т. М. Николаева писала: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог;

¹ Выделение функциональных стилей на основе «сферы употребления языка» находим в работах У. Лабова, Ю. С. Степанова, М. Н. Кожинной, Т. Г. Винокур, В. Матезиуса, Б. Гавранека, Я. Мукаржовского и др.

4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [12, с. 467]¹. «Лишь значительно позднее англосаксонские лингвисты осознали, что “дискурс” – это не только “данность текста”, но и некая стоящая за этой “данностью” система» [16, с. 37] (см. также [6, с. 503]).

Развернутое и многоаспектное определение понятия «дискурс» предлагает Н. Д. Арутюнова в соответствующем разделе «Лингвистического энциклопедического словаря» (далее – ЛЭС): дискурс может быть охарактеризован как: «1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), где каждая отмеченная сторона описываемого понятия помещает его в центр интересов той или иной отрасли наук» [10, с. 136, 137].

В ходе анализа лингвистической литературы по проблеме типологии дискурса установлено, что в настоящее время не существует общепринятой типологии дискурса. Так, известны попытки классифицировать различные «ипостаси» (типы, виды, жанры, модусы, формы, классы и т. д.) дискурсивной деятельности, которые привели, в частности, к возникновению «Коннотативной типологии дискурса» [6, с. 492, 493]. Согласно данной типологии, различаются литературный дискурс, философский дискурс, исторический дискурс, религиозный дискурс и т. п. (см. также классификацию дискурсивных жанров М. М. Бахтина [2], уровневую классификацию Т. Гивона [21, с. 30–32], деление на нарративные и ненарративные виды дискурса Р. Томлина [23, с. 460, 469]).

Классификация художественной речи современного английского языка – литературного дискурса – явилась отправным пунктом «Граматики дискурса» Р. Лонгакра [22, с. 1–10]. В первую очередь автор противопоставляет монологический и диалогический дискурс. Далее, в рамках монологического дискурса, различаются: 1) нарративный дискурс (разные виды повествования); 2) процедурный дискурс

¹ См. также «Новое в зарубежной лингвистике», вып. VIII, 1978; [16, с. 366; 23, с. 459, 460; 24, с. 483].

(руководства, инструкции и т. п.); 3) бихевиористский дискурс (политическая речь, наставления и т. п.); 4) экспозиторный дискурс (научные, экономические тексты и т. п.). Нарративный дискурс трактуется автором как: а) свойство отдельных типов текста; б) организующий принцип дискурсивной деятельности.

Если сопоставить типологию монологического дискурса Р. Лонгакра и классификацию функциональных стилей И. Р. Гальперина, то налицо их частичное совпадение: повествование (нарратив) характеризует, в частности такие функциональные стили, как стиль художественной литературы, газетный стиль, официально-деловой стиль.

Из вышеизложенного следует, что: 1) в течение небольшого периода времени в отечественной лингвистике термин «функциональный стиль» и «дискурс» употреблялись как синонимы; 2) понятия и объекты исследования функциональных стилей и дискурса частично пересекаются; 3) дискурс – многозначный термин лингвистики текста; 4) функциональные стили и типы дискурса – это прежде всего социолингвистические объекты.

В последнем смысле не вполне удачной представляется попытка автора комментируемой статьи развести понятия «функциональный стиль» и «дискурс», исходя из принятого ею определения функционального стиля: «...на современном этапе говорят о шести функциональных стилях: художественном, научном, официально-деловом, разговорном, публицистическом, религиозном стилях как о речевых разновидностях, соответствующих той или иной социально значимой сфере общения и деятельности и соотнесенных с определенной формой сознания» [19, с. 58]. При этом ключевым для выделения ФС В. Е. Чернявская полагает именно ту часть определения, которая постулирует «соотнесение с определенной формой сознания». Отсюда автор делает вывод, что перечень функциональных стилей по определению конечен, так как «ввести в научный оборот дополнительный функциональный стиль ... значит, доказать объективность существования коррелирующей с ним формы сознания» [19, с. 59]. Возникает вопрос: возможно ли в принципе появление новых функциональных стилей? По данным отечественных исследователей, такое возможно, если появляется новая сфера общения. Так, применительно к публицистическому стилю, который является конвергентным для языка СМИ, говорят о тенденции к выработке его дивергентных функционально-стилевых

разновидностей в сферах радио, телевидения и кино, и о возможности появления на их основе новой функционально-языковой разновидности [11, с. 164]. При этом вряд ли можно говорить о кардинальном изменении формы сознания.

Действительно, развитие функционально-стилистической системы языка зависит от соответствующей совокупности социальных факторов. Не все сферы применения языка и соответствующие им языковые функции способствуют вычленению новых функциональных стилей. К новой сфере язык приспосабливается благодаря своей поливалентности. Когда она становится недостаточной, формируется новый стиль [11, с. 165].

С другой стороны, автор статьи приводит свое определение дискурса как «языковое отражение определенной общественной практики» [19, с. 59], что соответствует социолингвистической составляющей определения функционального стиля. Если следовать логике автора, то соотносимость с определенной формой сознания нерелевантна для определения дискурса. Вместе с тем, автор выделяет такие типы дискурса, как дискурсивные практики фашизма, расизма, феминизма и т. д., которые не могут не соотноситься с определенной формой сознания. Следовательно, форма сознания не является определяющей при разделении понятий «функциональный стиль» и «дискурс». В этом смысле характерно определение дискурса, данное Е. В. Пономаренко [13], которая рассматривает дискурс как языковое выражение общественной практики, за которым стоит особая идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность (отсюда один шаг до когнитивно-дискурсивной парадигмы, о которой речь пойдет ниже).

Далее, давая определение дискурсу как коммуникативной практике, В. Е. Чернявская говорит о его способности образовывать своего рода горизонтальное сечение сквозь различные функциональные стили. В этом смысле религиозный дискурс (определяемый автором как отдельный ФС) также обнаруживает сочетание разных ФС: художественного, публицистического, научного, разговорно-бытового, что связано с многосторонней коммуникативной направленностью церковно-религиозных текстов – эмоционально-воздействующей, религиозно-просветительской и воспитательно-дидактической. При этом он не перестает быть формой общественного сознания, рядоположенной с дискурсом расизма, фашизма, феминизма и т. д., за которыми

также встает особая идеологическая и национально-исторически обусловленная ментальность.

Как соотносятся между собой исследования функциональных стилей, лингвистика текста и дискурс-анализ? Все три направления объединяются общим объектом исследования, которым является текст. Во всех трех случаях многофакторность и тщательность анализа требует изучения не только одного текста, но и группы содержательно однородных текстов (на чем настаивает В. Е. Чернявская) на широком экстралингвистическом фоне. Это дает выход, в частности, в интертекстуальность и интердискурсивность. При этом отличие текста от дискурса состоит в том, что в понятие дискурса входит и речевая деятельность и ее результат (текст). Таким образом, дискурс – это всегда текст, но не любой текст является дискурсом. Налицо различный ракурс их рассмотрения: дискурс требует учета социальных параметров происходящего, текст можно анализировать как таковой. Оба понятия – текст и дискурс – сосуществуют в лингвистике и вызывают острые дискуссии как не имеющие общепринятых толкований.

На наш взгляд, и исследования ФС в отечественной лингвистике, и лингвистика текста, и дискурс-анализ в отечественной и зарубежной лингвистике – это определенные этапы развития лингвистической науки на пути к когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания. Если признать, что язык выполняет две важных функции – когнитивную и коммуникативную, то каждое явление должно рассматриваться с коммуникативной точки зрения, т. е. с точки зрения его использования в процессе общения и при вербализации намерений человека, и когнитивной, т. е. того, как языковое явление связано с внутренней ментальной деятельностью человеческого сознания. Эти вопросы и ставятся в когнитивно-дискурсивной парадигме. Таким образом, когнитивно-дискурсивная парадигма – это попытка синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект и дать интегральное описание, учитывающее как когнитивные, так и коммуникативные особенности исследуемого объекта [9, с. 520]. Здесь представляется уместным предложить определение дискурса, данное Е. С. Кубряковой с позиции когнитивной лингвистики: дискурс – это «такая форма использования языка в реально текущем времени (online), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его

образца) с помощью детального языкового описания и является частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [9, с. 525].

Приведем еще несколько положений из комментируемой статьи. «Русская функциональная стилистика много раньше ставшего теперь “модным” когнитивного подхода постулировала необходимость изучения высказывания / текста в коммуникативно-деятельностном аспекте» [19, с. 56]. И далее: «Когнитивная лингвистика заимствует принцип дискурсивного анализа, когда интерпретация смысла высказывания осуществляется с опорой на: 1) языковые знания...; 2) ситуативно обусловленные фоновые знания и 3) энциклопедическое знание о мире». <...> В свою очередь, в практике лингвистического анализа дискурсов ценными оказываются категории когнитивной лингвистики: фрейм, скрипт, слот и т. д.» [19, с. 60]. В. Е. Чернявская права в том, что дискурсивный метод может рассматриваться как метод в рамках когнитивной лингвистики и что отношение между дискурсивным анализом / лингвистикой дискурса и когнитивной лингвистикой обоюдонаправлены: обе дисциплины обогащают друг друга собственной методикой. Однако интерпретация смысла с опорой на языковые знания, ситуативно обусловленные знания и знание о мире, по сути представляет собой модель когнитивной обработки дискурса у ван Дейка. Далее, когнитивная лингвистика, кроме таких категорий, как фрейм, скрипт, слот и т. д., вносит в дискурсивный анализ идею о том, что за каждым типом дискурса проступает «возможный мир», действия и объекты в котором оцениваются и осмысливаются по логике этого конструируемого мира, а также, что для каждого типа дискурса следует строить его собственную модель, основанную на концептуальных структурах, лежащих в основании смыслового содержания текста / дискурса [3]. Такое «воссоздание мира» предполагает лингвистический анализ на трех уровнях (семантическом, прагматическом и интеракционном) (ср. модель когнитивной обработки дискурса ван Дейка). Именно в результате постоянной когнитивной обработки текста дискурса слушающий делает вывод о том, какой фрагмент действительного или вымышленного мира изображается и описывается говорящим. Целый ряд когнитологов рассматривают в этой связи когнитивные механизмы обработки дискурса и общие принципы

такой обработки. И дело здесь не в том, что заимствуется когнитивной лингвистикой или анализом дискурса, а в том, что эти оба ракурса рассмотрения объекта (текста) входят в когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистического знания, которая наследует традиции отечественного языкознания и отечественной психологии [9, с. 14], в том числе и коммуникативно-деятельностный подход.

Лингвистический анализ дискурса на трех уровнях – семантическом, прагматическом и интеракционном – естественно является комплексным. Кроме того, поскольку когнитивный ракурс рассмотрения языковых явлений требует учета разных типов знания (о языке, ситуации, мире), это обязательно предполагает междисциплинарный подход к исследованию дискурса (текста). Сам дискурс по определению – явление междисциплинарное. И в этой связи вопрос о мозаичности и эклектичности как неупорядоченности связей с единым принципом анализа [19, с. 54] становится неактуальным.

Далее, в процессе знакомства автора комментируемой статьи с исследованиями двух последних десятилетий ведущих университетских центров России от внимания В. Е. Чернявской, вероятно, ускользнули работы молодых исследователей Московского государственного лингвистического университета.

Приведем несколько примеров работ, выполненных в когнитивно-дискурсивной парадигме. Так, в работе Ю. В. Тихоновой [17], посвященной изучению функционирования форм чужой и авторской речи как средства смыслоформирования, коммуникативного воздействия и репрезентации этноспецифической и социокультурной информации на материале англоязычного художественного текста в синхронии и диахронии, используется как методика традиционного лингвистического анализа, так и современные когнитивно-прагматические методики, а также лингвокультурологический анализ. При этом теоретическую и методологическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингвистилистики, риторики, прагматики, теории текста, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Примером исследования явления перспективы в английском драматическом дискурсе является диссертация А. А. Ржешевской [14]. Здесь используется метод контекстуального анализа вербальной реализации механизмов конфликта, метод когнитивного моделирования

(метод построения ментальных пространств) и дискурсивный анализ, определяющий вид, компоненты и средства перспективы в ситуации конфликта. Само явление перспективы рассматривается как междисциплинарное, в котором интегрируют знания из разных наук – философии, психологии, конфликтологии, когнитологии, нарратологии и теории коммуникации.

Работа Ю. Н. Сдобновой [15] посвящена синхронно-диахронному изучению институционального военного дискурса Франции. Здесь методологической базой диссертационного исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых по теории дискурса, институциональной коммуникации, гендеру, терминоведению и военной коммуникации. Помимо лингвистических методов в работе используется и экспериментальный метод (анкетирование).

В задачи исследования С. Л. Климинской [8] входило определение стратегий и тактик аргументации как формы дискурсивной деятельности в речевой ситуации теледискуссии, изучение лингвостилистических средств их реализации и анализ когнитивных особенностей построения аргументативных стратегий как основы процесса аргументирования. При этом речевая ситуация теледискуссий описывается как процесс полилогического взаимодействия разноудаленных коммуникантов. Анализ языкового материала с лингвистических позиций проводится в лексическом, грамматическом, синтаксическом и прагматическом ракурсах. В работе сочетаются когнитивный, дискурсивный и лингвокультурологический подходы.

Наконец, работа А. А. Альварес Солер «Концепт “женщина” в оценочной системе испанского языка» [1] относится к области пересечения научного пространства лингвистики и когнитологии, диахронической концептологии и лингвокультурологии. Своеобразие последней, в свою очередь, предполагает взаимодействие лингвистики, психологии и культурологии на уровне общей методологии и частных методик.

Из приведенных примеров следует, что: 1) все работы демонстрируют комплексность и междисциплинарность, вытекающие из принципов и установок когнитивно-дискурсивной парадигмы; 2) объектом внимания молодых исследователей МГЛУ являются и дискурс как связанная речь, и институциональный дискурс, и глубинный семантический анализ текстов, и анализ дискурса как содержательно-смысловой

совокупности текстов, объединяемых ретроспективно, т. е. тот круг исследовательских вопросов, которые, по мнению В. Е. Чернявской, характерны для современной ситуации дискурсно ориентированных исследований в зарубежной лингвистике [19, с. 56].

Отвечая на вопрос В. Е. Чернявской, переживает ли дискурсивная лингвистика и лингвистика в целом кризис, можно сказать следующее: как отечественная, так и зарубежная лингвистика в современных условиях находится в процессе поиска и развития, предполагающих противоречивость подходов к объектам исследования, и появление целого ряда интересных концепций языка, и разработку наиболее адекватных методик его исследования. При этом когнитивная лингвистика выступает как парадигма научного знания, характеризующаяся достаточным разнообразием теоретических позиций.

Перестает ли дискурс быть «фантомным объектом», когда «в качестве эмпирической основы изучения дискурса берутся тексты, объединяющиеся на основе содержательно-смысловых критериев» [19, с. 58]? Думается, что это условие необходимое, но недостаточное. Дискурс – это и коррелят определенной социально-культурной практики, и, что не менее важно, сложная система иерархии разных типов знания, предполагающая его (дискурса) когнитивную обработку. Когнитивный подход оказывается плодотворным там, где он служит разъяснению такого сложного и междисциплинарного понятия, каким является понятие дискурса [9, с. 531].

В заключение позвольте привести фрагмент статьи В. Е. Чернявской, где цитируются слова И. В. Арнольд: «...внимательное изучение старых работ А. А. Потебни дает больше для познания сути языка, чем ... очень новая книга Лакоффа». В контексте критической направленности комментируемой статьи эта цитата, по-видимому, призвана проиллюстрировать незнание молодыми исследователями основ лингвистики и их неофильские попытки «монтировать» с уже известным содержанием новые этикетки, что автор очевидно связывает с «глобализацией и глобанглизацией наших языковедческих исследований» [19, с. 56]. Думается, что такое противопоставление не совсем уместно, поскольку принцип историзма как сущность гуманитарной науки предполагает, но не отвергает появление новых идей на фоне предшествующего развития научной мысли. В этом и состоит эволюционный путь любой науки, в том числе лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альварес Солер А. А.* Концепт «женщина» в оценочной системе испанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 24 с.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
3. *Беляевская Е. Г.* Применимо ли понятие концептуализации к тексту? // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 178–187.
4. *Бенвенист Э.* Логические основы системы предлогов в латинском языке // Общая лингвистика : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1974. – С. 148–156.
5. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
6. *Греймас А. Ж., Куртэ Ж.* Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 483–550.
7. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. – М. : Наука, 1973. – 485 с.
8. *Климшинская С. Л.* Лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик убеждения в аргументативном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 25 с.
9. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.
11. *Михальченко В. Ю.* Социальные факторы и функционально-стилистическая дифференциация языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М. : Наука, 1988. – С. 143–166.
12. *Николаева Т. М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. – М. : Прогресс, 1978. – С. 467–472.
13. *Пономаренко Е. В.* Функциональная системность дискурса (на материале английского языка) : монография [Текст] / Е. В. Пономаренко. – М. : МГУ-ПА ФСБ, 2004. – 328 с.
14. *Ржешевская А. А.* Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 24 с.
15. *Сдобнова Ю. Н.* Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооруженных Сил Франции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 24 с.
16. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35–75.

17. *Тихонова Ю. В.* Конвергенция различных форм чужой и авторской речи в англоязычной художественной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 24 с.
18. *Тодоров У.* Семиотика литературы. Понятие литературы // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 350–369.
19. *Чернявская В. Е.* Фантомы и синдромы когнитивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (38). – С. 54–61.
20. *Galperin I. R.* Stylistics. – М. : Higher School, 1977. – 334 p.
21. *Givon T.* Functionalism and Grammar. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co., 1995. – 486 p.
22. *Longacre R.* The Grammar of Discourse. – N. Y. : Plenum Press, 1983. – 423 p.
23. *Tomlin R. S.* Linguistic Reflections of Cognitive Events // Coherence and Grounding in Discourse. – Philadelphia, 1984. – P. 455–479.
24. *Wald B.* Cross-clause Relations and Temporal Sequence in Narrative and Beyond // Coherence and Grounding in Discourse. – Philadelphia, 1984. – P. 481–512.

УДК 811.111

Е. Е. Страхова

доцент, кандидат филологических наук;
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ
e-mail: EGolyas@yandex.ru

К ТЕОРИИ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются основные положения теории межкатегориального взаимодействия на материале комплексной семантики глагольных категорий в английском языке. Выявляется перечень взаимодействующих категорий, а также области пересечения их семантики с именными категориями. Особое внимание уделяется моделированию единой «темпорально – модально – аспектуально – таксисной» матрицы, синтагматическая реализация которой зависит от конкретных дискурсивных условий и прагматической установки говорящего, а также анализу «лексико-грамматического континуума» как одного из практических следствий явления межкатегориального взаимодействия в системе языка.

Ключевые слова: межкатегориальное взаимодействие; темпоральность; модальность; аспектуальность; таксис; концепт; функционально-семантическая категория; функционально-семантическое поле; фрейм; культурно-маркированная матрица; лексико-грамматический континуум.

E. E. Strakhova

Ph.D., Associate Professor, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: EGolyas@yandex.ru

SOME ASPECTS OF THE THEORY OF INTER-CATEGORIAL INTERACTION WITHIN THE ENGLISH VERBAL SYSTEM

The article proposes a complex approach to the analysis of the semantics of the English Verb as the direct outcome of the phenomenon of inter-categorial and inter-conceptual interaction. It goes on to specify the range of interacting entities, with special emphasis upon the overlapping semantic zones of the nominal and verbal categories. The cumulative effect is the model of a “temporal-modal-aspectual-taxis” matrix, whose syntagmatic realization depends on discourse and pragmatic conditions, and the analysis of the “lexico-grammatical continuum” as a practical outcome of intercategorial interaction in the language system.

Key words: intercategorial interaction; temporality; modality; aspectuality; taxis; concept; functional-semantic category; functional-semantic field; frame; culture-specific matrix; lexico-grammatical continuum.

Проблема межуровневого взаимодействия в языке всегда привлекала к себе внимание ученых в рамках различных научных парадигм. Так, с позиций традиционной грамматики сложные связи между языковыми явлениями создаются за счет многоярусности средств выражения по отношению к плану содержания. При функциональном подходе основу взаимодействия элементов разных уровней составляют семантические функции.

Нас интересует прежде всего механизм репрезентации глагольных и именных категорий в когнитивной системе человека с точки зрения выявления областей пересечения и взаимопроникновения исследуемых категорий.

При анализе репрезентации языковых категорий на когнитивном уровне мы исходим из того, что знания человека о мире, воплощенные в виде языковой картины мира, представлены в категориях «промежуточного языка мысли» (термин Т. А. Фесенко) по-разному.

Одним из вариантов структурных построений является *концепт*, понимаемый как оперативная содержательная единица концептуальной системы, отвечающая представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание его опыта и знания [14].

Другим вариантом репрезентации знаний человека о мире являются *когнитивные категории* – конструкты сознания, моделирующие наши знания о мире и соотносящие их с моделями знаний, зафиксированных в структуре языка [1].

Наконец, помимо элементарных единиц, которые могут быть исчислены набором предсказуемых, стабильных и взаимосвязанных характеристик, в когнитивной системе есть единицы, которые репрезентируют многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов возможного их осмысления. Это «знание *матричного формата*, т. е. система взаимосвязанных когнитивных контекстов» [3].

В терминологии Дж. Лакоффа речь идет об идеализированных *когнитивных моделях*, лежащих в основе когнитивных и языковых категорий, причем для нашей работы важным является положение о том, что когнитивные модели различаются по своей структуре и типу моделируемых объектов и отношений между ними. Так, помимо пропозициональных моделей, определяющих характер элементов категории,

их свойства и отношения между ними, или образ-схематических моделей, отражающих основные образные представления, формирующие категориальные классы, существуют так называемые концептуальные модели-схемы, представляющие собой иерархически организованные когнитивные структуры, состоящие из элементарных или базовых концептов [1].

Н. Н. Болдырев вводит термин *когнитивная матрица*, под которой понимается система «взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта». При этом важно, что на фоне матрицы как формата знаний проявляется культурная специфика когнитивных контекстов.

Все эти единицы и сложные структурные построения формируют определенный «спроецированный мир», отличающийся от реального мира действительности, во-первых, в силу специфических особенностей человеческого организма вообще, а во-вторых, в силу специфики конкретных культур и индивидов [31].

Непосредственной целью проводимого нами исследования является изучение и описание механизмов межкатегориального взаимодействия в системе имени и глагола в английском языке как отражение универсального когнитивного механизма организации знаний человека о мире. По мнению Э. Рош, для человеческой когниции характерен принцип «когнитивной экономии»: «Человек пытается получить максимальный объем информации об окружающем мире, минимизировав свои когнитивные усилия и ресурсы. В результате ... человек отдает предпочтение тем категориям, которые сформированы с определенной степенью информационной насыщенности и носят комплексный характер» [30].

Следовательно, можно говорить о том, что комплекс взаимодействующих языковых категорий имеет коррелят в системе когнитивных категорий – ту самую «когнитивную матрицу», в основе формирования которой лежит принцип группировки сходных стимулов – «узлов» концептуальной сети – в смежные категории, а также способность человеческого сознания осуществлять когнитивные операции с членами одного когнитивного множества посредством операций с членами другого когнитивного множества.

В качестве примера такой опосредованной концептуализации можно привести взаимодействие *когнитивных категорий времени*

и *пространства*, поскольку мы воспринимаем время не напрямую, а в пространственных категориях. Это объясняется способностью человеческого мышления ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира и выражать абстрактные понятия в терминах конкретных понятий. Время также ассоциируется с движением, а всякое движение означает пространственное перемещение (метафора движения из будущего в прошлое).

Таким образом, категория времени определяет временную характеристику события через отношение его пространственной локализации к пространству воспринимающего субъекта¹.

Еще один пример межкатегориальных связей, проявляющихся уже на концептуальном уровне, – взаимодействие *времени* и *категории способов действия* (термин Э. М. Рянской [20, с. 133]), коррелирующей в системе языковых категорий с аспектуальной характеристикой действия и основанной на противопоставлении категорий процесса и целостного факта [6]. Ряд исследователей отмечают, что категория способов действия начала формироваться раньше категории времени и является более универсальной в индоевропейских языках. В качестве одного из примеров взаимодействия когнитивных категорий времени и способов действия можно привести феномен «замедленного течения времени» и «временной компрессии»: в первом случае

¹ В этой связи Н. А. Козинцева выдвигает гипотезу о существовании «суперкатегории» пространственно-временной локализованности действия, которая относится к предложению в целом, но систематически проявляется в определенных категориях имени и глагола. Анализ функционирования основных дейктических слов пространственной (*here/there*) и временной (*now/then*) семантики показывает, что пространственный и временной дейксис устроены одинаковым образом: указание, осуществляемое этими дейктическими словами, соотносится с фигурой наблюдателя; границы пространственного и временного предела зависят от перцептуального пространства субъекта восприятия, т. е. определяются сферой непосредственной чувственной данности.

Интересно также, что пространственные предлоги, сочетающие в своей семантике три компонента – горизонталь, вертикаль и вмещенность, с точки зрения наблюдателя – часто употребляются во временном значении, причем те же три компонента значения метафорически переосмысливаются по отношению ко времени (например, предлог *in* – «вмещенность в образ объемного объекта») [18, с. 123–124].

реальное время события «переживается» как протекающее в замедленном темпе (в ситуациях новизны восприятия, эмоционального потрясения), а во втором – как, напротив, «убыстряющее» свой ход (например, при механическом выполнении привычных действий) [30, с. 177, 211].

Наконец, уже на концептуальном уровне можно говорить о взаимодействии когнитивных категорий *времени* и *субъективной оценки* в широком смысле, реализуемой на уровне языковой семантики категорией модальности¹.

В качестве примера такого взаимопроникновения категорий можно привести особенности концептуализации времени в англосаксонский период. Как показывают исследования по истории языка, в картине мира этого этапа была зафиксирована модальная окрашенность категории времени, его зависимость от Божественной воли, социальная функция и эмоциональная насыщенность. Референты темпоральных выражений были соотнесены с бытием героического социума, основными составляющими которого в картине мира того времени были битва и пир как социальное значимое действие. Событие и состояние оказывались взаимосцеплены, поскольку имели место в одно урочное или желанное время (т. е. социально значимое время было «сплавлено» с событием-переживанием), и находились в зависимости от Божественной силы [27, с. 119–121].

Следовательно, время предстало не как нейтральная, объективно существующая величина, а как время, переживаемое и проживаемое в череде событий, подчиненное Высшему Разуму и имеющее яркую эмоциональную окраску для наблюдающего субъекта.

Таким образом, уже на концептуальном уровне можно говорить о формировании «когнитивной матрицы», узлы которой – категории времени, способов действия, субъективной оценки, а сеть пересечений между ними – отражение комплексного взаимодействия семантики этих категорий.

Межкатегориальное взаимодействие указанных категорий продолжается и на последующих уровнях репрезентации информации.

¹ В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики – способность противопоставлять «я» (фактическое содержание) и «не я» (индивидуальная оценка излагаемых фактов) в рамках высказывания [21, с. 142].

В конечном итоге изучение различных сторон межуровневого взаимодействия позволяет сформулировать вывод о «континуальности языковой системы» [2].

Рассмотрим более подробно, как реализуется межкатегориальное взаимодействие в системе глагола на уровне *языковой семантики*.

В данном случае речь идет, прежде всего, о взаимодействии *категорий темпоральности, аспектуальности, модальности* (и наклонения, как коррелята этой функционально-семантической категории в системе грамматических категорий глагола), *и таксиса*. В функциональном плане это взаимодействие проявляется в определенном соотношении соответствующих функционально-семантических полей.

Взаимозависимость указанных категорий глагола объясняется семантическими причинами, а именно – наличием общего семантического компонента у сопряженных категорий. Так, взаимозависимость категорий темпоральности и аспектуальности определяется тем, что они по-разному отражают общую идею времени. Взаимозависимость категорий времени и наклонения вытекает из того, что реальность / нереальность реализуется в конкретной временной отнесенности [26].

При этом актуализироваться в конкретном высказывании могут различные ядерные и периферийные компоненты взаимодействующих ФСП, разворачиваясь как целые серии конкретных реализаций межкатегориального функционального взаимодействия.

Взаимодействие лингвистических категорий *времени и модальности* заключается в том, что хотя это самостоятельные грамматические категории, в некоторых пунктах они пересекаются, обнаруживая взаимосвязь и взаимодействие. В частности, некоторое модальное противопоставление может проявляться в сочетании с одним временем и нейтрализоваться в сочетании с другим.

Что касается взаимодействия категорий темпоральности и наклонения, вопрос о его характере и направленности решался в лингвистической литературе по-разному.

В соответствии с теорией Р. Якобсона, семантика этих категорий относится к типу шифтеров: «Время характеризует сообщаемый факт по отношению к факту сообщения с точки зрения говорящего; наклонение характеризует реальность / нереальность сообщаемого факта с точки зрения говорящего», следовательно, конкретное реальное действие осмысливается как имеющее ту или иную временную

отнесенность. Предшествование, сопутствие и последование сообщаемого факта относительно факта сообщения представляют собой конкретные частные формы проявления реальности.

Одним из примеров использования форм наклонения для выражения временных значений является участие форм сослагательного наклонения в выражении темпоральной семантики: «Гипотетически возможное действие способно включаться в план настоящего, прошедшего или будущего времени, создаваемый контекстуальными средствами». Точкой отсчета при этом является сам акт речи, акт «выдвижения гипотезы» говорящим [19, с. 54]. Таким образом, действие, выраженное формой сослагательного наклонения, получает ту или иную временную отнесенность в зависимости от окружающего контекста.

Изъявительное наклонение не связано с такими признаками отношения действия к действительности, которые ограничивали бы временную отнесенность действия. Это наклонение предоставляет наибольшую свободу для полного проявления временных признаков, являясь той позицией, в которой располагается ядро временной системы. Следовательно, в конструкциях с формами изъявительного наклонения модальные значения выступают как результат взаимодействия лексического значения глагола, видовременной формы и контекста.

Применительно к формам повелительного наклонения можно говорить о том, что в прямом, императивном, употреблении они передают темпоральность, ограниченную планом будущего, что вытекает из самого значения побуждения («презентно-футуральная рамка императива, в терминологии В. С. Храковского). А. В. Бондарко отмечает своеобразие данного элемента: это не грамматическая форма времени, а форма наклонения, имеющая косвенное отношение к семантике темпоральности. «Мы имеем здесь дело с “несобственной” функцией грамматической формы как результатом проявления ее грамматического модального значения» [5, с. 41]).

При этом, как отмечает, в частности, Н. А. Слюсарева, попытки установить иерархию исследуемых категорий неправомерны. «В данном случае категория времени и наклонения накладываются друг на друга и в том смысле, что одна и та же форма является одновременным выражением обеих категорий, но об их иерархии говорить не приходится, поскольку обе они соотносятся с разными функциями: наклонение – с коммуникативной, а время – с когнитивной. Другими

словами, наклонение есть проекция в морфологию модальности как категории актуального синтаксиса, выражающей отношение говорящего к сообщаемому, а время (Tense) входит в ареал аналогового синтаксиса» [22, с. 43].

Наконец, говоря о взаимодействии функционально-семантических категорий темпоральности и модальности, нельзя не отметить, что помимо ядерных элементов соответствующих ФСП, данный процесс затрагивает также и компоненты лексической периферии: средства выражения «лексической» модальности в определенных синтагматических условиях приобретают способность участвовать в темпоральной репрезентации дискурса, что является следствием актуализации заложенного в них семантического потенциала.

Мы полагаем, что вышеприведенные аргументы позволяют говорить о межкатегориальном взаимодействии темпоральности и модальности в плане частичного наложения семантических областей, занимаемых соответствующими функционально-семантическими категориями, а также в плане пересечения ядерных и периферийных зон строящихся на их основе функционально-семантических полей.

Взаимодействие *темпоральности* и *аспектуальности* может быть представлено, по нашему мнению, следующим образом. Аспектуальность относится к числу наиболее распространенных в языках мира категорий и, по мнению некоторых лингвистов, является более универсальной и первичной по времени оформления в индоевропейских языках, чем категория времени [16; 22].

Мы разделяем точку зрения лингвистов, рассматривающих аспектуальность как функционально-семантическую категорию (далее – ФСК), охватывающую различные средства выражения характера протекания действия. ФСК аспектуальности коррелирует с понятийной категорией аспектуальности, в основе которой лежит противопоставление категорий процесса и целостного факта [6]. Что касается набора фундаментальных аспектуальных семантических признаков, то здесь мнения исследователей расходятся. Для целей нашего исследования наиболее приемлемой представляется классификация аспектуальных значений по двум базовым категориям [20, с. 135–138]:

1. *Совершаемость*: начало, конец и развитие действия, восприятие процесса с точки зрения становления, непрерывности, результативности (возможны варианты – полнота проявления действия,

достигающего своего результата; кумулятивность, суммарность, партитивность, финальность), повторяемости (варианты – привычность, периодичность в регулярность или в распределении действий).

2. *Протяженность* – время, необходимое для совершения действия: моментальность, т. е. нечленимость (однократность, одноактность, мгновенность, точечность) и длительность – представляет процесс как реализующийся в определенный, достаточно длительный отрезок времени (возможны оттенки значения).

Не все из указанных аспектуальных признаков оказываются «чувствительными» к семантике категории темпоральности, следовательно, возможна их дальнейшая классификация и выделение двух групп, обнаруживающих зоны пересечения с темпоральными значениями, – **качественная и количественная аспектуальность** [17, с. 103–104]:

1. Семантика *качественной* аспектуальности включает такие значения, как динамика / статика; действие предельное, направленное к внутреннему пределу / действие непредельное, ненаправленное к пределу; предельное действие, достигающее свой предел / действие, когда предел еще не достигнут; временная локализованность / нелокализованность; зависимая / независимая ориентированность действия во времени.

2. Семантика *количественной* аспектуальности реализуется как характеристика действия по прерывности / непрерывности, по количеству крат, по степени интенсивности и длительности.

Функционально-семантическая категория аспектуальности составляет содержательную основу соответствующего функционально-семантического поля, которое конституируется взаимодействующими разноуровневыми языковыми средствами, объединенными общностью аспектуальных семантических функций.

Грамматическим (морфологическим) ядром ФСП аспектуальности является грамматическая категория вида (аспекта). К периферийной зоне относятся лексико-грамматические и лексические средства выражения аспектуальных значений.

Что касается межкатегориального взаимодействия темпоральности и аспектуальности, то оно происходит как на уровне языковой содержательной категоризации, так и на уровне грамматической категориальной семантики.

В семантический потенциал категории темпоральности, помимо указания на последовательность существования сменяющих друг друга явлений, входит обозначение объективной действительности по отношению к исходной точке координат в системе ориентации субъекта, центру *Origo*, совмещающему понятия «здесь – сейчас – я», т. е. отражение объективной длительности, скорости и последовательности наблюдаемых явлений. Следовательно, одно и то же действие может быть маркировано по нескольким временным признакам одновременно: когда, как долго, как часто, на какой временной фазе, однократно / многократно, в какой временной последовательности, «привязано / не привязано» к оси времени [17, с. 103]. Эти значения относятся к периферии нескольких функционально-семантических признаков и покрывают семантические зоны, одновременно входящие в несколько функционально-семантических признаков, – темпоральности, аспектуальности, временной локализованности и таксиса.

Таким образом, ФСК темпоральности и ФСК аспектуальности определенным образом характеризуют действие: первая категория – с точки зрения его локализованности / нелокализованности во временном плане настоящего, вторая – с точки зрения характера его протекания. По нашему мнению, это позволяет говорить о наличии точек пересечения семантических областей, занимаемых вышеназванными ФСК.

Результатом межкатегориального взаимодействия анализируемых ФСК является образование области смежных значений, объединяющей конститuenty ядерной и периферийной зон двух ФСП – темпоральности и аспектуальности.

В грамматической системе английского языка также происходит взаимодействие семантики категориальных форм времени и вида. Будучи самостоятельными грамматическими категориями, вид и время являются категориями взаимосвязанными. В некоторых пунктах они пересекаются, перекрещиваются, обнаруживая взаимосвязь и взаимозависимость [22; 23; 16].

Интересно также, что *аспектуальное* значение может взаимодействовать с семантикой категории *модальности*. Такое взаимодействие проявляется в том, что, несмотря на объективный характер способа осуществления действия, который фиксируется наблюдателем, вариант его языковой репрезентации выбирается говорящим. В этой связи Н. Слюсарева говорит о «вторичной субъективности характера

(способа) действия» [22, с. 137]. Таким образом, ФСК аспектуальности на семантическом уровне оказывается связанной с категорией модальности (если трактовать модальность в широком плане как участие субъекта высказывания в оценке описываемого события) и проявляет себя как прагматически заряженная, антропоцентричная категория. В системе языка различные видовременные формы характеризуются разными модальными оттенками, разной способностью к выражению модальных значений, причем семантический потенциал видовых форм может актуализироваться в зависимости от конкретных условий употребления¹.

Еще одной категорией, с которой взаимодействует категория **темпоральности**, является функционально-семантическая категория **таксиса** и реализующая ее на грамматическом уровне категория временной отнесенности, представленная оппозицией перфектных и неперфектных форм.

Семантическое содержание ФСК таксиса определяется как характеристика сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту с точки зрения передачи отношений одновременности и неодновременности (предшествования или следования), но безотносительно к факту сообщения [6].

Категория временной отнесенности представляет собой ядерный центр ФСП таксиса, формируемого разноуровневыми языковыми средствами, объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода.

Периферийную зону данного ФСП образуют различные синтаксические и лексические средства выражения таксисных значений.

Категория таксиса вступает в определенное взаимодействие с категорией темпоральности, поскольку, с одной стороны, категория перфекта «является не особой характеристикой глагольного действия, а особым способом временной репрезентации сообщения» [28], а с другой – в систему средств выражения категории темпоральности входят перфектные формы.

При этом таксис всегда включает *аспектуальную* характеристику соотносимых во времени действий и может взаимодействовать с причинно-следственными, уступительно-противительными, условными и некоторыми другими, в частности *модальными*, элементами.

¹ Поле «времени – наклонения – аспекта» [29].

Наконец, **темпоральность** оказывается тесно связанной со значениями **временной локализованности / нелокализованности действия**, которые являются обязательным семантическим компонентом любого высказывания [13].

Категория локализованности действия во времени шире категории темпоральности, поскольку локализованность основана на оппозиции «значения конкретности действия, его прикрепленности к определенному отрезку времени / значения абстрактности, неопределенности положения действия во времени», т. е. со сферой темпоральности совпадает та ее часть, которая характеризуется признаком прикрепленности к оси времени [17, с. 104].

Интересно также, что локализованность / нелокализованность действия во времени как элемент характеристики протекания действия во времени может быть представлена как одно из микрополей в поле *аспектуальности* (в зоне пересечения аспектуальных и темпоральных отношений) [6].

Семантическая категория временной локализованности / нелокализованности обнаруживает также зоны пересечения с категорией *модальности*. Так, в сфере повелительного наклонения признаки временной локализованности / нелокализованности могут характеризовать оба компонента повелительной ситуации: акт волеизъявления, субъектом которого является говорящий, и акт каузируемого действия, субъектом которого может быть слушающий, говорящий вместе со слушающим (или слушающими) и лицо или лица, не участвующие в акте речи.

«Говоря об иерархии модальных значений и значений временной локализованности / нелокализованности, можно утверждать, что оппозиция временной локализованности / нелокализованности расположена на более высокой ступени иерархии, так как составляющие ее значения обуславливают в ряде случаев реализацию той или иной модальности и ограничивают возможности реализации той или иной коммуникативной рамки» [13, с. 128].

Наконец, понятие локализованности действия во времени сопоставимо с «эгоцентрическими координатами конкретности»: теперь, здесь, я, это, выделяемыми Б. Расселом. Конкретное действие не только прикреплено к определенному отрезку времени, но обычно конкретно и в своем отношении к пространству (здесь). Далее,

конкретное действие производится конкретным, а не обобщенным субъектом («я»), хотя при конкретном субъекте действие может быть и абстрактным. Таким образом, категорию локализованности – нелокализованности действия во времени можно рассматривать в рамках более широкой сферы определенности – неопределенности, связанной не только с действием, но и с *субстанцией*¹.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о формировании единой «темпорально – модально – аспектуально – таксисной» матрицы, синтагматическая реализация которой зависит от конкретных дискурсивных условий и прагматической установки говорящего.

Таким образом, предпосылка взаимных связей категорий в системе языка – их совместная данность в слове, однако в полной мере межкатегориальное взаимодействие проявляется в речевом функционировании грамматических форм в составе высказывания, которое влечет за собой «аккордную» актуализацию целого ряда грамматических значений. «Чистых» грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет [5].

Связи между грамматическими категориями глагола имеют не последовательный и всесторонний, а избирательный характер. Каждая грамматическая категория связана не со всеми категориями, представленными в данной части речи, причем связана по-разному. Следовательно, можно говорить о разных типах группировок грамматических категорий.

При этом та или иная грамматическая категория в определенном типе ее функционирования может представлять собой своего рода позицию для функционирования другой категории. В подобных случаях межкатегориальное взаимодействие принимает особую форму: данная грамматическая категория представляет собой систему, функционирующую в тех условиях, которые создаются другими грамматическими категориями и связанными с ними конструкциями, выполняющими по отношению к данной категории роль среды [7].

¹ Уже на когнитивном уровне можно говорить о нерасторжимости образов объекта и субъекта, объективированных в частеречной системе. Субъектные оценки «пронизывают» все классы слов, что находит отражение в грамматических категориях времени и наклонения у глагола, а также в лексической семантике представляющих различные классы единиц, значения которых включают коннотативный компонент [11].

С точки зрения соотношения системы и среды можно интерпретировать такие факты, как взаимодействие **лексических и грамматических средств выражения** категориальной семантики.

В терминах *когнитивной лингвистики* речь идет о едином «лексико-грамматическом континууме» (R. Langacker), причем лексические концепты выполняют функцию «узлов доступа» (access sites) к значительному объему информации, хранящемуся в концептуальной системе человека в виде концептов / концептуальных доменов / когнитивных моделей [30].

Так, по наблюдениям когнитологов, использование глаголов и временных предлогов отражает различные варианты сканирования когнитивной ситуации: «При последовательном сканировании (sequential scanning) различные параметры ситуации сканируются таким образом, что они не могут быть представлены одновременно на какой бы то ни было стадии данного процесса. Вследствие этого время предстает как динамический процесс, что характерно для концептуализации событий, а результат подобной концептуализации кодируется глаголами. При суммарном сканировании (summary scanning) различные параметры ситуации воспринимаются в совокупности и одновременно присутствуют в процессе концептуальной репрезентации. Вследствие этого временная ситуация воспринимается как гештальт, единой целое, что характерно для статичных ситуаций, кодируемых в языке с помощью лексических средств, например предлогов» [30, с. 196, 206–207].

Таким образом, язык как носитель когнитивного содержания строится на дискурсивном взаимодействии двух базисных типов категорий – лексических и грамматических, отражающих два разных способа кодирования когнитивно значимых смыслов.

В теории *фреймового анализа* лексическим единицам придается статус недоминантных единиц, способных, наряду с глаголом как доминантной единицей, активизировать событийные фреймы. При этом специфика недоминантных единиц, составляющих поверхностную структуру предложения-высказывания, заключается в «ступенчатой активизации событийного фрейма через предварительную активизацию соответствующего терминала ...» [4, с. 124].

Наконец, в рамках *функционально-грамматического подхода* лексические значения слов рассматриваются как среда, обуславливающая конкретную репрезентацию грамматической категории как

системы и самую возможность или невозможность (или ограниченность) функционирования того или иного элемента этой системы. Так, при функционировании видовых форм их значения взаимодействуют с семантикой соответствующего способа действия (что связано со средой в ее парадигматическом аспекте); вместе с тем, частные видовые функции обусловлены взаимодействием категориального значения видовой формы и аспектуального класса, что связано с синтагматической (речевой) стороной понятия среды.

Рассмотрим несколько конкретных примеров участия лексических единиц в выражении исследуемых нами категорий.

Темпоральная семантика, помимо глагольных форм времени, может передаваться именными выражениями и предложными конструкциями.

По наблюдению Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэрда, в семантике имен заложены такие компоненты временного значения, как: точка, мгновение; период, интервал; ритм; расположение / распределение событий в прошлом, настоящем и будущем; временная перспектива. Однако часто в семантике конкретных имен несколько сем могут выражаться одновременно [10].

Что касается предложных конструкций, они могут выполнять целый набор функций по временной параметризации действия [17, с. 105]:

1. *Дейктические (указательные)* – способность временной конструкции указывать на время по отношению к центру временной ориентации, обозначенному глагольной формой.
2. *Таксисные (соотносительные)* – способность конструкции выражать порядок следования (до – сейчас – после), а также временное отношение, возникающее между действиями в рамках целостного временного периода.
3. *Локализационные* – способность конструкции локализовывать действие путем называния какого-то временного отрезка или точки на оси времени.
4. *Модифицирующие* – косвенная временная характеристика действия, содержащая такие элементы значения, как дуративность, терминативность, постепенность, разделительность, повторяемость, мгновенность и т. д.

При этом одна и та же конструкция способна выполнять одновременно несколько функций по временной ориентации действия, т. е. имеет место синкретизм функций.

Для выражения *процессуальной* семантики могут использоваться отглагольные номинализации, поскольку, объединяя категории процессуальности и предметности, они наследуют свойства концептуальных структур глагола и существительного [12].

Наконец, одним из косвенных средств выражения модальности является инфинитивно-атрибутивный комплекс, трактуемый как «потенциально-предикативная, номинализованная конструкция» [24]. Особенность семантики данной конструкции заключается в том, что в результате трансформации исходного предложения это депрецированное выражение способно одновременно выражать оба аспекта процессной ситуации:

1. Ее номинативный, диктальный, аспект, состоящий в эксплицитном и имплицитном указании на участников ситуации и потенциальное действие.
2. Ее модальный аспект, заключающийся в эксплицитном или имплицитном указании на характеризующую данную пропозицию модальность.

Как следствие, инфинитивно-модальный комплекс участвует в репрезентации элементов «модальных фреймов ситуации».

Таким образом, можно сказать, что, наблюдая и описывая фрагмент действительности, говорящий выделяет ее наиболее прагматически и интенционально значимый (профилирующий) признак и для его вербализации выбирает наиболее адекватное языковое выражение из репертуара имеющихся языковых средств. При этом выбранное им языковое выражение для номинации ситуации навязывает ей определенный образ. Соответственно одна и та же ситуация может концептуализироваться по-разному.

В качестве одной из перспектив дальнейшего исследования нам видится анализ национальной специфики изучаемых когнитивных комплексов и категорий.

Как известно, язык играет важнейшую роль в познании действительности, в формировании вполне определенной «картины мира», которая создается под влиянием того или иного языка как отражения определенного способа представления внеязыковой реальности, т. е. «национальной внутренней формы языка», мировоззрения его народа (в терминологии В. Гумбольдта).

Разные языки – это различные способы духовного освоения действительности, в основе которых лежат одинаковые принципы

человеческого мышления. Каждый язык своеобразно представляет мир в значениях своих единиц (лексика), в особой образности (фразеология), в особой конструкции понятийных категорий¹ (грамматика).

Следовательно, язык образует свою «семантическую вселенную» и изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык – свою. Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира, эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности, дополняют нашу общую картину знаний, корректируют ее [15].

Концепт как «ячейка» этнокультурной среды в ментальном мире человека (термин Ю. С. Степанова) включает в себе *этнокультурную репрезентацию концептуальной формы мысли, передающую всю специфику и индивидуальность конкретного языка. Следовательно, концепты и концептуальные структуры являются средствами выражения этнической специфики мышления, производной от реального мира*² [25].

Таким образом, с семиологической точки зрения язык можно рассматривать как «диаграммный образ мира, навязывающий последнему определенную сеть категоризации, культурно маркированную» [8, с. 41]. Разные языки, отражая характерные особенности материальной и духовной культуры нации, структурируют континуум своим специфическим способом [9].

Собранный нами материал позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Помимо элементарных единиц, могущих быть исчисленными набором предсказуемых, стабильных и взаимосвязанных характеристик, в когнитивной системе есть единицы, которые репрезентируют многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов возможного их осмысления. Это знание *матричного формата*, т. е. система взаимосвязанных когнитивных контекстов.

¹ Ср. «теорию этносинтаксиса» А. Вежбицкой.

² Данное положение не противоречит «теории об универсальности языка мысли», сформулированной Шпербером и Уилсоном: при сходстве базовых мыслительных представлений о мире у представителей разных культур различаются варианты их репрезентации: один язык детализирует представления, другой – нет. Образно-эмоциональные ощущения могут отразиться в номинации одного и того же денотативного фрагмента действительности по-разному.

При этом важно, что на фоне матрицы как формата знаний проявляется *культурная специфика* когнитивных контекстов.

2. Явление межкатегориального взаимодействия «пронизывает» всю концептуальную систему индивида:

- На *когнитивном* уровне речь идет о взаимодействии когнитивных категорий пространства и времени в силу опосредованной концептуализации последнего; категорий времени и «способов действия», коррелирующей в системе языковых категорий с аспектуальной характеристикой действия; а также категорий времени и «субъективной оценки», что позволяет говорить о формировании «когнитивной матрицы», узлы которой – категории пространства, времени, способов действия, субъективной оценки, а сеть пересечений между ними – отражение комплексного взаимодействия семантики этих категорий.
- На уровне *языковой* семантики речь идет, прежде всего, о взаимодействии категорий темпоральности, аспектуальности, модальности, а также наклонения как коррелята этой функционально-семантической категории в системе грамматических категорий глагола, временной локализованности / нелокализованности и таксиса.
- В *функциональном* плане это взаимодействие проявляется в частичном наложении ядерных и периферийных зон соответствующих функционально-семантических полей, которые могут актуализироваться в конкретном высказывании, разворачиваясь как целые серии конкретных реализаций межкатегориального функционального взаимодействия.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о формировании единой *темпорально – модально – аспектуально – таксисной матрицы*, синтагматическая реализация которой зависит от конкретных дискурсивных условий и прагматической установки говорящего.

3. Одним из практических следствий явления межкатегориального взаимодействия в системе языка является формирование единого *лексико-грамматического континуума*, в котором лексические концепты выполняют функцию «узлов доступа» к значительному объему информации, хранящемуся в концептуальной системе индивида в виде концептов / когнитивных моделей. Лексическим единицам придается статус недоминантных единиц, способных, наряду с глаголом как доминантной единицей, активизировать событийные фреймы.

Таким образом, многообразие видов взаимодействия языковых сущностей является прямым отражением многообразия связей, имеющих в объективной действительности. В конечном итоге изучение различных сторон межуровневого взаимодействия позволяет сформулировать вывод о континуальности языковой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч.тр. / отв. редактор Л. А. Манерко; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 9–14.
2. *Беседина Н. А.* Межуровневое взаимодействие в языке как проблема когнитивной лингвистики // Сб. материалов Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике / отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания РАН, Управление образования и науки администрации Тамбовской обл., Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Общерос. Обществ. орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов : ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 58–61.
3. *Болдырев Н. Н.* Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Сб. материалов Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике / отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Управление образования и науки администрации Тамбовской обл., Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Общерос. Обществ. орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 50–55.
4. *Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А.* Когнитивные аспекты функциональной поликатегоризации английского глагола // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч.тр. / отв. ред. Л. А. Манерко ; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 123–128.
5. *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. – Л. : Наука, 1971. – 114 с.
6. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л. : Наука, 1983. – 207 с.
7. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.
8. *Виноградов В. А.* Когнитивные основания грамматики // Сб. материалов Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике / отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания РАН, Управление образования и науки администрации Тамбовской обл., Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Общерос. Обществ. орг-ция «Российская

- ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 41–42.
9. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.
 10. *Глызина В. Е.* О прототипической природе временного признака в семантике имени существительного // Когнитивные аспекты языкового значения. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – № 5. – С. 41–44. – (Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика).
 11. *Жаботинская С. А.* Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. / отв. редактор Л. А. Манерко ; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 15–21.
 12. *Ирисханова О. К.* Некоторые особенности категоризации отглагольных имен существительных // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч.тр. / отв. ред. Л. А. Манерко ; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 62–69.
 13. *Козинцева Н. А.* Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1991. – 142 с.
 14. *Кубрякова Е. С.* Номинативный акт и его когнитивно-прагматические аспекты // Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики. – М., 1990. – С. 9–14. (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 357).
 15. *Кузнецов З. А.* О мировидении языковой личности // Когнитивные аспекты языкового значения. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – № 5. – С. 72–77. – (Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика).
 16. *Мурашов Р. З.* Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопросы языкознания. – 2001. – №5. – С. 86–112.
 17. *Пескова Н. А.* К вопросу о соотношении темпоральности, временной локализованности, аспектуальности и таксиса // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч.тр. / отв. редактор Л. А. Манерко ; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 103–106.
 18. *Попова М. И.* Когнитивная основа пространственной метафоры времени // Когнитивные аспекты языкового значения. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – № 5. – С. 122–126. – (Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика).
 19. *Пупынин Ю. А.* Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике / ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Н. А. Козинцева. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 1996. – С. 43–60.
 20. *Рянская Э. М.* Способы глагольного действия в когнитивном аспекте // Когнитивные аспекты языкового значения. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – № 5. – С. 133–139. – (Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика).

21. *Свидерская В. Л.* Модальная структура нарратива // Когнитивные аспекты языкового значения. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – № 5. – С. 140–145. – (Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика).
22. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М. : Наука, 1986. – 215 с.
23. *Тесленко И. М.* Способы темпоральной локализации действия, выраженного неличной формой глагола, в современном английском языке // Базовые грамматические единицы языка в речевой коммуникации. – М., 1988. – С. 115–123. – (Тр. / МГПИИЯ им. М.Тореза; вып. 306).
24. *Тимофеева С. В.* Текстовые функции инфинитивно-атрибутивного комплекса в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 16 с.
25. *Фесенко Т. А.* Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч.тр. / отв. ред. Л. А. Манерко ; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 141–144.
26. *Храковский В. С.* Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Н. А. Козинцева. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 1996. – С. 22–42.
27. *Чупрына О. Г.* Закономерности категоризации временного опыта в древнеанглийском языке // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Манерко ; РГПУ им. С. А. Есенина. – Рязань, 2000. – С. 118–122.
28. *Штелинг Д. А.* Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке : учеб. пособие. – М. : МГИМО, ЧеРо, 1996. – 254 с.
29. *Bybee J. L. & Dahl Osten.* The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World // Studies in Language. – 1989. – № 13. – P. 51–103.
30. *Evans V.* A Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh University Press, 2007. – 239 p.
31. *Jackendoff R.* Semantics and cognition. – London, 1983. – 253 p.

УДК 811.111.36

И. С. Лебедева, Е. Б. Павлова

Лебедева И. С., кандидат филологических наук,
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Павлова Е. Б., кандидат филологических наук,
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: lena.pavlova@live.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются семантические и прагматические особенности употребления интенсификаторов в современном английском языке (в разговорном дискурсе и газетном стиле). Описываются процессы грамматикализации и делексикализации, которые лежат в основе развития интенсификаторов, также уделяется внимание их обновлению и сочетаемости. Обсуждаются современные классификации интенсификаторов. Анализу подвергаются два основных типа интенсификаторов: даунтонеры и эмплифаеры. Интенсификаторы располагаются на шкале в соответствии с выражаемой ими степенью интенсификации пропозиции. В статье приводятся статистические данные относительно частотности употребления интенсификаторов в разговорном английском языке и газетном стиле. Кроме того, получают освещение проблемы, связанные с классификацией и определением интенсификаторов.

Ключевые слова: интенсификатор; грамматикализация; делексикализация; обновление; сочетаемость; эмплифаер; даунтонер; эмфасайзер; бустер; максимайзер; минимайзер; диминишер; компромайзер; аппроксиматор.

I. S. Lebedeva, E. B. Pavlova

Lebedeva I. S., Ph.D., Ass. Prof.,
Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Pavlova E. B., Ph.D., Ass. Prof.,
Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: lena.pavlova@live.ru

INTENSIFIERS IN MODERN ENGLISH

The article looks into the use of intensifiers, their semantic and pragmatic features and peculiarities of their usage in the English language (colloquial

and newspaper). The two processes grammaticalisation and delexicalisation observed in the evolution of intensifiers are described as well as their renewal and boundedness. An overview of modern classifications of intensifiers is given. Two major classes of intensifiers are analyzed: down-toners and amplifiers. Intensifiers are arranged on the intensity scale according to the degree of intensification which they convey. Statistics on the frequency of occurrence of intensifiers are provided to illustrate their usage in spoken discourse and newspaper language. Some problems linked to classifying and defining intensifiers are discussed.

Key words: intensifier; grammaticalisation; delexicalisation; renewal; boundedness; amplifier; downtoner; emphaziser; booster; maximizer; minimizer; diminisher; compromiser; approximator.

The present paper looks into the use of intensifiers, their semantic and pragmatic features and peculiarities of their usage in the English language.

From the 20th century onwards, numerous studies have been conducted on the use of intensifiers, i.e. degree words that scale a quality up or down to a certain degree [21; 6; 3; 19; 20]. These studies have greatly contributed to the structural description and semantic categorization of intensifiers. Huddleston & Pullum [8] argue that intensifiers are not to be regarded as a primarily grammatical or lexical category, they possess grammatical properties, although are insufficiently defined unless we describe their functional significance. Some of these early studies already referred to the processes of *grammaticalisation* and *delexicalisation*, which could be defined as the reduction of the lexical content of a word [18, p. 183] so that it comes to fulfill a particular function, in our case it is intensification. More recent studies [9; 15] predominantly focused on the constant change (*renewal*) of intensifiers during the last decades. Renewal takes place when “existing meanings may take on new forms” [7, p. 122]. This is generally characterized by coming up with new ways of saying roughly the same things. For instance, the meaning of “to a high degree” can be expressed by older forms that are completely grammaticalised, such as *very*, or newer and more expressive forms, such as *extremely* and *tremendously*. The more a linguistic item is grammaticalised, the more it collocates with a variety of adjectives and verbs, which increases its frequency. The development of intensifiers is a good example of renewal since this process demonstrates how older and newer layers can coexist and display different meanings over time [7, p. 121]. A large inventory

of intensifiers allows to avoid repetition and increase expressivity. Méndez-Naya [13, p. 372] notes that because intensifiers are used for a markedly emotional function, they are especially inclined to undergo renewal, as their function of boosting decreases over time, due to, for instance, overuse. This indicates that intensifiers are only used until felt to be inadequate to create a certain kind of impact, and, consequently, new forms are adopted to place new emphasis on the expression. Hopper and Traugott [7] state that over the past centuries *very* has alternated with e.g. *terribly*, *really*, *pretty*, *surprisingly*, *extremely*, and *highly*, depending on which word was in vogue at the time. The continuous evolution of degree words can be explained by the speaker's urge to "achieve expressivity" [11, p. 143], as well as by "the fluid patterns of language use" [7, p. 2]. Therefore, the more unexpected and unusual an intensifier is in a given context, the more it will add expressivity to what is being said [11, p. 143]. These linguistic elements "afford a picture of fevered invention and competition that would be hard to come by elsewhere, for in their nature they are unsettled" [3, p. 18]. Intensifiers are, thus, continuously changing due to the diachronic and synchronic process of grammaticalisation and the speaker's need to add emphasis to what is being said. Therefore, they are utterly interesting language phenomena if one wants to gain insight into language change processes in general and grammaticalisation more specifically.

The meaning of intensifiers depends on the context in which they occur. Since intensifiers are used to emphasize or weaken propositions and express the speaker's stance, their individual connotation depends on the quality and type of the linguistic item that is being modified, primarily adjective. Paradis [17] notes that different characteristics should be attributed to intensifiers based on their positive and negative scaling and degree of *boundedness*, which indicates to which extent they collocate with a particular type of adjectives. The more words an intensifier collocates with, the more delexicalised it is. New intensifiers are expected to have fewer collocates, whereas older ones are used with a wide array of adjectives. More recent intensifiers have an ambiguous meaning. For instance, intensifiers such as *terribly* and *awfully*, still retain their meaning of 'terror', although they have gradually acquired a more grammatical meaning of intensification [17, p. 338]. According to Stoffel, *awfully* was not yet considered part of normal conversations, but a manifestation of

“slang” at the beginning of the twentieth century [21, p. 121]. Partington, however, claims that *terribly* and *awfully* used to “excite terror or dread” [18, p. 183] while now they have almost completely disposed of these lexical meanings in favour of a more neutral intensifying function. Yet, if we observe the adjectival collocations of *terribly* in the BNC and COCA, the most frequently modified adjectives still express a negative quality. The five most popular adjectives collocated with *terribly* are *wrong*, *important*, *sorry*, *difficult* and *sad* in the COCA and *sorry*, *important*, *difficult*, *wrong* and *hard* in the BNC [4; 5].

Tagliamonte [24, p. 362] states that the reason why intensification is so popular and provides researchers with an opportunity to study linguistic change is three-fold: they are “an ideal choice” because of their versatility and color, capacity for rapid change and recycling of different forms. Intensifiers should be used with great care. Although they are unable to change the semantics of the utterance, they can considerably modify its meaning. Incorrect usage of intensification could have an unexpected pragmatic outcome. For example, L. Long and W. Christensen [10] observe that overuse of intensifiers (*very*, *clearly*, *obviously* and the like) negatively affects the persuasiveness and credibility of a legal argument. The authors measure intensifier use against outcomes. They prove that excessive intensification in appellate briefs is usually associated with a significant increase in adverse outcomes for the party using the intensifiers.

The definition of the intensifier varies from scholar to scholar, as no unified terminology has widely been accepted so far. Intensifiers, degree words [3, p. 18] or adverbs of degree [1, p. 7], as they are also known, serve to “convey the degree or the exact value of the quality expressed by the item they modify” [14, p. 213]. The word ‘degree’ is often used in connection with this linguistic phenomenon, because this class of words is often said to modify gradable adjectives and signal different degrees of intensification on the intensity scale [2; 20]. Various books on grammar [3; 2; 19; 20] present somewhat different views on the classification of degree adverbs, which will be discussed below (*see Table 1*).

Table 1

Overview of classifications of intensifiers in the English language

Author(s)	Scaling upwards		Scaling downwards	
	Bolinger (2013)	Boosters She is <i>terribly</i> selfish. Amplifiers:	Compromisers She is <i>fairly</i> happy. Maximizers: completely absolutely, most, utterly Boosters: badly, deeply	Diminishers They were <i>little</i> disposed to argue. Emphasizers: actually, honestly, certainly, clearly, obviously, definitely, frankly, really, just
Quirk & Greenbaum (1982)	Amplifiers	Maximizers absolutely, totally altogether Boosters highly, badly, deeply, intensely, so really	Downtoners	Approximators almost, virtually, practically Compromisers kind of, quite, rather sort of Diminishers somewhat, quite, slightly Minimizers scarcely, barely, hardly
Quirk et al. (1985)	Amplifiers	Maximizers absolutely, totally altogether Boosters highly, badly, deeply, intensely, so really	Downtoners	Approximators almost, virtually, practically Compromisers kind of, quite, rather sort of Diminishers somewhat, quite, slightly Minimizers scarcely, barely, hardly
Biber et al. (1999)	Amplifiers / Intensifiers so, more, awfully, very, too, perfectly, extremely		Diminishers / Downtoners somewhat, less, quite, rather, slightly	

The Intensity Scale

Intensifiers signal different degrees of intensification on the intensity scale [2; 20] and are not limited to indicating an increase in intensity; they indicate a point on the intensity scale which may be high or low. Intensifiers are first thing divided into *amplifiers* [20] or intensives [21] that scale upwards from an assumed norm and *down-toners* that have a lowering effect, usually scaling downwards from the neutral [2; 20]. Amplifiers are further divided into:

- *emphasizers* (which indicate a high degree of the modified proposition), e.g.:

I was never really fat, but I always struggled with **just** being kind of on the verge.

She **actually** called these hearings a charade and a farce when she wrote.

She's following this procession, **clearly** encouraged.

Well, I think Dole is **frankly** in the better position right now.

I **honestly** think that we do need some type of change.

- *boosters* (which denote a higher degree of the modified proposition), e.g.:

Both groups **strongly** supported making English the nation's official language.

A **badly** beaten Stefan claims he was attacked by a creditor.

A State Department spokesman last week called Teng's case "**deeply** disturbing."

Reports of Tony Hart's second death are greatly exaggerated.

Immediately, though everything else remained as before, dim and dark, the shapes became **terribly** clear.

People are saying it's going to be **bitterly** cold tomorrow tonight.

Simpson is **intensely** depressed.

- and *maximizers* (which denote the upper extreme on the intensity scale), e.g.:

It's an old-fashioned, down-to-earth club that operates **entirely** contrary to the grotesque excesses of the 1990s.

It's polarizing and creates the illusion that the clash of **utterly** biased accounts produces the truth.

Many analysts and policymakers focus **most** closely on the so-called core CPI, which excludes changes in...

I believe that he is **fully** aware of it.

I was **extremely** ashamed of my situation.

Down-toners, in their turn, fall into:

- **compromisers / approximators** (which indicate a low degree of the modified proposition)¹, e.g.:

...he doubts it will be good **enough** for the craft to make it into orbit.

So, you know, her English is still **pretty** basic.

You can see the wind is still **rather** significant here.

But it's **fairly** easy to distinguish teal from those other species.

It appears, from the ground, as a **moderately** bright star.

- **diminishers** (which denote a lower degree of the modified proposition), e.g.:

I believe he's **a little** better than average.

We normally get a **slightly** nervous phone call or e-mail...

Spector had told his son and his friends that he was **somewhat** crazy, a manic depressive.

After leaving Chicago, Sun Ra and his Arkestra became **somewhat** famous.

- and **minimizers** (that occupy the lowest end on the intensity scale), e.g.:

And you told me she didn't do you **hardly** any good.

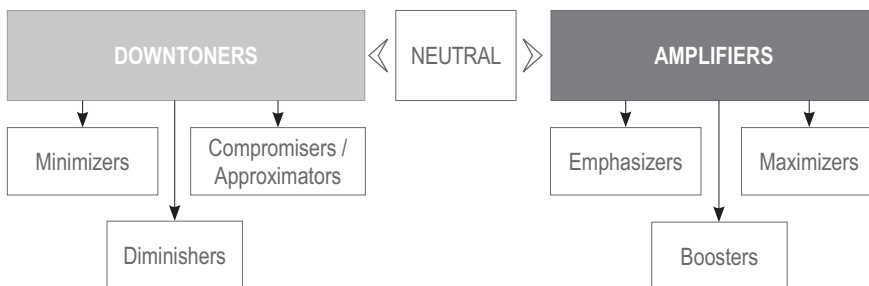
So, you know, those are **barely** books.

Scopus, **scarcely** a month after the Six-Day War.

There's **scarcely** a single native organism in San Francisco Bay anymore.

¹ Compromisers and approximators are represented by different intensifiers, however, they occupy the same position on the intensity scale, as the degree of attenuation which they create is approximately the same.

The intensity scale

The problem with intensifiers and their classification lies in their ability to be used for both purposes – scaling something up (amplifiers) and downwards (down-toners) depending on the speaker’s intention [20]. Such difficulties often arise with *quite*, which can be used to indicate both functions, depending on the context and interpretation. Although they are labeled as down-toners by Biber et al. [2] they can also have an amplifying effect. Quirk et al. [20] argue that *quite* can be both a maximizer and a compromiser.

Quite usually means *fairly / reasonably* if used as an amplifier, e.g.:

The film is quite good.

And this is also true of ... uhm this ... uh ... **quite** famous caricature of Carlo Name’s Triumphant Entry into Leadenhall Street.

In articulatory terms the secondary articulatory resonance of the liquids in these two words is **quite** different.

British speakers also use *quite* in the meaning of *absolutely* usually before words with an extreme meaning. In cases like this *quite* is stressed in speech [12], e.g.:

His contributions to the science are **quite** remarkable.

According to M. Swan [22], *quite* (especially in BE) suggests a higher degree than *fairly*. This ambiguity may be one of the reasons why down-toners are so often ignored in studies [24; 23].

An intensifier similar to *quite* is *pretty* which can be both a booster and a compromiser, e.g.:

So, you know, her English is still **pretty** basic (*compromiser*).

He has three kids, and his wife Janie keeps a **pretty** close eye on him (*booster*).

I tried to assess that and decided that I could see **pretty** clearly a pattern of why I went where I went (*booster*).

However, the *Oxford English Dictionary* [16] defines *pretty* as an intensifying adverb modifying an adjective or adverb and meaning *to a considerable extent; fairly, moderately; rather, quite / very*. As time passed *pretty* acquired a more amplifying meaning.

The intensifier *little* usually functions as a minimizer, while *a little* is a diminisher in most cases, which points to controversy in this area and indicates that there is a lack of clear boundary between these two groups, e.g.:

These **little** known rules of the road help you drive smarter (*minimizer*).

Examples (23) and (25) are **a little** dubious.

Another downtoner which arouses ambiguity is *partly* which functions as a diminisher and a compromiser, e.g.:

What you say is only **partly** true (*diminisher*).

It's **partly** my fault (*compromiser*).

The unicellular plant is always **partly** fluid, but never entirely so (*diminisher*).

He had been at least **partly** responsible for dashing her hopes (*diminisher*).

For the purpose of the paper we have analyzed the use of intensifiers in British and American spoken and newspaper language during the past decade.

Maximizers in spoken and newspaper American and British English

In BE the rate of occurrence of *very* was the highest. *Most* ranked second and *quite* occupied the third position among all the maximizers found in the British national corpus for both spoken and newspaper language. However, considerable differences were observed in the use of the three most common intensifiers in newspaper and spoken language. *Very* was three times as frequent in spoken discourse as in the newspaper language and *quite* was five times more frequent in spoken discourse than in the newspaper language. The frequency of occurrence of *most* was twice

as high in newspaper English as in spoken discourse. In AmE the same intensifiers (most, very, quite) were the most frequent as well among all the intensifiers which were subjected to analysis. However, *most* turned out to be more frequent than *very*, unlike BE. *Very* was predominantly used in spoken AmE (six times as frequently as in newspaper AmE) and *most* was equally common in both spoken and newspaper AmE. The frequency of *quite* was higher in Spoken American. Among other less frequently used intensifiers we observed *absolutely*, *completely*, *fully* and *extremely* both in BE and AmE. Of these *absolutely* and *completely* were more common in spoken discourse in BE and AmE. *Fully* was more frequent in newspaper language in both varieties. The usage of *extremely* was different in BE and AmE: in BE it was typical of newspaper language, while in AE it prevailed in spoken discourse. Among the least frequent intensifiers are: *unbelievably*, *delightfully*, *strikingly* and *amazingly*. In BE *unbelievably* and *delightfully* are more common in newspaper language than in spoken discourse. In AmE, however, *unbelievably* was more common in spoken language, whereas *delightfully* was more frequent in newspaper language as in BE.

Boosters in spoken and newspaper American and British English

So and *really* are the most common boosters in the two varieties of the English language. Both of them are more typical of spoken discourse than newspaper language. *Highly*, which occupies the third position, as far as frequency is concerned, is more frequent in the newspaper style. *Strongly* and *badly* were more common in BE. Considerable differences were observed in the use of these intensifiers in the newspaper style in BE: *boldly* turned out to be twice as frequent in newspaper language as *strongly*, while there were no differences observed in spoken discourse. In AmE the two aforementioned intensifiers were used in both spoken and newspaper language with equal frequency. *Deeply* was equally frequent in the two varieties of the English language: in AmE it was equally found in spoken and newspaper language, whereas in BE it was four times more frequent in newspaper language than in spoken discourse. *Greatly* was more common in BE, in both varieties it was more typical of the newspaper style. *Terribly* was equally common in the two varieties and was predominantly used in spoken language. Among other less frequently used boosters we observed

bitterly, *immensely* and *intensely*. Of these three *bitterly* and *intensely* were typical of the newspaper style, while *immensely* was equally present in spoken and newspaper language both in BE and AmE.

Emphasizers in spoken and newspaper American and British English

In the two varieties of the English language *just*, *actually* and *certainly* were the most frequently observed emphasizees, they were much more common in spoken discourse. *Clearly*, *obviously*, *definitely*, *frankly* and *honestly* were also typical of spoken discourse rather than newspaper language in BE and AmE. It is noteworthy that none of the emphasizees is typical of newspaper language, which suggests that the degree of emphasis they give is not enough for the purpose of the newspaper – to influence the reader. Newspaper contributors opt for stronger amplifiers on the intensity scale such as boosters (*highly*, *bitterly*, *intensely*, *immensely*) and maximizers such as *most* (AmE), *very* (BE) and *fully* (both in BE and AmE). *No less* also functions as an emphasizee, for example: Your second point is **no less** important.

Compromisers in spoken and newspaper American and British English

Compromisers belong to the class of down-toners which attenuate the force of the proposition expressed by the utterance. *Enough* has the highest frequency of occurrence in BE, whereas the most common compromiser in AmE is *rather*. In BE *enough* is more typical of the newspaper style, while in AmE its rate of occurrence is much higher in spoken language. *Rather* prevails in spoken English in both varieties, thus being twice as frequent in BE as in AmE. *Quite* ranks third in both British and American English and is predominantly used in spoken language in the two varieties. The intensifier *pretty*, which ranks fifth, is mainly used in spoken English. It has two meanings similar to *fairly* and *very*, e.g.:

So, you know, her English is still **pretty** basic (*fairly*).

We've had a **pretty** decent crop (*very*).

Yes, I think our hearts are beating **pretty** fast right now (*very*).

The intensifying adverbs *fairly* and *partly* are two times more frequent in BE than in AmE. *Partly* is more common in the newspaper style in both varieties, while *fairly* is typical of British and American spoken discourse.

In British English the intensifier *partly* is four and a half times more frequent than *partially*. *Partially* and *moderately* show an equal frequency of occurrence in the newspaper style in the two varieties. The least frequent intensifier in both BE and AmE is *moderately*.

Approximators in spoken and newspaper American and British English

The purpose of approximators is approximation of the proposition. *Almost* has the highest frequency of occurrence in both varieties, although it is more common in AmE. In AmE the use of this intensifier is slightly higher in spoken discourse than in the newspaper style. In BE *almost* is more typical of newspaper language. *Nearly* ranks second being more frequent in the newspaper style in both varieties. *Virtually*, which ranks third, is more common in the newspaper style in both BE and AmE. *Practically* shows the lowest rate of occurrence. The frequency of this modifier in spoken British discourse almost two times outnumbers its frequency in the newspaper style. In American English this intensifier is slightly more common in the newspaper style.

Diminishers in spoken and newspaper American and British English

Diminishers are degree adverbs which decrease the effect of the modified proposition. The frequency rate of *little* is the highest in both varieties. It is more common in the newspaper style in BE and AmE. *Quite* ranks second prevailing in spoken language in the two varieties. It is far more common in spoken BE than in AmE. *Slightly*, which ranks third, prevails in American newspapers. This intensifier is more frequent in spoken BE as compared to spoken AmE with a difference of 31%. The least frequent intensifier is *partly*.

Minimizers in spoken and newspaper American and British English

Minimizers occupy the lower end of the intensity scale and minimize the quality of the modified proposition, usually an adjective. Minimizers are more frequent in American English. *Little* has the highest rate of occurrence. The frequency of *little* in spoken language more than two times outnumbers its frequency in the newspaper style in both varieties. *Hardly* ranks second, prevailing in the newspaper style in BE and AmE.

Barely, which ranks third, is more common in newspaper language in the two varieties. The least frequent intensifier is *scarcely*. It is more typical of the newspaper style.

REFERENCES

1. *Backlund U.* The Collocation of Adverbs of Degree in English. – Uppsala : Almqvist and Wiksell, 1973. – 310 p.
2. *Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. and Finegan E.* Longman Grammar of Spoken and Written English. – Harlow : Longman, 1999. – 1204 p.
3. *Bolinger D.* Degree Words. – The Hague : Walter de Gruyter, Inc., 2013. – 324 p.
4. British National Corpus URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
5. Corpus of Contemporary American English URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
6. *Fries C.* American English Grammar: The Grammatical Structure of Present-Day American English with Especial Reference to Social Differences or Class Dialects. – New York : Appleton-Century-Crofts, 1940. – 313 p.
7. *Hopper P. & Traugott E.* Grammaticalization. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 276 p.
8. *Huddleston R. & Pullum G.* Adjectives and Adverbs: The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1860 p.
9. *Ito R. & Tagliamonte S.* Well weird, right dodgy, very strange, really cool: Layering and recycling in English intensifiers // *Language in Society*. – 2003. – 32(2). – P. 257–279.
10. *Long L. & Christensen W.* Clearly, Using Intensifiers Is Very Bad – Or Is It? // Unpublished paper from the selected works of Lance N. Long, 2008. – URL : http://works.bepress.com/lance_long/1/
11. *Lorenz G.* Really Worthwhile or Not Really Significant? A Corpus-based Approach to the Delexicalization and Grammaticalization of Intensifiers in Modern English // *New Reflections on Grammaticalization* / I. Wischer and Gabriele Diewald (eds.). – Amsterdam : Benjamins, 2002. – P. 143–161.
12. *Mann R., Newbrook J. & Wilson J.* New Proficiency Gold Exam Maximizer. – Harlow : Pearson Education Limited, 2002. – 175 p.
13. *Mendez-Naya B.* On intensifiers and grammaticalization: The case of *swipe* // *English Studies*. – 2003. – 84. – P. 372–391.
14. *Mendez-Naya B.* Special issue on English intensifiers // *English Language and Linguistics*. – 2008. – 12 (2). – P. 213–219.
15. *Murphy B.* Corpus and Sociolinguistics: Investigating Age and Gender in Female Talk. – Amsterdam : Benjamins, 2010. – 252 p.
16. *Oxford English Dictionary*. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 1620 p.

17. *Paradis C.* Configurations, construals and change: Expressions of degree // *English Language and Linguistics*. – 2008. – 12(2). – P. 317–343.
18. *Partington A.* Corpus evidence of language change: The case of intensifiers // *Text and Technology: In Honour of John Sinclair / Baker M. et al. (eds.)*. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – P. 177–192.
19. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A University Grammar of English / под ред. И. П. Верховской [Text] / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – М. : Высш. шк., 1982. – 391 с.
20. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G. & Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. – London : Longman, 1985. – 1779 p.
21. *Stoffel C.* Intensives and Down-toners: A Study in English Adverbs. – Winter's universitätsbuchhandlung, 1901. – 156 p.
22. *Swan M.* Practical English Usage. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 658 p.
23. *Tagliamonte, S. & Roberts C.* So weird; So cool; So innovative: The use of intensifiers in the television series Friends // *American Speech*. – 2005. – 80(3). – P. 280–300. – URL : <http://americanspeech.dukejournals.org/cgi/reprint/80/3/280.pdf>
24. *Tagliamonte S. A.* So different and pretty cool! Recycling intensifiers in Toronto, Canada // *English Language and Linguistics*, 2008. – 12(2). – P. 361–394.

УДК 82-14:81'367.7

Е. В. Крекова

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: four2three@mail.ru

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПУНКТУАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются особенности функционирования пунктуационных знаков в поэтическом языке в сравнении с обыденной речью. Учитывается роль пунктуации при делении стихотворения на строки и строфы; выявляется графический потенциал пунктуации, а также ее намеренное отсутствие в англоязычной поэзии первой половины XX в.

Ключевые слова: поэзия; стихотворение; грамматические средства; когнитивизм; пунктуация; предложение; строка; строфа.

Y. V. Krekova

Ph.D., Associate Professor, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: four2three@mail.ru

THE SEMANTIC BUILDING ROLE OF PUNCTUATION IN POETIC DISCOURSE IN THE ENGLISH LANGUAGE

The author analyses peculiarities of punctuation signs functioning in poetic language as compared to everyday speech. The article looks at the role of punctuation in relation to the division into lines and stanzas accepted in a work of poetry. Special attention is paid to punctuation (as well as its absence) viewed as graphic signs in British and American poetry of the first half on the 20th century.

Key words: poetry; verse; grammatical means; cognitivism; punctuation; sentence; line; stanza.

Характерной чертой художественного и особенно стихотворного произведения является повышенная упорядоченность по парадигматическим и синтагматическим аспектам на всех уровнях языка. При этом в поэтическом тексте возникают уникальные для произведения парадигматические отношения, не существующие в системе данного языка. Здесь проявляется свойство поэтического дискурса моделировать особый мир, в котором языковые средства приобретают уникальное, обогащенное значение [2, с. 40; 1, с. 626].

Повышенная упорядоченность проявляется в таких явлениях поэтической речи, как параллелизм, повторяемость и контраст элементов всех уровней языка («со-противопоставление» элементов; «ассоциативный» и «контрастный» принцип [4, с. 63]; «симметрия и асимметрия в стихе» [1, с. 268]). При этом, говоря о классических поэтических текстах, необходимо отметить особую стройную стиховую форму, в которой эти законы проявляются наиболее ярко. Имеется в виду следующее [3, с. 67]:

- 1) ритм и размер для устного и длина строки для письменного восприятия поэзии;
- 2) рифмовое «со-противопоставление» звуков и графическое – букв;
- 3) интонация при устной речи и при проговаривании про себя при чтении и такие синтаксические особенности, как перенос и особая поэтическая пунктуация;
- 4) паузация и сильные позиции начала / конца строк и система поэтических дизъюнктур.

Именно указанные особенности отличают классическую регулярную стихотворную форму от художественной прозы на формальном уровне.

В данной статье мы обращаем внимание на роль пунктуации в создании как смыслового, так и формообразующего аспектов англоязычного поэтического дискурса первой половины XX в. Мы исходим из того, что использование пунктуации является не только конвенциональным для определенного языка, но также составляет неотъемлемую часть самого процесса написания литературного произведения, тем самым отражая глубинные механизмы мышления и восприятие мира автором [8, с. XIV].

В качестве иллюстрации функционирования пунктуационных знаков в поэтическом произведении рассмотрим следующее стихотворение Роберта Фроста.

Dust of Snow

The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree

Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of the day I had rued [7].

В стихотворении речь идет о том, как некое внешнее явление меняет настроение лирического героя с грустного на веселое. В соответствии с основной идеей изображенные объекты окружающего мира здесь подразделяются на два типа: вызывающие положительные эмоции и отрицательные. При этом они воздействуют на восприятие читателя на нескольких уровнях. На образно-зрительном уровне мы воспринимаем яркий контраст черного цвета вороны и белого цвета снега, а также в определенной степени цветов растения болиголов (*hemlock*). Интеллектуальной интерпретации требует символический ряд: ворона как символ темных сил – снег как символ свежести и новизны (в тексте они противопоставлены посредством рифмы и положения в строке *crow – snow*) – ядовитое растение болиголов, ядом которого был отравлен Сократ, а также отец Гамлета. На коннотативном уровне воспринимается противопоставление слов в форме *saved – rued*. Интерпретация этого контраста позволяет рассматривать изменение настроения на положительное. Эффект поддерживается ментальным образом тактильных ощущений: читателю легко представить себе внезапно возникшее чувство холода и бодрости от упавшего на человека с ветки снега. Ощущение свежести создается посредством формы стихотворения: краткостью строк и соответствующим ритмом, графической формой, отражающей моментальность перемены в человеке, синтаксисом. Отсутствие знаков препинания и передача всей мысли одним предложением создает впечатление чтения «на одном дыхании».

Таким образом, стихотворение можно интерпретировать как преодоление человеком в себе боязни негативных сторон жизни, может быть, даже смерти (символ ворона и смертоносного растения). При этом передается аксиологическая информация. Одновременно наличие этих сил в нашей жизни делает ее сложной, предполагает постоянное преодоление препятствий. Эта идея передана в стихотворении на суггестивном уровне. Так, последние строки в четверостишиях на один слог длиннее, чем все остальные, что лишает стих плавности. Краткость слов (почти все слова односложные) создает сбивчивый, сложный рисунок.

Произведение написано от первого лица, что тоже поддерживает единство идеи, передаваемой за счет синтаксического членения. Стихотворение обладает отчетливым ритмом: личные местоимения равномерно распределены в тексте. Они встречаются через каждые две строки, кроме того, наблюдается постепенная регрессия средств к началу занимаемой строки. В результате формируется идея постоянного участия лирического героя в происходящем, чуткость к ситуации, отражается его растущая готовность принять жизнь такой, как она есть, и покориться ее высшим законам. Графическое оформление персональной сетки относится к гедонистическому виду информации, доставляющей наслаждение от игрового эффекта произведения.

Рассмотрим еще один вариант использования пунктуации на примере лирического стихотворения У. Г. Дэйвиса.

D is for Dog

My dog went mad and bit my hand,
I was bitten to the bone:
My wife went walking out with him,
And then came back alone.

I smoked my pipe, I nursed my wound,
I saw them both depart:
And when my wife came back alone,
I was bitten to the heart [6].

Стихотворение отражает эмоции лирического героя по отношению к его собаке, вызванные описанным происшествием. Собака укусила хозяина, за что его жена увела собаку из дома. Успокоившись и перебинтовав рану, хозяин пожалел, что расстался с собакой из-за подобной мелочи. Стихотворение можно разделить на две части, соответствующие делению на строфы. В первой части сообщается о событиях, во второй содержится изложение восприятия событий героем.

Следует отметить, что всё стихотворение представляет собой очень сдержанное выражение эмоций. При этом за формой скрывается сильное горе. Заглавие, напоминающее игру по изучению алфавита для детей, словно нарочно скрывает глубину переживания автора. Далее повествование о событиях ведется с явным хладнокровием. Данный эффект достигается тем, что временной план прошедшего,

позволяющего дистанцироваться от неприятных воспоминаний, сохраняется на протяжении всего стихотворения. Он соответствует типичной для повествования манере изложения и не нарушает стандартных ожиданий реципиента. Кроме того, прослеживается очень четкий параллелизм в строках первого и второго четверостиший. Это касается пунктуации в конце каждой строки, повторов действующих лиц, параллелизма в употреблении глагольных форм сказуемых *went and bit – smoked... nursed*, повтора глаголов *was bitten, came back (alone)*. Можно сказать, что при сохранении единого временного фона акцентируются сущностная значимость происходящего для героя, чем в текст привносится суггестивная и аксиологическая информация. Их гармоничное распределение в тексте также передает гедонистическую информацию.

Четкий ритм нарушается только в случаях выражения эмоционального состояния героя (*I was bitten to the bone / I was bitten to the heart*): ямб сменяется анапестом, более замедленным метром, заостряя на этих строках внимание читателя. Такой контраст дополняется изменением места указанных двух параллельных строк в строфе (вместо второй строки последняя, ключевая), а также нарушением динамичного повествовательного ритма в этих случаях за счет употребления статичной результативной формы страдательного залога *was bitten*. Смена эмоционального состояния подготавливается в последней строфе также употреблением придаточного предложения времени с дословным повтором мысли, ранее выраженной в независимом предложении. Событие уже известно читателю, и такая форма его представления позволяет суммировать его и заставляет взглянуть на него не со стороны, а глазами самого хозяина собаки. Динамика средств выражения времени позволяет передать переход от фактуальной информации к концептуальной, а также сообщает катартическую информацию в тексте. В целом, в последней строфе все события подаются через призму взгляда хозяина: подлежащим во всех предложениях выступает он сам, за остальными персонажами хозяин словно наблюдает. Таким образом, в этой части собственно функция повествования отходит на второй план: все события уже описаны, предлагается их переосмысление. За формой повествования скрывается ключ к постижению авторского замысла.

Ярким примером использования потенциала пунктуационных знаков могут служить стихотворения американского поэта-экспериментатора первой половины XX в. Э. Э. Каммингса [5]. Будучи не только литератором, но и художником, Каммингс рассматривал поэзию отчасти как графическое изображение, что отражается и на восприятии читателем пунктуации в его произведениях.

l(a
le
af
fa
ll
s)
one
l
iness

Графически стихотворение передает образ одного падающего осеннего листа. За скобками довольно легко читается слово *loneliness* (одиночество), его символом выступает лист. Здесь скобки сохраняют свою конвенциональную функцию в языке – выделение дополнительной информации, но при этом приобретают и значение как графический способ отделения объектов, т. е. подчеркивают идею одиночества. Если представить это стихотворение в горизонтальном написании, то читателю откроются дополнительные смыслы:

l(a le af fa ll s) one l iness, with a le af fa ll s [between] l and one

Буква *l* в печатном варианте полностью совпадает с цифрой один. Так создается образ листа, упавшего между двумя одинокими людьми, разделяющий их. То, что в одном случае для обозначения человека использована цифра, а в другом – слово, усиливает ощущение отчужденности.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что пунктуационные знаки (а также их отсутствие) в поэтическом произведении взаимодействуют со стихотворной формой, делением на смысловые отрезки при нарушении или усилении традиционного синтаксического деления предложений, приобретают несобственно языковые функции за счет активизации их потенциала как графических знаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левин Ю. И.* Симультанность в искусстве // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 606–630.
2. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л. : Просвещение, 1972. – 270 с.
3. *Томашевский Б. В.* Стих и язык // Стих и язык. Филологические очерки. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – С. 9–69.
4. *Чернухина И. Я.* Общие особенности поэтического текста (лирика). – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1987. – 187 с.
5. *Davies W. H.* D is for Dog. – URL : <http://www.poetryexplorer.net/poem.php?id=10053049>
6. *Cummings E. E.* l(a. – URL : <http://poetry-fromthehart.blogspot.ru/2011/06/ee-cummings-la.html>
7. *Frost R.* Dust of Snow. – URL : <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/44262>.
8. *Terry M.* Teaching Grammar & Punctuation in the Twenty-First Century. – Oxford University Press, Don Mills (Ont.), 2014. – 295 p.

УДК 81-11

Н. А. Давыдова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права юридического факультета МГЛУ;
e-mail: davydovanatalia.@inbox.ru

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА
(на примерах из произведений Дж. Гришема
“The King of Torts”, “The Summons”)**

В статье рассматривается интертекстуальность английского художественного дискурса на примерах из произведений Дж. Гришема. Лингвосинергетика трактуется как саморегулирование и гармонизация дискурса и его взаимодействие с окружающей средой.

Ключевые слова: дискурс; лингвосинергетика; художественный дискурс; синергетический анализ; гармонизация.

N. A. Davydova

Ph.D., Associate Professor, Department of Linguistics
and Professional Communication in Law, Law Department, MSLU;
e-mail: davydovanatalia.@inbox.ru

**INTERTEXTUALITY AND LINGUOSYNERGIC ANALYSIS
OF ENGLISH BELLES-LETTRES STYLE
(in J. Grisham’s “The King of Torts”, “The Summons”)**

The article examines intertextuality of the English belles-lettres discourse in the works of J. Grisham. Linguosynergy is viewed as self-regulation and harmonization of discourse and its interrelation with environment.

Key words: discourse; linguosynergy; belles-lettres; synergetic analysis; harmonization.

Художественный дискурс, особенно связанный с юридической тематикой, представляет большой интерес для исследования. В произведениях Дж. Гришема на юридические темы представлен широкий спектр грамматических средств, анализ которых позволяет судить о принципах построения текста, лингвосинергетических параметрах, а также о роли условных предложений в формировании текста.

Дискурс представляет собой сложную открытую функциональную систему, которая подвергается прагма-семантической самоорганизации

и которая под воздействием внешних и внутренних процессов и внешней среды проходит через чередование этапов хаотизации и упорядоченности.

При этом саморегулирование усложняется воздействием функциональных связей, которые могут быть выражены логико-семантическими и прагма-семантическими отношениями между высказываниями.

При привлечении в систему новых прагма-семантических компонентов дискурс выходит на новый уровень смысловой упорядоченности, и это способствует успешному продвижению к функциональному аттрактору [1, с. 97]. Синергия дерегламентирующего художественный дискурс элементов формирует прагматический эффект весомости доводов автора и обеспечивает эволюционное движение системы в направлении аттрактора. Например:

The judge was not one for small talk, hated gossip and idle chitchat, whether written or spoken. Ice tea with him on the porch would be a refighting of the Civil War, probably at Shiloh, where he would once again lay all blame for the Confederate defeat at the shiny, untouched boots of General Pierre G. T. Beauregard, *a man he would hate even in heaven if by chance they met there* [5, p. 1].

В данном случае используется фрейм гипотетического условия, выраженного главным предложением в препозиции с формой глагола *would* и формой глагола в Past Indefinite. Предложение условия используется для формирования нового смысла, построения гипотезы.

Далее автор продолжает:

The Judge had refused the campaign. He claimed he had too much work to do, and, more important, the people knew him well and *if they wanted to reelect him they would do so*. His strategy had seemed arrogant to many [5, с. 1].

В этом случае для успешного продвижения к аттрактору снова используется гипотетическое предложение условия, но уже с придаточным условия в препозиции. Также дается оценка стратегии судьи.

В процессе развертывания художественного дискурса смысловое и прагматическое пространство формируется как открытая нелинейная неравновесная система, которая находится в постоянном взаимодействии с внешней средой и которая способна к самоорганизации

и саморегулированию благодаря процессам хаотизации и стремлению к аттрактору, т. е. области притяжения всех элементов системы с целью реализации коммуникативной цели [2, с. 148].

При синергетическом подходе внимание акцентируется на сложном системном характере явлений и процессов, механизмах их возникновения, взаимодействия и развития, так как когнитивная среда не является однородной. На определенном этапе появляется множественный выбор, часто передаваемый условными предложениями, особенно это характерно для точки бифуркации, в которой система выбирает один из путей своего дальнейшего развития в момент структурных перестроек, часто это довольно неожиданное развитие. Результатом такой бифуркации является фазовый переход – переход системы в качественно новое состояние на новом уровне становления – к новой фазе бытия – в ходе эволюционных процессов и самоорганизации. Например:

If Clay Carter had been alert instead of brooding, he would have noticed that the gentleman was too well dressed to be a defendant, but too casual to be a lawyer [4, с. 1].

Фрейм в виде предложения нереального условия в препозиции используется для акцентирования автором того, что герой книги не был достаточно внимательным и не заметил статус и профессию человека.

Саморегулирование системы может усложняться при возникновении функциональных связей, которые в лингвосинергетике представлены логико-семантическими и прагма-семантическими отношениями между высказываниями. Д. С. Храмченко также отмечает, что операторы функционально-прагматической дерегламентации выступают в качестве тактических приемов реализации коммуникативной стратегии и содействуют закреплению необходимого смыслового развития прагма-семантической системы и / или препятствуют движению к менее выгодному аттрактору, помогают системе дискурса «забыть» деструктивные элементы [3, с. 12]. Например:

If Clay Carter had ever been attracted to a career in OPD, he could not now remember why [4, с. 1].

В данном примере отношения условия представлены фреймом «нереальное условие + гипотетическое следствие (усложненное модальностью)», нереальное условное предложение в препозиции, используется форма глагола в Past Perfect, и усложнение происходит

из-за использования модальности, которая выражена глаголом *could* (герой не в силах вспомнить причины, побудившие его).

Такая сложность также может быть найдена в режимах с обострением, когда происходит сверхбыстрое нарастание процессов в открытых нелинейных средах. Здесь имеет место нелинейная положительная обратная связь, которая сама по себе уже содержит внутренние механизмы переключения режимов, т. е. механизмы самоорганизации, саморазвития и образования структур. Например:

Three instinctively closed their windows, checked their door locks, and withdrew to the safety, or at least the seclusion, of their small apartments. Two others, each with experience in such matters, ran from the vicinity as fast if not faster than the gunman himself [4, с. 1].

Предложения условия усложняются повтором прилагательного *fast* в разных формах, а *if* используется, скорее, для сравнения, чем для выражения условия.

Происходит возникновение функциональных и стилистических колебаний, которые усиливают обмен дискурса с внешней средой – сознанием слушателей и их фоновыми знаниями. Например:

No clue as to their history, if one existed at all [4, с. 1].

Эллипсис в главном предложении усиливает отрицание и относит события к фоновым знаниям слушателей, а гипотетическое условие в придаточном в постпозиции усиливает стилистический прием и ставит под сомнение само существование их истории.

Таким образом, можно говорить о том, что интертекстуальность и лингвосинергетика тесно связаны и помогают понять взаимодействие внешней среды и дискурса. При этом дискурс представляет собой саморегулирующуюся систему, которая обладает функциональными свойствами и способностью к поэтапной эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономаренко Е. В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале англ. яз.) – М. : МГИМО – Университет МИД РФ, 2010. – 152 с.
2. Храмченко Д. С. Интертекстуальность английского бизнес-дискурса: функционально-синергетический аспект // Вестник СамГУ. – №5 (106). – Самара, 2013. – С. 96–99.

3. *Храмченко Д. С.* Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 55 с.
4. *Grisham John.* The King of Torts. – URL : www.jgrisham.com/the-king-of-torts-excerpt/
5. *Grisham John.* The Summons. – URL : www.jgrisham.com/the-summons-excerpt/

УДК 81'37.111

Е. А. Попова

старший преподаватель кафедры грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ,
кандидат филологических наук; e-mail: katandr25@rambler.ru

СИРКОНСТАНТЫ И УСЛОВИЯ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Статья посвящена статусу сирконстанта в семантической структуре высказывания. В работе приводятся доводы в пользу коммуникативной значимости сирконстанта. Рассматриваются случаи, в которых опущение сирконстанта либо приводит к искажению смысла высказывания, либо нарушает логико-семантические связи между высказыванием и окружающим его контекстом. Задача данной статьи – определить условия, при которых вербализация сирконстанта становится обязательной.

Ключевые слова: сирконстант; актант; предикат; валентность; имплицитность; пресуппозиция.

E. A. Popova

Ph.D., Senior Lecturer, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: katandr25@rambler.ru

ADJUNCTS AND THE CONDITIONS FOR THEIR ACTUALIZATION IN THE UTTERANCE

The article focuses on the status of the adjunct in the semantic structure of the utterance. The article provides evidence of the communicative value of the adjunct. The article deals with cases in which the omission of an adjunct could result in sense distortion or the disruption of logical and semantic relations between the utterance and the surrounding context. The aim of the article is to define the prerequisites for the verbalization of the adjunct.

Key words: adjunct; argument; predicate; valency; implicitness; presupposition.

Традиционно в высказывании выделяются план выражения и план содержания. Высказывание отражает в себе некоторую ситуацию реального или вымышленного мира, и это определяет его семантическую структуру. Как известно, организующим центром для семантической структуры высказывания служит предикат. У каждого предиката есть свой набор валентностей, т. е. набор актантов, которые должны быть вербализованы при данном предикате (агенса, пациенса,

бенефактив и т. д.). Помимо актантов и предиката, семантическая структура высказывания также может включать сирконстанты [1; 4].

В рамках вербоцентрического подхода сирконстант традиционно считался факультативным компонентом семантической структуры высказывания, не связанным напрямую с семантикой глагола и не влияющим на синтаксическую репрезентацию содержания высказывания [15, с. 293–298; 16, с. 141].

Однако факультативность сирконстанта не делает его малозначимым компонентом смысловой структуры высказывания. Находясь в центре внимания участников коммуникации, сирконстант становится одним из важнейших компонентов смысловой структуры высказывания. В таких случаях сирконстант остается в вербализованной части высказывания, даже если остальные компоненты не подлежат актуализации.

Вербализация только сирконстантов характерна для диалогической речи, в плане синтаксической репрезентации такое высказывание является эллиптическим, например:

“/.../ When are you and Cesko going to Pompeii?”

“**Day after tomorrow,**” he said quietly /.../ [25, с. 23].

Более того, при некоторых предикатах вербализация сирконстанта становится обязательной, как будет показано ниже. На наш взгляд, актуализация сирконстантов во многом зависит от характера ситуации, обозначенной данным глаголом. Прежде чем писать об условиях актуализации сирконстантов, необходимо провести границу между актантами и сирконстантами.

Само понятие сирконстанта впервые было введено в научный обиход Л. Теньером в его книге «Основы структурного синтаксиса». Именно ему принадлежит знаменитое сравнение предложения с маленькой драмой, у которой есть действующие лица и обстоятельства [12].

Следует отметить, что при описании актантов и сирконстантов в работе Л. Теньера речь идет, скорее, о синтаксической, а не семантической валентности. Данный подход к сирконстантам как к синтаксическому явлению получил большое распространение в западном языкознании. При этом в англоязычных работах по лингвистике чаще встречается термин «адьюнкт» (*adjunct*) [21; 24].

Обычно выделяют следующие типы сирконстантов: времени, места, способа, образа действия, оценки, количества, причины, цели,

условия [21, с. 345]. Отмечается, что на уровне синтаксической репрезентации сирконстант может быть вербализован различными способами: в виде отдельного слова, словосочетания или придаточного предложения [21, с. 334, 345].

Чтобы отличить сирконстант от актанта, часто предлагается опустить репрезентирующее его языковое выражение. Если получившееся в результате предложение является грамматически правильным и формально полным, предлагается рассматривать его опущенную часть как сирконстант.

Например, если в предложении *John killed Bill in Central Park on Sunday* опустить словосочетания *in Central Park* или *on Sunday*, оставшаяся часть (*John killed Bill on Sunday* либо *John killed Bill in Central Park*) будет представлять собой законченное, правильное с точки зрения грамматики предложение. Соответственно, *in Central Park* и *on Sunday* можно рассматривать как сирконстанты [21, с. 344–349].

Очевидно, что при данном подходе сирконстант фактически приравнивается к элементу синтаксической, а не семантической структуры предложения.

В отечественной лингвистике граница между сирконстантами и актантами чаще проводится в области семантики высказывания. Большое внимание уделяется различным типам ситуаций или событий, о которых может идти речь в высказывании [4; 9; 16].

Как правило, актанты характеризуются как обязательные участники ситуации, обозначенной в высказывании, а сирконстанты – либо как необязательные компоненты ситуации, либо как аспекты, присущие всем ситуациям вообще [4, с. 151–152].

Однако указывается, что на некоторые актанты у глагола может быть факультативная валентность. Например, И. М. Кобозева считает факультативной валентность маршрута у глагола *идти* [4, с. 152–153]¹. С другой стороны, отмечается необходимость вербализации некоторых сирконстантов (в первую очередь указателей времени и места) в связи с характером действия (состояния), обозначаемого данным предикатом [9].

Традиционная точка зрения на сирконстант как на элемент, независимый в синтаксическом плане от остальных элементов высказывания,

¹ И. М. Кобозева полагает, что в тех контекстах, где сирконстант необходим, он выступает как актант.

подвергается сомнению некоторыми учеными. В частности, В. С. Храковский указывает на несовместимость сирконстантов оценки типа «с трудом», «легко» с императивными конструкциями [16, с. 144–147]. Аналогичное мнение высказывает Дж. Лайонз, который пишет, что нет свободной сочетаемости сирконстантов с любыми глаголами в любой форме. Так, высказывание **John killed Bill next week* является аномальным, а высказывание *John killed Bill last week* вполне допустимо [21, с. 349]. В ряде работ также отмечается, что сирконстанты характеризуются скрытой предикацией [1, с. 94–96].

Действительно, при внимательном рассмотрении семантической структуры высказываний с вербализованными обстоятельствами причины и цели выясняется, что в данном случае речь идет о свернутых каузальных отношениях между двумя событиями, т. е. в высказывании скрыто еще одно предикативное выражение.

“Why is that such a big deal?” /.../

“It’s a big deal **because my family is very close**,” she explained. “It’s not about the Fourth of July as a go home for Thanksgiving and Christmas too,” she warned /.../ [25, с. 20–21] holiday. It’s about spending a week with my sisters, and my mom and dad. I

Обстоятельства условия также представляют собой свернутую каузацию (событие А каузирует событие В), например:

“/.../ **If he won’t let us in**, we’ll call the police” [25, с. 341].

Отметим, что наличие сирконстантов условия меняет модальность глагола вершинной конструкции. Реальность данного действия под вопросом, так как зависит от условия. При опущении адвербиального придаточного *If he won’t let us in* глагол вершинной конструкции в *we’ll call the police* будет обозначать действие, которое непременно, по мнению говорящего, произойдет в будущем.

Показатели оценки также представляют собой особый тип предикатов, при этом в качестве носителя признака (объекта оценки) выступает действие. Отметим, что одновременно с сирконстантом в высказывание вводится фигура наблюдателя, являющегося субъектом оценки данного действия.

“/.../ Both of you work too **hard**, but **with good results**, I have to admit /.../” [25, с. 53].

Наличие сирконстантов образа действия типично для «семантически пустых» глаголов типа *behave, treat, act*. Содержание данных глаголов должно раскрываться путем вербализации сирконстанта, поэтому на уровне синтаксической репрезентации в высказывании, как правило, появляются обстоятельства образа действия или сравнения [5, с. 73; 18, с. 14, 127, 1635].

“My mom’s been pretty cool too, except that she treats me **like a two-year-old**” [25, с. 275].

Обстоятельства времени и места также при желании можно развернуть в предикативные выражения, однако при построении когнитивной модели события становится очевидно, что данные параметры ситуации задают среду, в которой происходит событие. Соответственно указатели места и времени при определенных типах глаголов можно рассматривать как особый тип актантов, а не свернутые предикативные выражения.

Рассмотрим сирконстанты времени и места подробнее.

Темпоратив. О значимости временной локализации говорит инкорпорированность временных параметров в форме глагола, который является смысловым центром высказывания и задает «каркас» для его семантической структуры. Если глагольные формы осуществляют общую локализацию события на временной оси, указывая на одновременность, предшествование либо следование события по отношению к моменту речи либо другой точке отсчета, темпоральные сирконстанты, выраженные обстоятельствами времени, уточняют и конкретизируют, а также могут предопределять время осуществления действия [7, с. 16–23].

Временная локализация может быть как абсолютной, так и относительной. Особую роль в определении временных параметров события играет так называемый темпоральный ключ текста (термин А. В. Бондарко), т. е. языковое выражение, относительно которого выстраивается вся система временных координат в рамках данного дискурса [2, с. 41–42].

Отметим, что степень детализации представления временных показателей может быть связана как со структурой самого дискурса, так и с его экстралингвистическими параметрами. К факторам, влияющим на уровень конкретизации временной отнесенности, относятся

не только коммуникативные установки говорящего и слушающего, но и тип коммуникативной ситуации. Так, в ходе судебных разбирательств при даче показаний требуется максимально точная и подробная временная локализация всех описываемых событий.

Mr. Tate said, "I was fetched by Bob – by Mr. Bob Ewell yonder, one night _"

"What night, sir?"

Mr. Tate said, "It was the night of November twenty-first. /.../" [19, с. 187].

Отметим, что в ряде случаев темпоральный сирконстант невозможно опустить, не изменив темпорально-аспектуальных характеристик действия. Так, в высказываниях типа *She is always complaining / grumbling*, если опустить наречие *always*, данное действие утратит итеративный характер и будет относиться непосредственно к моменту речи. Также будет утрачена негативная оценка действия субъектом речи, высказывание потеряет эмоциональную окраску.

Также любопытным представляется тот факт, что некоторые глаголы требуют обязательной сочетаемости с темпоральными сирконстантами [4, с. 152]. Так, глагол *last* практически всегда используется с темпоративами, обозначающими период времени, в течение которого действие происходит [5, с. 73; 18, с. 865–867], например:

‘/.../On average his obsessions last **twenty-four hours**.’

‘We’re all stunned you’ve lasted **a month**’ /.../ [23, с. 386].

С темпоративом тесно взаимосвязан *локатив* – указатель места, где происходит действие. Любопытно, что в ряде случаев временная локализация может осуществляться посредством указания на место, и наоборот [7, с. 42, 63].

Следует отметить, что вопрос о необходимости вербализации локатива носит дискуссионный характер. Так, в работах Ч. Филлмора, Г. Г. Почепцова локатив рассматривается как факультативный компонент семантической структуры [3; 14].

У. Чейф, напротив, считает локатив необходимым для адекватного понимания высказывания [17]. У. Чейф полагает, что локативный глагол всегда должен сопровождаться указателем места. Что касается предложений типа *Tom fell, The key fell in/side/*, их существование объясняется не тем, что локатив может отсутствовать в семантической

структуре, а тем, что он может быть постсемантически устранен из предложения, если данная информация понятна слушающему из контекста [17, с. 183–188].

На наш взгляд, степень обязательности локатива тесно связана с семантической природой предиката. Для так называемых локативных предикатов актуализация сирконстанта места обязательна.

Если глагол обозначает положение предмета в пространстве (статический локативный глагол типа *sit, lie, stand*), без информации о месте нахождения предмета высказывание теряет смысл. Если предикат обозначает некое перемещение предмета в пространстве (динамический локативный глагол типа *go, sail, come, arrive*) высказывание не будет достаточно полным без информации о точке отправления, пути следования и направлении движения предмета.

Для локативных глаголов указание на место необходимо для ментальной репрезентации описываемого события. В данных случаях локативный параметр профилируется, находится в центре внимания коммуникантов. Как отмечает Е. С. Кубрякова, в представлении движущегося предмета важным становится противопоставление фона и фигуры, их соотношение в пространстве: «Движение рождает особый тип репрезентации в нашем мозге – схемы или программы движения, его мысленно восстанавливаемого «следа» [6, с. 86–87] (см. также [27, с. 235–245].

Иными словами, мы полагаем, что локативные глаголы имеют обязательную валентность на локатив. Даже если валентность на локатив не реализована в рамках данного высказывания, информация о месте нахождения либо направлении движения предмета речи должна восполняться из контекста либо ситуации общения. Например, высказывание:

“We’re moving!” [25, с. 237]

понятно всем участникам коммуникации, так как точка отправления (их прежний дом) и точка назначения (дом, куда коммуниканты переезжают) известны заранее. Однако вне контекста такие высказывания не могут быть поняты, так как адресат сообщения не может мысленно представить данную ситуацию.

В целом можно отметить, что пространственно-временная локализация событий, о которых идет речь, задает систему дейктических

координат, без которых адекватное понимание невозможно. Однако для акциональных глаголов, обозначающих физическое воздействие на объект, указание на место более важно, чем для глаголов ментального действия [9, с. 70–76].

Особую значимость сирконстанты приобретают в случае использования глагола *live*. Данный глагол практически всегда сочетается с различными сирконстантами, указывающими на место, время, условия проживания того или иного индивидуума, например:

“/.../ I can't live **alone**. /.../ I have to live **in my father's house, like a child** /.../”

“You can live **with us for a while, till you get used to it**. And **eventually** you can live **on your own**. I'm sure most blind people do /.../” [с. 185].

Весьма редкие случаи отсутствия сирконстанта при данном глаголе свидетельствуют о модификации значения глагола [5, с. 73–74; 18, с. 899–900; 20, с. 946–947]. Например, в следующем высказывании глагол *live* означает «продолжать существовать, оставаться в живых»:

Jamie is going to live, Mel rejoiced [22, с. 461].

Также глагол *live* может употребляться без сирконстантов в значении «жить полноценной, интересной жизнью», например:

I don't want to be stuck in an office all my life – I want to live! [18, с. 899]¹.

Наличие у глагола *live* семантической валентности на сирконстант можно объяснить тем, что сам по себе этот глагол не имеет конкретного денотата, может одновременно относиться к большому гетерогенному классу действий, поэтому для осуществления референции требуется спецификация содержания посредством сирконстанта.

Необходимость вербализации сирконстантов можно также объяснить некоторыми особенностями процессов восприятия и интерпретации речи.

Вслед за Л. В. Лисоченко, М. Ю. Федосюком и другими учеными [8; 11; 13] мы полагаем, что имплицитные смыслы извлекаются путем соединения эксплицитной информации, содержащейся в сообщении, с пресуппозициями (фоновыми знаниями) адресата, в ходе

¹ Данный пример заимствован из Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [18].

инференции [10]. Данный когнитивный механизм прекрасно работает при восстановлении имплицитных актантов, но в случае с сирконстантами он дает сбой: количество возможных вариантов интерпретации слишком велико, так как может происходить в разных местах и при различных условиях.

В предыдущих работах мы показали, что чаще всего коммуникативная неудача связана с утратой прагматических пресуппозиций, т. е. знаний о ситуации общения, включая знание контекста и информацию о коммуникантах [10]. Рассмотрим следующий пример, в котором временная локализация действия адресатом сообщения становится невозможной по причине утраты прагматических пресуппозиций.

“Do you remember Leslie Thompson?” Annie said out of the blue, as if the name had just crossed her mind.

“No. Why? Who is she?”

“You hated her. Her brother went to school with Tammy, and she tried to put the make on one of your boyfriends.”

“She did? When?” Sabrina looked completely baffled, and Annie laughed.

“I thought you were a senior. I was nine, but I still remember you called her a slut.”

“I did?” Sabrina laughed out loud [25, с. 250].

В данном диалоге адресант (Энни) напоминает адресату (своей сестре Сабрине) о ее старой знакомой (Лесли), с которой у Сабрины был конфликт еще в школьные годы. Энни полагает, что Сабрина как непосредственная участница конфликта должна помнить обстоятельства произошедшего, поэтому не уточняет временные параметры события. Однако фоновые знания собеседников не совпадают, хотя они сестры и ходили в одну и ту же школу. Соответственно Сабрина не понимает, когда имели место те события, о которых говорит Энни.

Также следует особо отметить коммуникативную значимость сирконстанта. Мы исходим из того, что компонент высказывания является обязательным для вербализации, если при его опущении меняется смысл высказывания. При таком подходе во многих случаях сирконстанты следует признать обязательными для вербализации смысловыми компонентами. Рассмотрим следующий фрагмент диалога.

“This is a lot for any guy to deal with, and he’s young.”

“Not that young,” her father said sternly. “I was married and had you **when I was his age**” [25, с. 184].

В высказывании *I was married and had you when I was his age* темпоральный сирконстант (*when I was his age*) нельзя опустить, иначе в данном контексте будет нарушена логико-семантическая связь между высказываниями. Таким образом, в данном случае сирконстант не только локализует действие во времени, но и помогает выразить мнение говорящего о другом человеке (говорящий осуждает его и противопоставляет свой образ жизни образу жизни данного человека).

В другом диалоге темпоральный сирконстант (*in July*) находится в центре внимания говорящего и соответственно подлежит вербализации, так как указывает на интенсивность эмоций, которые коммуникант испытывает в связи с недавней потерей близкого человека.

“/.../ I still miss mine, and she’s been gone for almost twenty years.”

Annie spoke softly when she answered, “I lost mine **in July**.”

“I’m sorry,” he said, and sounded genuine. “That’s very hard” [25, с. 335].

Таким образом, сирконстант способен не только указывать на среду и условия, в которых имеет место та или иная ситуация, но и актуализировать целый комплекс имплицитных смыслов, понятных только в данном контексте.

Итак, вербализация сирконстантов в высказывании зависит от следующих факторов: семантической природы глагола, характера ситуации, которую он обозначает, необходимости уточнить временные параметры ситуации либо модальные характеристики; профилирования той или иной характеристики действия с целью активации дополнительных имплицитных коммуникативных смыслов, типа коммуникативной ситуации.

В заключение заметим, что вопрос о роли сирконстантов в семантической структуре высказывания и условиях их актуализации не может быть всесторонне рассмотрен в рамках данной работы и требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 204 с.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л. : Наука, 1984. – 164 с.

3. *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
4. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика : учеб. пособие. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. *Кобрин Н. А., Корнеева Е. А., Оссовская М. И., Гузеева К. А.* Грамматика английского языка. Синтаксис : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / Н. А. Кобрин, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – М. : Просвещение, 1986. – 160 с.
6. *Кубрякова Е. С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН. – М. : Наука, 1992. – С. 84–90.
7. *Ларина О. В.* Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 232 с.
8. *Лисоченко Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты) : монография. – Ростов-н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 1992. – 160 с.
9. *Падучева Е. В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН. – М. : Наука, 1992. – С. 69–77.
10. *Попова Е. А.* Когнитивно-коммуникативные аспекты функционирования семантически неполных высказываний в англоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 276 с.
11. *Прохоров А. В.* Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006. – 20 с.
12. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / пер. с фр., вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
13. *Федосюк М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте : учебное пособие по спецкурсу. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – 83 с.
14. *Филлмор Ч.* Дело о падеже : пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М. : Прогресс, 1981. – С. 369–495.
15. *Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – С. 293–298.
16. *Храковский В. С.* Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 141–153.
17. *Чейф У.* Значение и структура языка : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1975. – 431 с.
18. *Hornby A. S.* Oxford Advanced learner's Dictionary of Current English. – Seventh Edition. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1899 p.

19. *Lee H.* To Kill a Mocking Bird / Ли Х. Убить пересмешника: Книга для чтения на английском языке. – СПб. : Антология, 2006. – 320 с.
20. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – New edition. – Pearson Education Ltd, 2003. – 1950 p.
21. *Lyons J.* Introduction to theoretical linguistics. – London : Cambridge University Press, 1968 – 519 p.
22. *Meyer S.* The Host. – Sphere, 2010. – 652 p.
23. *Parks A.* Love Lies. – Penguin Books, 2009. – 504 p.
24. *Payne T. E.* Exploring Language Structure: a Student's Guide. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 367 p.
25. *Steel D.* Sisters. Published by Bantam Dell. – New York : A Division of Random House, Inc., 2008 – 413 p.
26. *Talmy L.* The Windowing of Attention in Language // *Shibatani M.* (ed.). Grammatical Constructions: Their Form and Meaning. – New-York : Academic Press, 1996. – Pp. 235–287.

УДК 81'367.4.111

О. Н. Павлюк

преподаватель кафедры грамматики и истории
английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: olnpavlyuk@gmail.com

КУМУЛЯЦИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена кумуляции как связи, возникающей между зависимыми элементами-определениями в атрибутивном словосочетании. Рассматриваются взгляды разных научных школ на проблему расстановки определений к главному слову в рамках атрибутивной конструкции. Утверждается, что поверхностное строение атрибутивной цепи зависит не только от собственно-грамматических законов определенного языка, но, прежде всего, отражает процесс познания мира и приращения человеком экстралингвистического опыта. Кумуляция выступает в качестве когнитивного механизма интерпретации экстралингвистической деятельности и оформления полученных данных средствами языка.

Ключевые слова: атрибутивное словосочетание; когнитивная деятельность; кумуляция; поверхностная организация; порядок слов.

O. N. Pavlyuk

Lecturer, Department of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: olnpavlyuk@gmail.com

CUMULATION AS COGNITIVE ACTIVITY

The article defines cumulation as type of relation between attributes in a multi-component prepositional attributive phrase. It looks into the surface arrangement of the attributes in such constructions as interpreted by various schools of grammar. It is held that organization of attributes within an attributive chain is not only determined by the grammatical requirements of a certain language but, above all, it reflects the way a person interprets the world while gaining life experience. Cumulation, then, is treated as a cognitive mechanism that arranges one's extralinguistic experience by language means.

Key words: attributive construction; noun phrase; cognitive activity; cumulation; surface structure; word order.

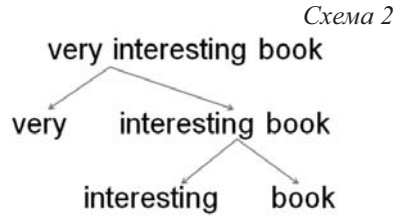
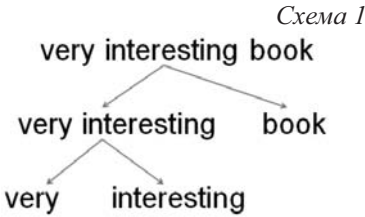
В данной статье мы хотели бы уточнить природу кумуляции как разновидности связи между элементами грамматической структуры. Кумуляцию обычно описывают как связь собственно-грамматическую, однако мы полагаем, что ее источник необходимо искать за пределами

системы языка, поскольку эта связь суть отражение в языке (вербализация) особенностей и последовательности приращения человеком экстралингвистического опыта.

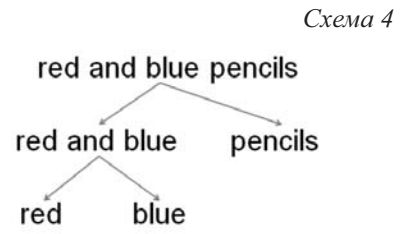
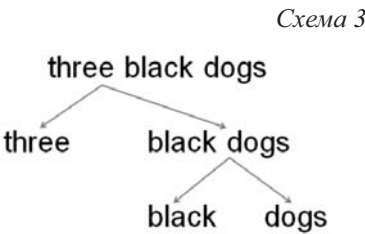
Начнем с того, что обратимся к связям внутри словосочетания. Традиционные грамматики в качестве синтаксической связи между составляющими какой-либо синтаксической единицы рассматривают сочинительную, подчинительную и предикативную (которая в некоторых работах получает название «взаимозависимость¹»). В том случае, если в словосочетании выделяются главный и зависимый элементы, например, существительное и прилагательное-атрибут, между ними возможен только один вид связи – подчинение. Описанию реализации подчинительных отношений посвящено немало научных работ. При этом словосочетания с двумя и более зависимыми словами-определениями главного слова рассматриваются по аналогии с моноатрибутивными структурами. Иначе говоря, в сферу интерпретации не попадают связи и отношения, возникающие непосредственно между зависимыми компонентами словосочетания, что касается и изучаемых нами атрибутивных структур с двумя и более определениями, образующими атрибутивную цепочку.

Представители трансформационно-порождающей грамматики признают существование указанных выше трех типов синтаксической связи [1, с. 35]. В рамках словосочетания ими изучается только связь главного слова с зависимым(-и). Считается, что связи между элементами атрибутивной цепи не существует, поскольку они не выступают в качестве непосредственных составляющих (далее – НС) одного уровня, т. е. при разложении конструкции с несколькими определениями на НС зависимые элементы никогда не окажутся в составе одной НС. На наш взгляд, это утверждение спорно, поскольку для многокомпонентного словосочетания, в котором атрибутивная цепочка представлена в виде самостоятельного словосочетания, например, [*very interesting*] *book*, дерево НС скорее будет выглядеть как на схеме 1, чем так, как на схеме 2. Таким образом, определения окажутся сначала в составе одной НС (*very interesting*), а затем выступят в роли НС одного уровня.

¹ См., например [2, с. 21–22].

Л. С. Бархударов подразделяет многокомпонентные атрибутивные словосочетания на элементарные и смешанные [1, с. 44–46]. Под элементарными словосочетаниями понимаются конструкции типа *three black dogs*, которые последовательно раскладываются на следующие НС: *three* и *black dogs*, где *black dogs* далее разложимо на НС *black* и *dogs* (см. схему 3).

Получаем, что *three* и *black* находятся на разных иерархических уровнях, поэтому всякие связи и отношения между ними отсутствуют. Тем же, по мнению автора, обусловлена и фиксированность позиций указанных определений внутри атрибутивной цепи: так, ближе всего к главному слову окажется атрибут, формирующий с ним НС, далее разложимую на конечные НС. Остальные определения займут места слева от него в соответствии с уровнями, на которых они окажутся в дереве НС.

Смешанными словосочетаниями являются структуры с атрибутами, связанными сочинительной связью, например, *red and blue pencils*. При разложении на НС они дают следующие компоненты: *red and blue* и *pencils* (см. схему 4).

В этом случае определения *red* и *blue* расположены на одном уровне. Считается, что изменение их последовательности не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку грамматически корректными

являются варианты *red and blue pencils* и *blue and red pencils*; порядок следования не оказывает влияния на связь каждого из них с главным словом.

Несправедливо утверждать, что вопрос отношений между составляющими элементами атрибутивной цепи не получил никакой интерпретации в рамках грамматических исследований. В частности, В. В. Бурлакова в своих работах классифицирует грамматическую связь между определениями *his* и *old* в словосочетании *his old friend* как аккумулятивную, т. е. связь «элементов, чья расстановка по отношению друг к другу не хаотична, а основана на определенных и строгих закономерностях» [2, с. 70]. Суть этих закономерностей остается нераскрытой, хотя Г. Чинкве – автор функциональной теории управления и связывания – предлагает дальнейшее обоснование позиций трансформационно-порождающей грамматики, уточняя, что определения в цепочке «не являются адъюнктами к главному слову, а порождаются в позиции спецификатора при некой функциональной категории¹» [5]. Одним из оснований теории выступает положение о том, что атрибуты (а именно – прилагательные и другие модификаторы имени) всегда расположены в определенном формально не маркированном порядке. По мнению автора, при абстрактных отглагольных существительных может формироваться цепочка из определений в следующей последовательности: *possessive* ⇔ *cardinal* ⇔ *ordinal* ⇔ *speaker-oriented* ⇔ *subject-oriented* ⇔ *manner* ⇔ *thematic*, тогда как для предметных существительных порядок атрибутов несколько уже: *possessive* ⇔ *cardinal* ⇔ *ordinal* ⇔ *quality* ⇔ *size* ⇔ *shape* ⇔ *colour* ⇔ *nation*. Наличие или отсутствие какой-либо связи между определениями не рассматривается как фактор, оказывающий влияние на позицию указанных элементов в цепочке. Суть теории Г. Чинкве сводится к тому, чтобы оценить содержательный вклад каждого атрибута в итоговую сложную номинацию в зависимости от семантического класса главного слова. Однако по-прежнему не ясно, что именно детерминирует однонаправленность конкретной последовательности атрибутов.

¹ Под функциональной категорией здесь понимается вершина дерева непосредственных составляющих – главное слово в словосочетании, выраженное при помощи знаменательной части речи.

Ниже мы рассмотрим отношения, возникающие между определениями в составе многокомпонентного атрибутивного словосочетания в изучаемом нами материале¹. Для этого охарактеризуем, во-первых, определения, находящиеся в отношениях сочинения, во-вторых, в отношениях подчинения, и, наконец, отношения, которые не могут рассматриваться ни как сочинение, ни как подчинение.

Начнем наш анализ с конструкций, в которых определения в словосочетании связаны посредством сочинения. В исследуемом материале встречаются структуры с союзом *and*, например, *still and lonely fair*². Образ, формирующийся при описании объекта с помощью такой грамматической конструкции, бесспорно, является результатом сложной номинации, поскольку указывает на несколько характеристик одновременно. Вместе с тем, следует отметить, что полученный образ – одномерный: в описании участвует несколько равноценных для автора характеристик, как бы лежащих в одной плоскости. Элементы атрибутивной цепочки, находящиеся в отношениях сочинения, обычно выражены одной и той же частью речи, например прилагательными *still* и *lonely* как в словосочетании выше; их последовательность не выполняет смыслоразличительной функции. Объяснить наличие перечислительной сочинительной связи между атрибутами можно тем, что в процессе когнитивной деятельности индивид обрабатывает информацию о характеристиках объекта, которые впоследствии приравниваются к подобным, однотипным, единообразным, и далее обрабатываются как равноценные, поэтому порядок их следования утрачивает актуальность.

Переходя к анализу структур, в которых элементы атрибутивной цепи связаны отношениями подчинения, необходимо уточнить, что количество зависимых элементов в таких словосочетаниях обычно ограничено двумя, причем в рамках атрибутивной конструкции

¹ Источником материалов для исследования послужили сборники поэтических произведений из серии *The Nation's Favourite: «Children's Poems»* [6] и «Poems» [7], в которые вошли 100 самых популярных стихотворений для детей и взрослых соответственно, отобранных в ходе общенационального голосования, проведенного корпорацией BBC в Великобритании.

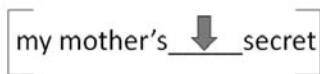
² В исследуемом материале не встречаются атрибутивные словосочетания, в которых определения связаны сочинительными союзами *or* или *but*.

они формируют самостоятельное словосочетание. Выделяются следующие возможные группировки:

- 1) словосочетание, в состав которого входит детерминатив к первому определению [*my mother's secret*], где *my* – детерминатив при *mother*; в результате возможным оказывается дальнейшее распространение этой атрибутивной конструкции за счет уточнения характеристик слова, которое является главным для детерминатива (*mother*);
- 2) словосочетание, количественно идентичное (1), но не предполагающее дальнейшего распространения атрибутов [*light brown hair*]; в этом случае трехкомпонентное словосочетание приравнивается к двухкомпонентной атрибутивной структуре.

Проиллюстрируем первый случай: в конструкции *my mother's secret* атрибутом к главному слову *secret* выступает целое словосочетание *my mother*. Изменение порядка определений здесь невозможно, так как словосочетание *my mother's secret* не эквивалентно совокупности словосочетаний *my secret* и *mother's secret*, поскольку компонент *my mother's* есть ни что иное, как детерминатив при главном слове *secret*, выраженный при помощи самостоятельного словосочетания. Известно, что границы грамматической конструкции можно обозначить при помощи детерминатива слева и главного слова справа. Они и есть отправная точка восприятия, они «запускают» когнитивную деятельность, как бы создавая рамку для будущей структуры, тем самым устанавливая направление восприятия характеристик объекта, которые позже заполняют пространство внутри рамки. Весь наш пример – еще не заполненная рамка, как видно на схеме 5.

Схема 5

Любое распространение конструкции за счет добавления новых характеристик происходит внутри рамки, не влияя на позиции крайних элементов. Возможно также распространение детерминатива за счет определений к *mother*, но оно не повлияет на распределение атрибутов *my* и *mother*, которые не поменяют своих позиций в словосочетании.

Во втором случае (2) мы имеем дело со структурами типа *light brown hair*, где определение *light* носит уточняющий характер для *brown*. Определения в результате сложной номинации формируют новый нечленимый признак объекта, являющийся блендом значений *light* и *brown*, и потому воспринимаемый как смысловое единство. Здесь, по-видимому, в процессе обработки информации происходит двухступенчатая «упаковка» смысла: объекту реальности приписывается некая характеристика, которая впоследствии уточняется, что и находит поверхностное выражение в виде обособления определения-признака с помощью зависимого слова. Дальнейшее распространение словосочетания-атрибута за счет добавления дополнительных характеристик главного слова *brown* невозможно, позиции определений фиксированы.

Отношения сочинения и подчинения между определениями в цепочке выражены ограниченным набором грамматических конструкций. Остальные структурные типы атрибутивных словосочетаний – это конструкции, где между атрибутами не возникает ни сочинительных, ни подчинительных отношений. Однако наличие между ними связи как таковой отрицать нельзя, хотя бы потому что порядок определений внутри атрибутивной цепи не является свободным, несмотря на то, что эта связь не получает собственно грамматического (формального) выражения в языке.

Обратимся к словосочетанию с тремя определениями *her long black hair*. Исключаем из дальнейшего рассмотрения отношения между *her* и *long*, так как *her* и *hair* – рамочные компоненты данного словосочетания, формирующие границы описания объекта. Атрибуты *long* и *black* не состоят ни в сочинительных, ни в подчинительных отношениях, поскольку между ними (1) невозможно вставить союз *and*, и (2) данная группа слов не способна выполнять полноценную номинативную функцию. В то же время нельзя варьировать положение атрибутов *long* и *black* так, например, чтобы они выстроились в произвольном порядке: **(her) black long (hair)*. Справедливо лишь то, что каждое из определений способно формировать собственные конструкции с главным словом – словосочетания *long hair* и *black hair* отвечают требованиям грамматического строя английского языка.

Если семантика атрибутивной конструкции есть соучастие смыслов этих словосочетаний, получаем, что усложнение номинации объекта (*hair*) происходит за счет приписывания ему новых характеристик.

Процесс сбора и обработки информации об объекте в ходе когнитивной деятельности можно представить следующим образом:

1) говорящий встречает девушку, обладающую определенными признаками (в том числе и внешними), он видит ее волосы, обрабатывает полученную визуальную информацию и структурирует ее в виде рамочной конструкции [*her__hair*];

2) он визуальным образом отмечает темный цвет ее волос, и рамка начинает заполняться: между крайними ее элементами помещается определение *black*, получаем [*her_black_hair*];

3) происходит обработка информации о длине волос, в ходе которой необходимо провести качественно более сложный анализ (сравнить полученную визуальную информацию с эталоном, который известен из прошлого опыта, или с собственным обликом). Структура дополняется определением *long*, в результате формируется конструкция [*her_long_black_hair*], которая реализуется в языке как словосочетание *her long black hair*.

В процессе когнитивной деятельности (посредством выполнения набора когнитивных операций) происходит сжатие воспринятой информации и ее преобразование в определенную грамматическую конструкцию, позволяющую отследить направление сбора информации.

Схема 6

[*her__hair*] ⇒ [*her_black_hair*] ⇒ [*her_long_black_hair*]

Последовательность атрибутов в цепочке отражает приращение (экспансию) экстралингвистического опыта в виде знания об описываемом объекте, именно поэтому место определения в цепочке жестко детерминировано. Такой способ кодирования (упаковки) информации (см. схему 6) позволяет читающему / слушающему декодировать (распаковывать) ее, в точности воспроизводя когнитивные операции, которые совершил автор при ее создании.

Термин «кумуляция», который встречается в грамматических описаниях, позволяет предположить, что исследователи предыдущих поколений обратили внимание на «особенность» подобных словосочетаний, однако в рамках существующих структурного и семантического подходов, не смогли предложить убедительного объяснения специфики таких структур. В нашем понимании **кумуляция** как набор когнитивных операций, определяющий одно- или многонаправленность

сбора информации и способы ее кодирования, обеспечивает «профилизацию» описываемого объекта. Тем не менее, она не имеет результатом формирование известных грамматических связей между элементами атрибутивной цепи. Однако эти элементы связывают отношения более абстрактного глубинного характера, основанные, по нашему мнению, на таких бинарных оппозициях, характеризующих существующие признаки, как его временный или постоянный характер, отделимость или неотделимость от главного слова, изменчивость признака или его постоянство, отчуждаемость или неотчуждаемость признака, значимость признака объекта в заданном контексте или его второстепенность и пр. Конечное число оппозиций подлежит дальнейшему уточнению.

Резюмируем сказанное. Во-первых, порядок слов в атрибутивных словосочетаниях с несколькими определениями в препозиции зависит от того, находятся ли определения в отношениях сочинения или подчинения, или же следование атрибутов отражает результат особого рода селективной кумулятивной деятельности, в ходе которой происходит выбор одной из опций в рамках бинарного (по крайней мере) распределения признака с последующим необратимым «нанизыванием» данных об отобранных признаках объекта. Во-вторых, иерархичность, связанная с последовательностью передачи информации, является имплицитированной и детерминированной скоростью ее поступления и сложностью ее обработки. Имеется в виду, что информация, предоставленная органами чувств (зрением, слухом), поступает быстрее информации, связанной с рациональной или эмоциональной обработкой сведений, которая происходит медленнее и, как следствие, воспринимается позже.

Можно сказать, что поверхностное устройство словосочетания на основе кумуляции представляет собой многомерную языковую структуру, где использование атрибута в определенной позиции отражает роль признака в бытии объекта и, таким образом, фиксирует результат когнитивной обработки экстралингвистических данных с помощью языковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бархударов Л. С.* Структура простого предложения современного английского языка. – М. : ЛКИ, 2008. – 200 с.

2. Бурлакова В. В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 128 с.
3. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная деятельность // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 51–52.
4. Исакадзе Н. В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе : дис. ... канд. филол. наук. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 148 с.
5. Cinque G. On the Evidence for Partial N Movement in the Romance DP // Working Papers in Linguistics 3:2. – Centro Linguistico Interfacolt, Universit degli Studi di Venezia, 1993. – P. 81–106.
6. The Nation's Favorite Children's Poems. – BBC Worldwide Limited, 2006. – 192 p.
7. The Nation's Favorite Poems. – BBC Worldwide Limited, 2009. – 192 p.

УДК 81'372.462

В. А. Климик

аспирант каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: v.klimik@bk.ru

НЕТРАДИЦИОННАЯ ОРФОГРАФИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ

Статья посвящена проблеме конфликта в печатном художественном тексте, в частности конфликта, возникающего в результате использования автором оригинальных орфографических приемов. Подобные приемы рассматриваются, с одной стороны, как компактный и, вместе с тем, содержательный способ передачи знаний, с другой – как один из путей реализации стратегии автора по стимулированию интереса к произведению. Предлагается таксономия орфографических приемов, а также когнитивно ориентированный способ их интерпретации.

Ключевые слова: детская литература; когнитивный диссонанс; конфликт; языковой конфликт, орфографические приемы; орфография; печатный текст.

V. A. Klimik

Postgraduate, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: v.klimik@bk.ru

NONTRADITIONAL ORTHOGRAPHY IN FICTION AS A WAY TO IMPART KNOWLEDGE

The article is concerned with conflict-in-text phenomenon – in particular, with the conflict based on using original spelling techniques in printed text. Such spelling techniques are treated, on the one hand, as a compact and informative language means of imparting knowledge; on the other hand, as part of the author's strategy to raise interest to the book. We suggest a taxonomy of such spelling techniques, and a possible guideline on their interpretation.

Key words: children's literature; cognitive dissonance; conflict; conflict-in-text; spelling techniques; spelling; orthography; printed text.

Явление когнитивного диссонанса, зародившись в русле философских и психологических учений, исследуется также в лингвистике, например как фактор, влияющий на успешность коммуникации, или как следствие языкового конфликта.

Естественно, что лингвистику интересуют разнообразные проявления когнитивного диссонанса на вербальном уровне. Так, например,

Т. Дроздова рассматривает когнитивный диссонанс как один из *структурных* компонентов художественного пространства и художественного образа [5]. Е. Вебер обращается к этому явлению с целью объяснения *механизма* вербальных манипулятивных стратегий (в отношении дипломатического дискурса) [2]. Н. Белоус анализирует *семантические* и *прагматические* факторы конфликта в коммуникативной ситуации [1].

Вместе с тем, проблема возникновения языкового конфликта и связанного с ним психологического явления когнитивного диссонанса *на структурном уровне* английского языка на данный момент не получила достаточного внимания исследователей. Тем не менее вопрос о том, может ли языковой конфликт быть спровоцирован *формой*, а не содержанием, представляется очень важным для грамматики на ее современном, когнитивно и семантически ориентированном, этапе.

Ярким примером, дающим положительный ответ на поставленный вопрос, является получающая всё большее развитие в текстах художественной литературы тенденция к игре с формой слова, словосочетания или даже предложения. Здесь мы имеем в виду правописание, а именно, приемы, основанные на отклонении от его канонов, например:

1. HELP! HELP! [13, с. 39].
2. IMJUSTCOMING [13, с. 47].
3. T-H-E E-N-D [14, с. 82].

Не вызывает сомнения, что любознательный читатель непременно обратит внимание на подобные «визуальные эффекты» печатного текста и задумается об их значении. В частности, наш опыт работы со студентами показывает, что подобные «игры» с орфографией, при встрече с ними в тексте, интригуют и часто даже озадачивают читателя, чувствующего, что отклонение от канонов правописания в тексте происходит не просто «для красоты».

Нельзя сказать, что современные писатели являются «первопроходцами» в деле использования ярких визуальных образов в рамках литературного текста. Достаточно вспомнить, например, историю с хвостиком, созданную Льюисом Кэрроллом [15, с. 37], или описание дождя, придуманное польским автором Ежи Людвигом Керном для книги «Фердинанд Великолепный» [6, с. 110–113], где графическое решение текста формирует и поддерживает необходимый автору образ.

Игровые приемы, используемые в классической детской литературе, перестали быть редкостью во взрослых книгах, причем здесь они начинают восприниматься как новаторские, режущие глаз, вносящие ощутимый диссонанс, разрушающие стереотипы о печатной продукции. Яркими образцами подобных произведений можно назвать романы «The Juror» («Присяжный заседатель») Дж. Грина [20] и «The Last Samurai» («Последний самурай») Хелен Девиит [16]. Таким образом, языковые игры, связанные с орфографией, представляют собой важную тенденцию в процессе создания текста.

Данная статья рассматривает подобные орфографические приемы как иллюстрацию возможностей *формы* расширять внутреннее содержание языкового знака, или свое семантическое поле. В частности, семантическое расширение возможно ввиду способности формы спровоцировать возникновение языкового конфликта и связанного с ним когнитивного диссонанса. Мы предлагаем классификацию таких орфографических приемов, а также возможный путь к их интерпретации.

Данное исследование проведено на материале художественной детской литературы на английском языке. Нами был проанализирован текст бестселлеров, принадлежащих перу британского детского писателя Майкла Бонда, «A Bear Called Paddington» и «More About Paddington». Выбор этот не случаен: он продиктован, во-первых, нашим научным интересом к литературе для детей, во-вторых, особенностью сюжета. Герой данной серии произведений, медвежонок из никому не известной экзотической страны, прибывает в Лондон, где знакомится с типичной английской семьей, и, поселившись в их доме, осваивает новый для него уклад жизни, при этом попадая в забавные ситуации. Таким образом, книга иллюстрирует процесс освоения культуры и развития языковой личности младшего школьника, олицетворенного медвежонком Паддингтоном. Последнее обстоятельство нам кажется очень важным, поскольку мы считаем, что исследование особенностей языка детской литературы имеет большое значение для совершенствования преподавания английского языка и культуры.

Прежде чем приступить к обсуждению непосредственно орфографических приемов, необходимо сделать небольшой экскурс в область исследований когнитивного диссонанса в литературе.

Термин «когнитивный диссонанс» (далее – КД) был предложен Леоном Фестингером для обозначения состояния напряженности и психологического дискомфорта, которое может испытывать человек

в ситуации, когда новое полученное знание противоречит ранее усвоенным знаниям, а также системе установок и ценностей данного человека. Согласно Л. Фестингеру, «возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и, по возможности, достичь консонанса» [10]. Более поздние исследования природы КД подтверждают, что избавлению от психологического дискомфорта способствует *пересмотр установок* (см., например, [12; 17]).

Исследования (см., например, [3; 5]) показывают, что явление когнитивного диссонанса часто возникает в связи с чтением и интерпретацией художественной литературы, в том числе, как результат наличия языкового конфликта в тексте. В частности, в данном исследовании мы анализировали случаи языковых конфликтов, возникающих *на уровне диалога «автор – читатель»*. Как отмечает О. Е. Фролова, в основе подобных конфликтов – ориентация гипотетического читателя на некую *норму*, касающуюся *содержания* и способов его *оформления* в привычных для него рамках *жанра*. Согласно исследователю, «читатель ожидает *сигналов от автора*, чтобы выявить характер референциального пространства¹ литературного прозаического текста» [11, с. 426–427]. Соответственно, авторские сигналы могут соответствовать ожиданиям гипотетического читателя, а могут и вступать с ними в *конфликт* – вследствие противоречий между читательскими ожиданиями и текстом. Причем такой конфликт может создаваться автором намеренно и нести в себе *положительный «заряд»*, быть «взаимовыгодным», т. е. удобным как автору, так и читателю.

Т. Дроздова показывает, что КД может возникать на разных структурных уровнях языковой личности. В частности, в данном исследовании речь пойдет о развитии КД на вербально-семантическом уровне («лексикон»), в результате несоответствия языковых кодов автора и читателя [5].

¹ Термин «референциальное пространство» (зона, область) рассматривается как метафорическое осмысление дискурса, обладающего несколькими измерениями, т. е. являющегося, в действительности, объемным построением. Речь идет о том, что для описания дискурса необходимо принять во внимание наличие неких границ, внутри которых существует задаваемая автором, уникальная для данного текста взаимосвязь смыслов и языковых единиц, средств, которые ответственны за «упаковку», оформление, материализацию этих смыслов (см., например [4; 9; 18; 19]).

Как уже отмечалось выше, ощущение КД может побудить человека к пересмотру установок. Благодаря такому свойству, грамотное управление ситуацией когнитивного диссонанса может стать действенным инструментом в преодолении языковых конфликтов [12]. В этом смысле мы полагаем, что автор может намеренно вводить в текст языковой конфликт – с целью побудить читателя изменить свои представления и установки. При этом КД функционирует как мотивирующий фактор, как стимул к активизации процессов восприятия и осмысления текста. Другими словами, автор может придумывать языковые «игры» и «приглашать» читателя к участию. В данной статье мы остановимся на языковых играх, связанных с правописанием и выбором шрифта (см. примеры, приведенные выше).

При анализе лингвистического материала мы учитывали примерный возраст целевой аудитории произведений (7–11 лет), а также предположительно небольшой читательский опыт детей этого возраста. Мы также руководствовались тем соображением, что книги, адресованные начинающим читать детям, представляют собой образцы канонического текста с минимальным использованием нетривиальных средств построения текста (примером могут послужить тексты большинства фольклорных сказок, басен, легенд) – см., например, [7].

Ниже мы приводим таксономию орфографических приемов и нашу трактовку их функционирования в качестве провоцирующего языковой конфликт фактора. Такой конфликт может возникать как результат противоречия между усвоенными читателем нормами правописания и авторскими «отступлениями» от них. Как следствие конфликт вызывает у читателя когнитивный диссонанс, сопровождающийся желанием преодолеть состояние дискомфорта. Анализ орфографических приемов может быть использован как руководство по интерпретации подобных явлений, в дополнение или как альтернатива другим видам лингвистического описания.

Типология орфографических приемов, основанных на отклонении от нормы

1. Слова, набранные заглавными буквами

«He tried calling out “Help”, first in quite a quiet voice, then very loudly: “HELP! HELP!»

По контрасту с обычным, вполне нейтральным “Help” второе употребление этого слова (“HELP! HELP!”), набранного заглавными

буквами, бросается в глаза и дает читателю понять, до какой степени был напуган персонаж. Повтор слова “HELP!” помогает раскрыть еще ярче ужас и отчаяние героя. Примечательно, что автор оставляет юному читателю подсказку к верной «расшифровке» созданного образа («very loudly»). Наличие такой подсказки сигнализирует о том, что выбор в пользу прописных букв не был случайным, и автор, учитывая возможную неопытность своего читателя, продумал, как обеспечить верное истолкование слов “HELP! HELP!”, написанных (точнее, напечатанных) неканоничным, окказиональным образом.

Данный прием в большинстве зарегистрированных нами случаев совместим с другими техниками визуализации печатного текста, которые мы рассмотрим ниже.

2. *Связывание слов*
(+ Слова, набранные заглавными буквами)

“Paddington looked up, an expression of bliss on his face; that part of his face which could be seen behind egg whiskers and toast crumbs. He tried to say something but all he could manage was a muffled grunting noise which sounded like IMJUSTCOMING all rolled into one”.

В последней части предложения, в дополнение к окказиональному написанию целого слова заглавными буквами, автор не разделяет границы слов IMJUSTCOMING, игнорируя базовые правила английской орфографии. При этом намерение автора представляется вполне прозрачным: будучи «склеенной», фраза IMJUSTCOMING стимулирует создание яркого *картиноподобного* [8, с. 157; 21] образа, представляющего медвежонка, пытающегося одновременно и говорить, и прожевать большой кусок лакомства. Таким образом, порождая столь яркий образ, использованный орфографический прием глубже раскрывает неловкость и «неуклюжесть» описываемой ситуации.

Аналогично предыдущему примеру, автор дает ключ к интерпретации записанной не по правилам традиционной орфографии фразы: “...IMJUSTCOMING all rolled into one”.

3. *Парцелляция*
(+ Слова, набранные заглавными буквами)

“And as Paddington lifted a tired paw and waved the last sparkler in the air to spell out the words T-H-E E-N-D, everyone agreed they had never seen such a successful bonfire before – or such a well-dressed guy”.

Благодаря приему парцелляции – дробления слова на отдельные буквы (на письме отображается с помощью дефисов) – привычное для ситуации окончания зрелищного представления клише «The End» теряет тривиальность и становится броским, запоминающимся. Подобный отход от базовых и канонических правил письменного оформления текста, с одной стороны, провоцирует возникновение когнитивного диссонанса у маленького читателя. С другой – прием парцелляции обогащает клише дополнительным смыслом: визуальное дробление создает впечатление, что слово будто «отчеканено», т. е. произнесено с приданием ему особой важности. Действительно, ближайший контекст (“*everyone agreed they had never seen such a successful bonfire before*”) подтверждает созданный образ «важного» слова. Таким образом, анализ более широкого контекста позволяет вывести дополнительное значение, привносимое альтернативной печатной визуализацией слова: “T-N-E E-N-D” в компактной и оригинальной языковой форме помогает понять, насколько медвежонок был горд и доволен собой в описываемой ситуации.

4. *Намеренные орфографические ошибки* (+ Слова, набранные заглавными буквами)

“With the little that was left he tried writing his new name again. He had several attempts and finally decided on PADINGTUN. It looked most important”.

Несомненно, написанное с двумя орфографическими ошибками слово «PADINGTUN» моментально привлекает к себе внимание юного читателя, уже усвоившего, что книга – образец языковой нормы. Тот факт, что, согласно сюжету, медвежонок ошибочно написал *собственное* имя, служит дополнительным ярким штрихом к портрету героя: «намекает» на юный возраст Паддингтона и его пока еще далеко не совершенный английский. Таким образом, компактная и лаконичная языковая форма «PADINGTUN» передает немалый объем важной, характеризующей персонажа информации, более того, доносит эту информацию читателю в увлекательной и забавной, вызывающей улыбку манере.

5. *Намеренные грамматические ошибки*

Намеренные, со стороны автора, орфографические ошибки также помогают передать дополнительные смыслы. Например, в анализируемом материале название «страны», из которой медвежонок

Паддингтон прибыл в Лондон, пишется как «Darkest Peru». Такой выбор воспринимается как нарушение нормы английского языка, которая диктует употребление прилагательных в превосходной степени («darkest») в сочетании с определенным артиклем. Выбор в пользу отступления от нормы обусловлен дополнительной смысловой нагрузкой окказионализма – в частности, вымышленный топоним «Darkest Peru» подчеркивает экзотичность местности, где родился и вырос персонаж.

Анализ зарегистрированных орфографических приемов позволил сделать два важных вывода.

Во-первых, благодаря неотъемлемой визуальной составляющей нестандартных орфографических приемов они способны приносить дополнительные смыслы и передавать мельчайшие оттенки художественных образов в *компактной* и «наглядной» языковой форме. Это становится возможным благодаря сочетанию языкоподобных и картиноподобных ментальных репрезентаций в одном языковом «контейнере».

Во-вторых, употребление приемов нетрадиционной орфографии в печатном тексте (в частности, художественном) стимулирует процесс инференции. Инференция в данном случае возникает как результат эмоционального отклика или напряжения в процессе перцепции и интерпретации случаев неканоничного правописания. Согласно исследованиям когнитивного диссонанса, при получении нового знания, противоречащего уже усвоенному, возникает психологический дискомфорт, избавлению от которого способствует пересмотр установок. Провоцируя подобный «познавательный» дискомфорт, когнитивный диссонанс одновременно обладает и значительным мотивирующим потенциалом. Таким образом, логично предположить, что появление в тексте языкового конфликта (в нашем исследовании конфликта, вызванного отходом от традиционных правил орфографии), вызывает у читателя ощущение дискомфорта и, способствуя интенсификации интерпретационных усилий, помогает *приобрести новое знание*.

Подведем итоги. В данной статье мы предприняли попытку наметить возможный подход к интерпретации явления, далеко не редкого в англоязычной художественной литературе, а именно – орфографических приемов, основанных на отходе от нормативных правил. Предлагаемый подход рассматривает подобные приемы как намеренное (со стороны автора) введение в текст языкового конфликта как

оригинального вербально-образного средства. Цель подобной стратегии автора заключается в следующем: 1) обеспечить многомерность и многоплановость дискурсивных смыслов; 2) активизировать когнитивные усилия читателя по интерпретации текста и декодированию этих смысловых измерений.

Нами также была предпринята попытка разработки первичной таксономии подобных орфографических приемов, а именно:

1. Слова, набранные заглавными буквами.
2. Связывание слов.
3. Парцелляция.
4. Намеренные орфографические ошибки.
5. Намеренные грамматические ошибки.

Необходимо признать, что предложенная классификация не претендует на полноту и завершенность и подлежит дальнейшему уточнению и совершенствованию.

Мы также считаем, что проблематика языковых (и, в частности, грамматических) средств создания языкового конфликта нуждается в проведении дальнейших исследований с целью получить ответы на ряд важных вопросов. Отметим лишь некоторые из них. Следует ли рассматривать языковой конфликт (провоцирующий, в частности, явление когнитивного диссонанса) как негативное или положительное явление? Какие факторы при этом необходимо принимать во внимание? Каковы средства реализации языкового конфликта и часто связанной с ним *манипулятивной* стратегии¹ текстообразования? Как можно определить границы основанной на конфликте языковой игры, и до какой степени такие игры связаны с нарушением языковой нормы?

Отметим также, что исследование проблематики языкового конфликта (в частности, связанного с отклонениями от грамматической нормы) имеет потенциальное прикладное значение. В первую очередь, результаты исследований в данной области важны для *развития и совершенствования навыков чтения у детей*. В современную эпоху, когда дети интересуются книгами значительно меньше, чем их

¹ Под манипулятивной стратегией мы здесь подразумеваем стратегию автора, решающего за читателя, на что в тексте непременно нужно обратить внимание, и апеллирующего (в случае рассмотренных техник визуализации печатного текста) к когнитивной метафоре «БОЛЬШЕ ФОРМА – БОЛЬШЕ СОДЕРЖАНИЕ».

сверстники предыдущих поколений, очень важно выявить и задействовать факторы, стимулирующие читательский интерес и облегчающие запоминание (последнее особенно важно в условиях информационной пресыщенности). Продуманный и искусно созданный на страницах книги языковой конфликт может успешно служить этим двум целям. В этом смысле особенно перспективны «игры» со шрифтом, рассмотренные в данной статье, – благодаря создаваемым ярким визуальным образам они понятны даже самым юным читателям и, несомненно, интригуют ребенка, повышая интерес к книге.

Кроме того, освещение проблематики языковой игры имеет важное значение в области *профессионального обучения* стратегиям текстообразования. Развитое представление о природе и коммуникативной значимости языкового конфликта важно иметь не только филологам, но и представителям любых специальностей, связанных с коммуникацией (журналистика, психология, государственное управление, маркетинг и др.). В случае профессионального обучения искусственный языковой конфликт и связанный с ним когнитивный диссонанс можно рассматривать как стратегию повышения успешности образовательной деятельности и, в более общем смысле, как средство создания эффективной коммуникативной среды в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2008. – 48 с.
2. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 213 с.
3. Воскобойник Г. Д. Когнитивный диссонанс как проблема теории и практики перевода: основные концептуальные положения. Иркутский гос. лингвист. ун-т. Авторский проект / Г. Д. Воскобойник. – Иркутск : ИГЛУ, 2001. – 31 с.
4. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия Академии наук СССР. – Т. 42. – М. : Наука, 1983. – № 4. – С. 320–329. – (Серия литературы и языка).
5. Дроздова Т. В. Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 24 с.

6. Керн Л. Е. Фердинанд Великолепный : пер. с польск. – М. : Прогресс, 1969. – 160 с.
7. Климик В. А. Обучающий потенциал синтаксиса фольклорной и литературной сказок (компетентностный подход) // Лингвистика и лингводидактика: когнитивно-коммуникативные аспекты грамматических исследований. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 150–157. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 28 (739). Сер. Лингвистика и литературоведение).
8. Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 245 с.
9. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова ; РАН, Ин-т языкознания РАН. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35–73.
10. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб. : Ювента, 1999. – 318 с., илл.
11. Фролова О. Е. Конфликт текста и читательских ожиданий // Конфликт в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : РГГУ, 2001. – С. 425–427.
12. Barker Ph. Cognitive Dissonance // Beyond Intractability / Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. – Boulder: Conflict Information Consortium, University of Colorado, 2003 [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.beyondintractability.org/essay/cognitive-dissonance>
13. Bond M. A Bear Called Paddington. – Harper Collins Publishers Ltd., 2003. – 159 p.
14. Bond M. More About Paddington. – Harper Collins Publishers Ltd., 2003. – 144 p.
15. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. – New York : D. Appleton and Co., 1866. – 441 p.
16. DeWitt H. The Last Samurai. – New York : Hyperion, 2000. – 530 p.
17. Elliot A. J., Devine P. G. On the Motivational Nature of Cognitive Dissonance. Dissonance as Psychological Discomfort // Journal of Personality and Social Psychology. – American Psychological Association, 1994. – Vol. 67, No. 3. – P. 382–394.
18. Givon T. Beyond Foreground and Background // Coherence and Grounding in Discourse. – Philadelphia, 1984. – P. 175–189.
19. Givon T. Functionalism and Grammar. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co., 1995. – 486 p.
20. Green G. D. The Juror. – Bantam Books, 1996. – 432 p.
21. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. – New York : Holt, Rinehart & Winston, 1971. – 596 p.

УДК 81'367.335.2+811'111

Т. И. Грибанова, Е. Н. Коршунова

Грибанова Т. И., доцент МГЛУ, магистр лингвистики, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Коршунова Е. Н., доцент МГЛУ, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

СРЕДСТВА СВЯЗИ В АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМИ

Статья посвящена особенностям употребления средств связи в английских предложениях с придаточными определительными. Выбор служебного слова определяется комплексом таких факторов, как подвид определительного придаточного предложения, семантические и синтактико-морфологические характеристики antecedента, синтаксическая функция союзного слова и речевой регистр высказывания.

Ключевые слова: английский синтаксис; ограничительные и неограничительные определительные придаточные предложения, средства связи в английских придаточных определительных; служебные слова; стилистическая принадлежность придаточных определительных.

T. I. Gribanova, E. N. Korshunova

Gribanova T. I., Master of Linguistics, Associate Professor, Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Korshunova E. N., Associate Professor, Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

CONNECTIVE MEANS IN ENGLISH ATTRIBUTIVE CLAUSES

The article deals with the connective means in English attributive clauses. The choice of the connector is determined by a complex of such parametres as the type of clause, the semantic, syntactic and morphological features of the antecedent, the syntactic function of the connector and the speech register of the utterance.

Key words: English syntax; defining and non-defining relative clauses; connective means in attributive clauses; functional words; stylistic reference of relative clauses.

Выбор служебного слова в качестве связующего элемента в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными

традиционно представляет трудность для изучающих английский язык, что вызвано целым комплексом семантико-синтаксических и стилистических факторов.

Служебными словами в рассматриваемом случае как правило выступают относительные местоимения. При этом им свойственна как синтаксическая синонимия, так и синтаксическая омонимия. Под синонимией мы понимаем употребление различных языковых единиц для реализации общей связующей функции в предложении. Так, для присоединения определительных придаточных предложений наиболее частотными являются относительные местоимения *who(m)*, *which*, *that*, *whose*¹. С другой стороны, вышеупомянутым языковым единицам свойственна омонимия: слово *that*, функционирующее и как местоимение, и как союз, может вводить разные подвиды определительных (относительных и аппозитивных) придаточных предложений².

Как показывает практика, при выборе служебного слова необходимо учитывать следующие факторы:

1. Подвид определительного придаточного предложения.
2. Характеристики антецедента:
 - а) семантика (одушевленность / неодушевленность);
 - б) синтаксическая структура антецедента и морфологические способы его выражения (существительное, личное или неопределенное местоимение, прилагательное и т. д.).
3. Синтаксическая функция союзного слова как связующего элемента в предложениях с определительными придаточными.
4. Речевой регистр высказывания.

Важно отметить, что добиться понимания сути языкового явления невозможно без четкой терминологической базы, отражающей как его структурно-смысловые особенности, так и разнообразие подходов к описанию.

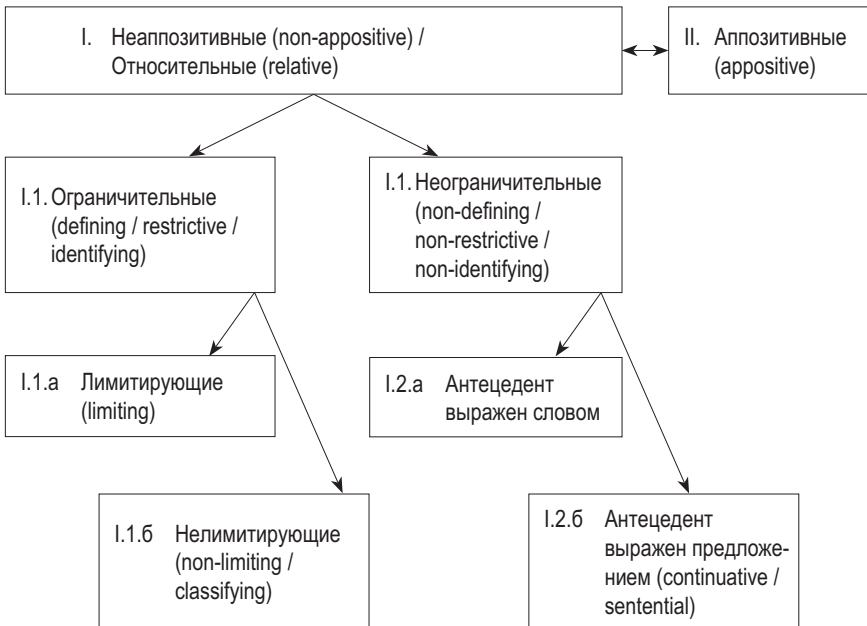
В работе мы придерживаемся классификации определительных придаточных предложений, принятой в отечественной лингвистике, в сопоставлении с классификациями, предложенными зарубежными

¹ *What* не употребляется в определительных придаточных в качестве нормативного связующего элемента [Сам 568].

² В данной статье мы подробно рассмотрим связки, наиболее типичные для современного английского языка. При этом будет дана краткая информация относительно менее частотных связующих единиц.

авторами [1, с. 340; 2, с. 463; 3, с. 198; 4, с. 566; 5, с. 298; 6, с. 106, 7, с. 183; 8, с. 477]. В обобщенном виде данная классификация может быть представлена в виде следующей схемы.

**Определительные придаточные предложения
(Attributive Clauses)**

- I. He made a promise that / which he failed to keep [7, с. 164].
- II. He made a promise that he would return all the money [7, с. 164].
 - I.1 The woman who does my hair has moved to another hairdresser's [8, с. 480].
 - I.2 Dorothy, who does my hair, has moved to another hairdresser's [8, с. 480].
 - I.1.a The film that we saw was very interesting [7, с. 183].
 - I.1.б Van Gogh was an artist who used a lot of bold, vibrant colours [5, с. 299].
 - I.2.a This is Ms Rogers, who's joining the firm next week [8, с. 479].
 - I.2.б He got married again a year later, which surprised everybody [8, с. 479].

1. Подвид определительного придаточного предложения играет существенную роль при выборе средств связи, которые условно можно подразделить на три группы:

- А. Типичные для данного вида подвида определительных придаточных предложений, но встречающиеся в других подвидах.
- Б. Несвойственные данному подвиду.
- В. Характерные только для данного подвида¹.

	А	Б	В
I. Неаппозитивные			
I.1. Ограничительные			
I.1.а.С одушевленным антецедентом	who/ whom / whose / that	не выявлены	не выявлены
I.1.б.С неодушевленным антецедентом	which / that / whose, where, when	who / whom	не выявлены
I.2. Неограничительные			
I.2.а.Антецедент выражен словом			
– одушевленным	who / whom / whose	that	не выявлены
– неодушевленным	which / whose where, when	that	не выявлены
I.2.б.Антецедент выражен предложением	which	who, whose, that, what	не выявлены
II. Аппозитивные			
Антецедент выражен абстрактным существи- тельным в ед. ч.	that (союз)	which, who, whose, as	союзы lest, whether, why, how, when

2. Характеристики антецедента

2а. Семантика (одушевленность / неодушевленность)

Наиболее очевидным фактором, влияющим на выбор служебного слова, является принадлежность антецедента либо к одушевленным, либо неодушевленным объектам. Так, традиционно одушевленные антецеденты, обозначающие людей и домашних питомцев *That's the dog who bit Tom* [Сам 569], употребляются с последующим *who(m)*,

¹ Употребление подобных средств связи является архаичным и встречается преимущественно в художественной литературе.

тогда как неодушевленные antecedенты требуют после себя использования *which*. Подобное употребление служебных слов характерно для всех видов неаппозитивных придаточных. Однако в обоих подвидах придаточных ограничительных допускается использование *that*.

Собирательные существительные, обозначающие группы людей, например, *cabinet, committee, government, group, panel, police, team*, имеют тенденцию, аналогично неодушевленным antecedентам, употребляться с *that / which* [7, с. 182].

Однако в *Cambridge Grammar of English* [4, с. 569] дается разъяснение о том, что тенденция использовать *which* проявляется в том случае, когда antecedent рассматривается как группа в целом и согласуется с глаголом в единственном числе (1). Если же antecedent обозначает группу индивидов и согласуется с глаголом во мн. ч., то существует тенденция употреблять *who* (2).

(1) Ignoring immigrants excludes a social group *which* already *plays* an important role in social and economic development.

(2) The Monaco midfielder, a key member of the Scotland team *who face* Latvia in a crucial final World cup qualifier ...

At the very beginning I had some sympathy for the police, *who were* so convinced they had found their man.

Местоимение *whose* (с последующим существительным) традиционно употребляется в отношении одушевленных объектов (людей и животных) как в ограничительных, так и в неограничительных относительных придаточных предложениях.

В более формальном регистре в редких случаях допускается возможность его использования после неодушевленных antecedентов [4, с. 572], например, *Planets whose atmosphere ...* [5, с. 301]. При этом более частотным считается вариант *of which* перед существительным [6, с. 110; 7, с. 183; 8, с. 481].

В некоторых случаях *whose* + сущ. встречается после географических названий и собирательных существительных [6, с.108]:

We need to learn from *companies whose trading* is more healthy than our own.

В официальном письменном стиле *whose* относительно широкого спектра явлений [6, с. 108]:

Students are encouraged to use an appropriate theory in order to solve *problems whose* geographical limits are clear.

В аппозитивных придаточных предложениях antecedent всегда выражен абстрактным существительным в единственном числе (*danger, evidence, fact, idea, impression, principle, risk, experience, view, sign, disadvantage, news, opinion, possibility, tradition*) и часто употребляется с последующим союзом *that* [7, с. 164].

26. Чаще всего встречаются однокомпонентные antecedents, выраженные именем существительным (одушевленным или неодушевленным)¹. Однако традиционное *which* после неодушевленного antecedenta в неограничительных придаточных предложениях может использоваться в составе таких устойчивых предложных словосочетаний, как *in which case, at which point, as a result of which, since when, by when / by which time* [7, с. 184; 8, с. 483]:

There was another scandal, **the result of which** was that the president himself resigned.

В случае использования многокомпонентного antecedenta важную роль играет однородность составляющих его элементов. Если его элементы семантически неоднородны (одушевленные и неодушевленные существительные), то традиционно используется *that*:

The child stared out of the window, murmuring to himself, to the **automobiles, cows, trees, houses and people that** floated past.

Личные местоимения в качестве antecedenta встречаются только в формальном стиле или художественной литературе, например в поговорке: **He who laughs last laughs longest** [7, с. 184; 8, с. 485].

Неопределенные местоимения *someone, anyone, something, anything, everything, all, many, some, nothing, little, much* и указательное *those* в качестве antecedenta традиционно употребляется с *that* [6, с. 106; 7, с. 184; 8, с. 478]:

I'm ready for **anything that** happens.

Сочетания *much / little + that* считаются достаточно формальными [7, с. 184]: *I'll tell you the **little that** I know.*

При этом местоимения *many* и *those* допускают употребление связки *who*, поскольку они оба почти всегда являются одушевленным antecedentом [7, с. 184; 8, с. 477]:

Many who saw the film were unimpressed. With all **those who** want to go please raise their hands?

¹ См. выше.

В некоторых случаях перед определяемым словом употребляется усилитель *same*. В сравнительной структуре *the same* + *существительное* традиционно используют *as* + *существительное* / *местоимение*. Однако если сравнение выражено придаточным, спектр выбора средств расширяется [8, с. 491]. В случае если связка выступает в качестве подлежащего, возможно использование *that* / *who*:

That's **the same** man **that** / **who** asked me for money yesterday,

если же в качестве дополнения – то *that* / *as*:

He's wearing the same shirt **that** / **as** he had on yesterday.

Как и в других подвидах ограничительных придаточных, союзные слова в функции дополнения можно опускать.

Прилагательное в превосходной степени в качестве самостоятельного antecedента или его определения употребляется с последующим *that* [8, с. 478]:

It's the **best** film **that's** ever been made about madness.

В вышеперечисленных случаях речь идет об antecedентах, выраженных словом. В тех случаях, когда antecedент выражен предложением (*main clause*), единственным способом присоединения к нему придаточного предложения (*continulative, sentential*) является служебное слово *which*:

The piano required several men to lift it, **which** was perhaps not surprising [7, с. 188].

Наряду с традиционным употреблением, *which* может принимать более развернутые формы *which was when*, *which was how* [7, с. 184]:

(3) He arrived at six, **which was when** the diamonds went missing.

(4) She left her address, **which was how** we contacted her.

(5) His fingerprints were all over it, **which was what** gave him way.

3. Выбор служебного слова зависит не только от семантических и морфологических характеристик antecedента, но и от синтаксической функции самого союзного слова как связующего элемента в предложениях с определительными придаточными. Как правило связка выступает в качестве подлежащего или дополнения.

В ограничительных неаппозитивных придаточных предложениях с одушевленным antecedентом могут использоваться *who* / *that* вне

зависимости от функции последних [4, с. 571; 7, с. 183; 8, с. 480]. Однако некоторые авторы считают, что если служебное слово выступает в качестве подлежащего, предпочтение отдается *who* [5, с. 300; 8, с. 482]:

Mr Harrison is the lawyer *who / that* has been chosen to represent you.

Более того, в ограничительных придаточных предложениях допускается пропуск союзного слова в функции дополнения, но не подлежащего [4, с. 573; 5, с. 301; 6, с. 106; 8, с. 480]:

The girl (*who*) I met in the florist's was at the party. Huh, there's you in the back garden of the second house (*that / which*) we lived in.

4. Говоря о речевом регистре высказывания, мы имеем в виду стилистическую принадлежность как самого придаточного определительного предложения и его подвидов, так и средств связи. Так, уже само по себе придаточное предложение как способ выражения определения (1) является формальным. В повседневной устной речи и менее формальных регистрах письменной речи рекомендуется отдавать предпочтение более коротким способам описания, например использовать предложные словосочетания (2) или прилагательные (3). Сравним [5, с. 298]:

(6) People *who come from Wales* are often quite musical.

(7) People *from Wales* are often quite musical.

(8) *Welsh* people are often quite musical.

Рассматривая различные подвиды придаточных определительных, зарубежные авторы как правило относят неограничительные определительные придаточные, характеризующие однокомпонентный antecedent, к формальному регистру устной и письменной речи [5, с. 299; 8, с. 479]. В то время как придаточные этого же подвида, относящиеся к antecedentu, выраженному предложением, считаются нейтрально-разговорными и обладают оценочным потенциалом (evaluation). Заметим, что при этом осуществляется анафорическая связь между информацией в придаточном и главном предложениях, а в некоторых случаях всем предшествующим контекстом [4, с. 566].

С точки зрения авторов статьи, большой интерес для стилистического анализа представляют ограничительные придаточные предложения, которые являются менее стилистически однородными. При этом

их степень формальности определяется не столько синтаксическим способом выражения определения (придаточное предложение), сколько его структурной развернутостью, выбором служебного слова и его формы, а также местом предлога относительно служебного слова.

Сравнение двух примеров: *The paintings which Mr Flowers has in his house are worth around £100, 000* [6, с. 107] и *He showed me the rocks (which / that) he had collected* [6, с. 106] позволяет утверждать следующее: первый представляется более формальным в силу несколько большей развернутости и выбора служебного слова *which*. В свою очередь, регистр второго высказывания снижен как за счет выбора менее формальной связки *that*, так и возможности ее опущения.

Известно, что в современном языке связка *who* функционирует не только как подлежащее, но и как дополнение придаточного предложения во всех речевых регистрах, кроме крайне формального [4, с. 569; 5, с. 300; 8, с. 478]. В результате этого форма объектного падежа *whom*, которая традиционно относится к формальному регистру, в современном английском употребляется крайне редко (в основном после предлогов), например, *People who* (нейтральный или формальный) / *whom* (формальный) или *that* (нейтрально-разговорный) [6, с. 106; 7, с. 183; 8, с. 478].

В стандартном нейтральном регистре рекомендуется контактное позиционирование антецедента и придаточного [7, с. 183; 8, с. 484]. Однако в ряде видов дискурса, например в газетном тексте, допускается употребление именных словосочетаний между антецедентом и определительным придаточным:

I rang up Mr Spencer, *the Manager's secretary*, *who* did the accounts.

Как упоминалось ранее, в формальном регистре современного английского языка сосуществуют два способа выражения принадлежности в отношении неодушевленных существительных [4, с. 572; 6, с. 110; 7, с. 183; 8, с. 480], а именно – *whose* + *существительное*: *The house, whose gardens sloped down to the beach, was enormous* и *существительное* + *of which*:

The house, the gardens of which sloped down to the beach, was enormous.

Оба эти варианта признаются стилистически равноправными при том, что *существительное* + *of which* является более частотным.

В менее формальных регистрах предлагается использовать структуру *that ... of*. Рассмотрим ряд предложений, расположенных по мере понижения уровня формальности [8, с. 481]:

(9) He's written a book **whose name** I've forgotten. = He's written a book **the name of which** I've forgotten.

(10) He's written a book **that** I've forgot **the name of**.

Тем не менее в разговорной устной и менее формальной письменной речи авторы отдают предпочтение модели *with + существительное + that* [7, с. 183; 8, с. 481]:

The house, with gardens that sloped down to the beach, was enormous.

Более того, некоторые авторы [6, с. 108], допуская употребление *whose* по отношению к неодушевленным antecedентам *I received a letter, whose poor spelling made me think it was written by a child*, в неформальном регистре настаивают на преимущественном употреблении структуры без союзного слова, с заменой на сочинительную связь:

I received **a letter, and its poor spelling** made me think it was written by a child.

Служебное слово часто сочетается с предлогом, которой может находиться как в препозиции к связке, так и быть оторванным от нее. Следует отметить, что *that* и *who* никогда не употребляются с предлогом в препозиции [8, с. 483].

В формальном регистре предлог стоит в препозиции к служебному слову [5, с. 299; 6, с. 110; 7, с. 184; 8, с. 483]:

Have you seen the little case **in which** the contact lenses are kept?¹

В неформальном регистре он стоит в конце предложения, например:

Have you seen the little case **that / which** I keep my contact lenses **in**?

¹Отнесение данного примера к формальному регистру подкрепляется использованием форм страдательного залога.

Подобное правило также распространяется на служебное слово *who(m)*, при этом после предлога следует форма объектного падежа. Сравним [4, с. 569]:

The people *who* this report is addressed *to* will have to consider carefully the consequences of the proposed cuts

и

The people *to whom* this report is addressed will have to consider carefully the consequences of the proposed cuts.

В некоторых случаях словосочетание *предлог + which* может заменяться на связки *where, when* и *why* [6, с. 108; 7, с. 183; 8, с. 479]:

This is the house *where* I grew up / *which* I grew up *in* / *in which* I grew up [5, с. 299].

The attacks continued up to the day *when* / *on which* the agreement was signed. The reason *why* / *that* / *for which* government fall... [8, с. 483].

Сопоставляя стилистическую окраску различных средств связи, нельзя не упомянуть, что наименее формальным является случай с опущением связки (*omission*). Как было указано выше, это возможно только в случаях ограничительных придаточных предложений и тогда, когда связка выступает в качестве второстепенного члена предложения. Опущение союзного слова недопустимо в неограничительных определительных придаточных предложениях.

Так, служебное слово, в частности, может быть опущенным после неопределенных местоимений *something, anything nothing* и т. д. в качестве антецедента [7, с. 184]: *Anything you can do I can do better.*

Средства связи в рамках высказывания являются обязательным средством когезии текста. Однако успешность реализации смысловых отношений в письменном тексте зависит не только от правильного употребления собственно структурных элементов, но и от отражения логических связей посредством пунктуации. Последняя отражает коммуникативные намерения автора и в большей степени зависит не столько от служебного слова, выступающего в качестве связки, сколько от подвида придаточного, типа смысловой связи с антецедентом. Чем теснее смысловая связь между главным и придаточным предложениями, тем менее вероятно обособление придаточного запятыми. В свою очередь, в случае ослабления смысловых отношений,

становится возможным употребление между частями предложения запятой. Так, неограничительные определительные придаточные предложения обоих подвидов (11) выделяются запятыми – в отличие от ограничительных (12) [7, с. 182; 8, с. 479]. При этом пунктуация (выделение запятыми) отражает интонационный рисунок высказывания, например паузы, выделяющие неограничительные определительные придаточные в речи [5, с. 299]:

(11) *The tribespeople, who* traded with the settlers, retained land. – *Все представители племени.*

(12) *The tribespeople who* traded with the settlers retained land. – *Только те, кто торговал...*

Большинство авторов сходятся во мнении, что обособление не характерно для придаточных со связкой *that*. Однако некоторые из них признают возможность подобного обособления в отношении аппозитивных определительных придаточных [4, с. 843]. Наличие запятой подчеркивает их неограничительный характер, например:

Her answer, *that* she had forgotten to set her alarm clock, was not a convincing excuse [4, с. 576].

Все вышесказанное свидетельствует о наличии комплекса факторов, определяющих употребление средств связи в английских придаточных определительных. Существует очевидная связь между выбором связующего элемента и языковыми характеристиками как высказывания в целом (семантическими, морфологическими, синтаксическими и стилистическими), так и характеристиками антецедента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каушанская В. Л. и др.* Грамматика английского языка. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 384 с.
2. *Кобрин Н. А. и др.* Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Перспектива ; Союз, 2008. – 528 с.
3. *Резник Р. В., Сорокина Т. С., Казарицкая Т. А. и др.* Практическая грамматика английского языка. – М. : Флинта, Наука, 1996–2002. – 688 с.
4. *Carte R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. – Cambridge University Press, 2011. – 974 p.
5. *Foley M. and Hall D.* Longman Advanced Learner's Grammar. – Harlow : Pearson Education Limited, 2003. – 384 p.

6. *Hewings M.* Advanced Grammar in Use. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 294 p.
7. *Side R. and Welman G.* Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency. – Harlow : Pearson Education Limited, 2001. – 286 p.
8. *Swan M.* Practical English Usage. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 658 p.

УДК 81-13

З. Р. Мамсурова

соискатель кафедры грамматики и истории
английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: zhukaeva_z@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В БРИТАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

В статье предлагается возможная типология коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивающих решение возникающих коммуникативных задач в условиях конфликтной ситуации. Предпринимается попытка рассмотреть варьирование лингвистических средств, ответственных за возникновение и разрешение коммуникативного конфликта.

Ключевые слова: речевой / языковой / коммуникативный конфликт; социальная роль, социальный статус; кооперативные / некооперативные (конфронтационные) коммуникативные стратегии; речевые тактики кооперации / конфронтации; речевые приемы.

Z. R. Mamsurova

Research Student, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: zhukaeva_z@mal.ru

COMMUNICATION STRATEGIES AND TACTICS IN BRITISH DRAMA

The article represents a variety of communication strategies and tactics that provide solutions to communicative tasks under the conditions of a conflict situation and discusses the diversity and frequency of linguistic means that provoke, express and resolve a conflict.

Key words: linguistic / communicative conflict; social role; social status; communication strategies; communication tactics; communication techniques.

Цель статьи – охарактеризовать речевой конфликт как особый коммуникативный план, возникающий в результате взаимодействия особого рода стратегий и тактик, опосредованных приемами речи, а также предложить предварительную таксономию и описание соответствующих стратегий, тактик и лингвистических индикаторов конфликтного речевого поведения. Предпринимается попытка анализа драматургического текста в русле заявленного стратегического подхода к коммуникативной деятельности.

Едва ли возможно найти драматическое произведение, в основе которого не лежал бы конфликт. Основу конфликтности драмы составляют извечные общечеловеческие противоречия. Именно поэтому, изучая языковую природу **конфликта**, целесообразно обратиться именно к драматургическому конфликту. Это объясняется тем, что понятие «речевой / коммуникативный конфликт» требует ширококонтекстного описания, а формат драматического диалога является наиболее подходящим для инвентаризации языковых средств конфликтных ситуаций. Это позволит структурировать данные лингвопрагматического и экстралингвистического контекста, в котором коммуникация завершается неудачей, а также выделить релевантный набор конфликтотенных параметров для конкретного речевого фрагмента.

Структурной особенностью диалога в драматическом произведении является чередование реплик персонажей. Именно высказывания персонажей являются средством продвижения драматического действия. В составе диалогического единства происходит обмен тесно связанными по смыслу высказываниями, последующие из которых являются непосредственной реакцией на предшествующую речь [4].

Целеположенность речи – один из центральных постулатов современной лингвистики – позволяет предположить, что достижение целей коммуникантов в конфликте может обеспечиваться использованием разных стратегий. **Коммуникативная стратегия** в широком смысле понимается как особый коммуникативный план поведения говорящих (их речевые и неречевые действия), который ориентирован на достижение определенных коммуникативных и практических результатов (на фоне существующих психологических установок).

Коммуникативные стратегии, избираемые участниками конфликтной ситуации, различаются в зависимости от ориентации участников общения на достижение своих собственных коммуникативных целей и / или ориентации на цели партнера. Традиционно в научной и методической литературе принято деление на *кооперативные и некооперативные (или конфронтационные) стратегии*. *Кооперативная стратегия* речевого поведения отличается установкой в общении на партнера по коммуникации. Один (или оба) из участников общения желает направить сложившуюся конфликтную ситуацию в благоприятное русло, используя различные регулятивные средства. Так же, как и конфронтационная, кооперативная стратегия нацелена на

максимальную реализацию участниками конфликта собственных интересов, но кооперативным, «мирным», путем. *Конфронтационная стратегия* поведения демонстрирует установку против партнера по коммуникации. Данная стратегия по своей направленности ориентирована на то, чтобы, действуя активно и самостоятельно, добиваться собственных целей / интересов, не обращая внимания на цели / интересы партнера / партнеров, участвующих в конфликте [2], т. е. противодействовать партнеру.

Успешность применения любой стратегии поведения зависит от многих факторов. Важным из них является учет стратегии партнера. В случае, если оба коммуниканта применяют конфронтационную стратегию, их взаимодействие в большинстве случаев заходит в тупик и заканчивается коммуникативной неудачей. Если же один коммуникант придерживается конфронтационной линии поведения, а другой – кооперативной, это часто приводит к взаимоприемлемому соглашению.

Реализация плана общения допускает различные способы его осуществления. Они могут комбинироваться в зависимости от ситуации, или же один из них используется как основной, а другие применяются по мере необходимости. Выбор этих способов и средств, или *коммуникативных тактик*, определяется стратегическим замыслом. Приведем пример списка некоторых кооперативных и некооперативных тактик (в алфавитном порядке, см. табл.).

Таблица

Тактики кооперации	Тактики конфронтации	
вежливость	агрессия	отрицание авторитета
искренность и доверие	атака посредством вопросов	подчинение
компромисс	возмущение	претензии
привлечение внимания	дискредитация	принуждение
сотрудничество	запугивание	провокация
проявление сочувствия	захват инициативы	оскорбление
смена темы	игнорирование	разоблачение
согласие	ирония	соперничество
уступчивость	манипуляция	угроза
	молчание	уничужение
	намек	упрек
	обвинение	
	отказ	

Отметим, что применительно к нашей основной проблематике, одна и та же тактика может использоваться в рамках разных стратегий¹, например тактика молчания может использоваться в кооперативной линии для выражения согласия, а также в конфронтационной линии речевого поведения для нагнетания ожидания, привлечения внимания к последующим репликам.

Коммуникативные тактики могут носить мирный или агрессивный характер. Мирной можно считать тактику, последствия применения которой для партнера приемлемы или нейтральны: убеждение, просьба, согласие и др. Агрессивная тактика вызывает негативные последствия для партнера. К ним, например, относятся оскорбление, угроза, отказ, упрек и др. Применение тактик обычно идет по направлению от более мягких к более жестким на стадии предконфликта или конфликтной ситуации, наоборот, на стадии конфликта с целью его урегулирования коммуникант движется в сторону смягчения тактик.

Коммуникативные тактики, реализующие ту или иную стратегию коммуниканта, могут применяться прямым, либо косвенным способом. Наиболее распространенными тактиками косвенного воздействия в конфликтной ситуации общения являются намек и ирония, тактиками прямого воздействия – оскорбление, упрек, угроза [1].

Коммуникативные тактики реализуются путем применения ряда речевых приемов, причем один и тот же речевой прием может исполь-

¹ Исследователи подчеркивают, что, в отличие от дифференциации коммуникативных стратегий, разграничение речевых тактик двух типов является условным. Это объясняется тем, что такие тактики, как угрозы, обвинения, упреки, провокации, лжи, смены темы и др. в одних случаях могут служить деструктивным целям, а в других – быть продиктованы необходимостью, безвыходной ситуацией и приводить к сотрудничеству и взаимопониманию. Так, манипулирование, которое мы в целом осуждаем, так как оно направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору, иногда может быть вынужденной мерой, например, когда мама хитроумным обманом принуждает (в игровой форме) ребенка съесть что-то полезное или принять горькое лекарство. Поэтому, характеризуя ту или иную тактику, следует смотреть на нее сквозь призму конкретной речевой ситуации, с учетом целевых установок и речевых намерений всех участников общения. Это связано с тем, *что неблагоприятны не сами по себе речевые тактики и приемы, а в первую очередь, те цели и намерения, которые за ними стоят* [1].

зоваться в разных речевых тактиках. К речевым приемам относятся лингвистические средства, используемые говорящими, или иначе, лексические и синтактико-семантические индикаторы тактик.

Наиболее типичными *лексическими языковыми средствами* в изученных нами ситуациях общения являются следующие лексико-семантические показатели:

- использование перформативных глаголов, указывающих на ту или иную стратегию или тактику (глаголов просьбы, предупреждения, требования, приказа, осуждения и др.);
- преобладание лексики с эмоционально-экспрессивной стилистической окраской, куда входит также грубо-просторечная лексика, и что является лексическим маркером тактик оскорбления, упрека, возмущения;
- употребление особой группы фразеологических оборотов (поговорки, крылатые выражения) как показателя тактики убеждения;
- использование различных стилистических тропов: (например, метафоры как показателя тактики упрека, сравнения как индикатора тактики упрека или оскорбления и т. п.);
- употребление особых языковых маркеров (частиц как показателей тактик упрека, возмущения, убеждения; междометий как маркеров тактик возмущения, отказа и привлечения внимания).

Среди синтаксических языковых средств, употребляемых коммуникантами в конфликтной ситуации общения, можно выделить следующие *синтактико-семантические индикаторы* стратегий и тактик:

- различные виды вопросительных предложений, характерные для тактик упрека, просьбы, намека, возмущения, убеждения (например, в тактиках убеждения и просьбы употребляются верификативные вопросы, в тактике возмущения – переспросы, в тактике упрека – апеллятивные вопросы и т. д.); вопросы бывают: по функции в коммуникативном акте – восполняющие, уточняющие, контактоустанавливающие, по форме – корректные, некорректные, по характеру – нейтральные, благожелательные, неблагоприятные, враждебные, провокационные;
- различные виды побудительных предложений, типичные для стратегии манипуляции и тактик просьбы, убеждения и упрека;

- простые предложения, используемые чаще, чем сложные на определенных стадиях развития конфликта в силу их экспрессивности и эмоциональности и служащие показателем тактики оскорбления и тактики прерывания;
- некоторые виды сложных предложений, являющиеся индикаторами определенных коммуникативных тактик (например, тактика угрозы маркируется сложноподчиненными предложениями с условными придаточными, а для тактики убеждения характерны сложноподчиненные предложения с придаточными причины);
- обратный порядок слов – индикатор тактик конфронтационной стратегии речевого поведения;
- обращение – языковой маркер тактик оскорбления и привлечения внимания и др. [1].

Чтобы проиллюстрировать сказанное, рассмотрим эпизод из пьесы Бернарда Шоу «Сватовство по-деревенски» («Village Wooing», 1933). Действие разворачивается на палубе корабля, где молодая девушка (Z), претендующая на положение в светском обществе, но не обладающая аристократическим происхождением, предпринимает попытки начать беседу с джентльменом (A), писателем средних лет, который не расположен к общению по причине чрезвычайной занятости: он должен закончить написание книги в сжатые сроки. Налицо ряд причин, которые могут создать напряженность в общении: во-первых, разница в происхождении и уровне образования, во-вторых, у партнеров противоположные планы в отношении конкретного момента времени (девушка рассчитывает на приятное времяпрепровождение, неторопливую беседу с интересным мужчиной, у ее партнера напряженный рабочий график, он продумывает перспективы своего труда). В-третьих, важным замечанием для понимания происходящего в пьесе будет следующее: в описываемый исторический период считалось едва ли допустимым со стороны женщины, особенно юной, проявлять инициативу, вовлекая мужчину в диалог. Следовательно, использование приема, нетипичного для культуры речевого общения, также является одним из факторов конфликтогенности данной коммуникации. В то же время нельзя не отметить присутствие манипулятивной стратегии со стороны инициатора диалога: культурная традиция общения предполагает обязательность ответа на вопрос, что особенно важно при общении представителей противоположного пола.

Рассмотрим схему взаимодействия коммуникативных партнеров.

Схема 1

Стратегическое взаимодействие	THE YOUNG LADY (Z)	THE MAN (A)
Стратегия с точки зрения самого говорящего	кооперативная (желание завязать беседу)	некооперативная (нежелание вступать в беседу)
Стратегия говорящего, воспринимаемая партнером	конфронтационная (ввиду нежелания оппонента вступать в коммуникацию)	конфронтационная (противостояние коммуникативной цели оппонента)
Социальный статус ¹	inferior - нижестоящий, что обусловлено половой принадлежностью , учитывая время действия (1933) – молодая девушка родилась в деревне	superior – вышестоящий – писатель среднего возраста

Проанализируем диалогическое взаимодействие: исходя исключительно из кооперативной коммуникативной установки и будучи настроена на приятное времяпрепровождение на борту корабля, Z является инициатором общения. При этом она применяет такие речевые тактики, как *вежливость*, *привлечение внимания* и *проявление сочувствия*. Следует отметить, что используемые ею лингвистические средства оформления речи вполне оправданы и соответствуют всем

¹Одной из центральных установок современной лингвистики является тезис о том, что развитие коммуникации во многом обусловлено социальными ролями коммуникантов. Социальной ролью (социальной функцией) принято считать модель поведения, которую задает социальная позиция личности в системе общественных или межличностных взаимоотношений. Во взаимодействии с другими людьми личность выступает в той или иной роли, является носителем определенных социальных функций и общественных норм. Приобщаясь к различным социальным группам, личность усваивает ожидания относительно ее ролевого поведения, изучает способы выполнения, соответствующие какой-либо роли, и, в конечном итоге, воспринимается как совокупность ее социальных ролей. Социальная роль, как ожидаемое типичное поведение человека, связана с ее социальным статусом. В узком смысле социальная роль рассматривается нами как конкретная ситуативная реализация коммуникативного поведения личности, зависящая от ее (личности) социального статуса.

принципам кооперации – выбираемые темы нейтральны (вопросы относительно географических мест, книг, которые стоит прочесть и т. д.). Однако Z не принимает во внимание прагматическую сторону данной коммуникативной ситуации, а именно, тот факт, что оппонент не разделяет ее коммуникативной цели по причине занятости своими профессиональными обязанностями. Ее настойчивые попытки поддержать беседу вынуждают его прибегать к таким приемам, как *намек*, *ирония*, *отказ и уход от коммуникации*. В результате нежелание со стороны Z интерпретировать имплицитность оппонента превращает его некооперативное поведение в конфронтационное, он вынужден наращивать эксплицитность и прямоту своих пропозиций-высказываний, переходя к тактикам *оскорбления* и *уничтожения*. Таким образом, данный пример наглядно демонстрирует, что конфликт не возникает внезапно, а развивается из конфликтной ситуации, становясь ее апогеем. Обратимся к тексту диалога, реализующему схему выше (см. схему 2).

Схема 2

Стратегическое взаимодействие	THE YOUNG LADY (Z)	THE MAN (A)
1 Конфликтная ситуация: Кооперация vs. конфронтация	Атака вопросами для привлечения внимания (в том числе использование вежливых, корректных / нейтральных контактоустанавливающих разделительных вопросов:	Краткий отрицательный ответ как признак имплицитной незаинтересованности в общении, игнорирования собеседника:
1.1	Z. There is no place like Margate in the season, is there? A. I don't know: I have never been there.	
1.2	Z. I always thought the Red Sea would be red. A. Well, it isn't.	
2 Конфронтация vs. конфронтация	Атака вопросами как провокация дальнейшего диалога:	Имплицитность, косвенное указание на несовпадение жизненных планов / взглядов с партнером с использованием ситуативных антонимов:
2.1	Z. Why do you work all the time? It's not what one comes on a pleasure cruise for, is it? A. Work is my only pleasure.	

Стратегическое взаимодействие	THE YOUNG LADY (Z)	THE MAN (A)
2.2	<p>A. Deck tennis, deck quoits, shuffleboard, golf, squash rackets, the swimming pool, the gymnasium all invite you.</p> <p>Z. I am no good at games: besides, they're silly. I'd rather sit and talk.</p>	
3 Конфронтация vs. конфронтация	Смена темы 1, проявление сочувствия:	Намек в форме прямого повтора негативных реплик:
3.1	<p>Z. [<i>sympathetically</i>] Yes: it is awful to have to talk to people, isn't it? Oh, that reminds me: I have something really interesting to tell you. I believe the man in the cabin next mine beats his wife.</p> <p>A. I feel a little like him myself. Some women would provoke any men to beat them.</p> <p>Z. I will say this for him, that she always begins it.</p>	
4 Конфронтация vs. конфронтация	Смена темы 2, игнорирование позиции партнера, принуждение:	Повышение голоса, захват инициативы, возмущение:
4.1	<p>Z. What books would you recommend me to read to improve my mind?</p> <p>A. [<i>shouting furiously</i>] Steward.</p> <p>Z. Oh, you shouldn't trouble the steward now. He's busy getting the soup.</p> <p>A. I want him to remove my chair to the very furthest extremity of this ship.</p> <p>Z. I always say it's fresher under the awning at the end. You don't mind if I move too, do you?</p>	
5 Конфронтация vs. конфронтация	Атака вопросами, смена темы, игнорирование позиции партнера:	Ответ вопросом на вопрос как конфронтационная тактика нарастающего возмущения:
5.1	<p>Z. I wonder why they call it the Red Sea.</p> <p>A. Because their fathers did. Why do you call America America?</p>	
6 Конфронтация vs. конфронтация	Атака вопросами, игнорирование позиции партнера:	Эксплицитность в отношении собственных планов и действий, установка на буквальное понимание содержания высказывания:
6.1	<p>Z. Well, because it is America. What else would you call it?</p> <p>A. Oh, call it what you like, dear lady; but I have five hundred words to write before lunch; and I cannot do that if I talk to you.</p>	

Стратегическое взаимодействие	THE YOUNG LADY (Z)	THE MAN (A)
6.2	Z. I am no good at games: besides, theyre silly. I'd rather sit and talk. A. Then for heaven's sake talk to somebody else. I have no time for talk. I have to work my passage.	
7 Конфронтация vs. конфронтация	Атака вопросами, игнорирование позиции партнера:	Использование императивных предложений:
7.1	Z. But I should like you to get me right. After all, what do you know about me? I will tell you the whole of my life if you like. A. Great heavens, NO. Please dont.	
8 Конфронтация vs. конфронтация	Атака вопросами: девушка не реагирует желаемым для А образом, т. е. не обижается в силу своей социальной роли, что не оправдывает коммуникативных ожиданий А	Применение высказываний, оскорбляющих личное достоинство собеседника:
8.1	Z. You may think because I am well dressed and travelling de lucks and all that, that I am an educated lady. But I'm not. A. I never supposed for a moment that you were.	
8.2	Z. My father used to say that men and women are always driving oneanother mad. A. That sounds literary. Was your father a man of letters? Z. Yes: I should think he was. A postman. A. A what? Z. A postman. A village postman. A. Ha ha! Ha ha ha! Z. What is there funny in that?	

Итак, перед нами пример использования участником А конфронтационной стратегии ухода от коммуникации путем варьирования конфронтационных коммуникативных тактик (по причине их неэффективности) по нарастающему от **косвенных речевых приемов** (использование кратких отрицательных ответов, нацеленных на прекращение коммуникации, имплицитность) к **прямым** (ответ вопросом на вопрос, эксплицитность, применение императивных конструкций и, наконец, использование высказываний, оскорбляющих личное достоинство собеседника). Иными словами, перерастание конфликтной ситуации в конфликт между двумя неравноправными

партнерами тактически связывается с отказом от косвенности со стороны более значительного лица в пользу эксплицитности, вплоть до перехода к прямым оскорблениям. Тем не менее укажем, что несмотря на явное расхождение коммуникативных стратегий, на этапе конфликтной ситуации была возможность предотвратить ее развитие в конфликт. Для этого от коммуникантов требовалось использовать стратегию с противоположным знаком, т. е. или: 1) А, исходя из постулата вежливости, меняет свою некооперативную стратегию на кооперативную, сознательно идет на удовлетворение коммуникативной цели Z и поддерживает беседу в ущерб своим личным интересам или 2) Z подавляет свою кооперативную стратегию и прекращает свои речевые шаги, направленные на начало беседы.

В проанализированном нами драматическом произведении в общей сложности можно выделить около 34 речевых эпизодов, маркирующих речевое непонимание, или речевой конфликт. **Наиболее характерными из них являются следующие комбинации несовместимости ряда речевых тактик:**

- 1) вопрос-приглашение *vs.* краткий отрицательный ответ;
- 2) вопрос-провокация *vs.* имплицитность;
- 3) смена темы + проявление сочувствия *vs.* намек;
- 4) вопрос-принуждение + игнорирование позиции партнера *vs.* повышение голоса, захват инициативы, возмущение;
- 5) вопрос + игнорирование позиции партнера *vs.* ответ вопросом на вопрос;
- 6) вопрос *vs.* эксплицитность;
- 7) вопрос-принуждение *vs.* использование императивных конструкций;
- 8) декларативное высказывание + намеренно неверное декодирование пропозиций партнера *vs.* оскорбление личного достоинства.

Проведенный нами анализ также позволил выделить, что наиболее редкими невербальными тактиками, применяемыми в ответ на настойчивую коммуникативную атаку со стороны Z, являются молчание и игнорирование. Полагаем, что это может быть обусловлено социальными функциями одного из партнеров, а также культурой коммуникации, где упомянутые приемы считаются недопустимыми и чаще всего усугубляют начавшийся конфликт.

Подведем итоги. В целом, проводимое исследование ориентировано на формирование представления о неэффективной (конфликтной)

коммуникации и выявление набора конфликтогенных признаков и параметров общения. Сегментация и контекстуальный анализ текстовых фрагментов ориентирован на создание моделей коммуникативного поведения, приводящего к неудаче / провалу в речевом взаимодействии.

Предварительные результаты анализа позволяют говорить о том, что такого рода неудаче способствуют:

- 1) упущенные возможности, которые в данном случае нужно понимать как тактическую ошибку со стороны одного из партнеров на этапе перехода конфликтной ситуации к конфликту;
- 2) использование конфронтационных стратегий со стороны обоих коммуникативных партнеров (обеих сторон);
- 3) эскалация конфликта путем продвижения конфронтационных тактик по линии «от менее к более агрессивной»;
- 4) постепенное привлечение к созданию лингвистического контекста коммуникации средств с большей степенью эксплицитности для обозначения противодействия партнеру;
- 5) на этапе реакции на коммуникативный стимул – несовместимость вербальных / невербальных приемов партнеров, т. е. неправильный выбор приема из арсенала лингвистических средств, обеспечивающих конкретную коммуникативную тактику в рамках избранной стратегической линии.

Усугубляющими факторами конфликта становятся такие прагматические характеристики коммуникативной ситуации, как:

- а) личностные (психологические) особенности и социальное неравенство партнеров, включая гендерные установки (отсутствие ориентации на кооперативность);
- б) жизненные планы и перспективы партнеров (несовпадение по релевантности);
- в) культурные традиции общества в определенный исторический период (например, отрицание или злоупотребление вежливостью со стороны партнеров).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гулакова И. И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2004. – 24 с.

2. *Кириллова Н. Н.* Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий. – Н.-Новгород, 2012. – С. 26–33. – (Вестн. Новосиб. гос. техн. у-та им. Р. Е. Алексеева; вып. № 1 / 2012. Сер. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии).
3. Культура полемической речи (по материалам сайта Московского государственного областного педагогического института) [Электронный ресурс]. – URL : http://www.goldentime.ru/wfb_05.htm
4. *Полканова А. А.* Конфликт в драматическом произведении: личностный и социальный аспекты // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 139–147. – (Вестн. Моск. гос. у-та; вып. 6 (639). Сер. Языкознание).
5. *Попова Е. А.* Пресуппозиционный анализ семантически неполных высказываний в англоязычном дискурсе // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистическая парадигма и ее отражение в лингводидактике. – М. : ИПК МГЛУ Рема, 2010. – С. 56–73. (Вестн. Моск. гос. лингвист. у-та; вып. 27 (606). Сер. Языкознание).
6. *Протасова Е.* Мужчины и женщины как противоборствующие стороны // Конфликт в языке и коммуникации. – М. : Издательский центр РГГУ, 2011. – С. 83–93.
7. *Редько Н. А.* Формирование жанра трагедии в английской драматургии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник КГУ. – Красноярск : КрасГУ, 2004. – С. 194–196. – (Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки).
8. Современный философский словарь / под общей ред. д-ра филол. наук. проф. В. Е. Кемерова. – М.: Панпринт, 1998. – 1064 с.
9. *Третьякова В. С.* Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.
10. *Третьякова В. С.* Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : Барнаул, 2000. – С. 127–140.
11. *Хализев В. Е.* Драма как род литературы: Поэтика, генезис, функционирование. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 259 с.
12. *Хализев В. Е.* Драматическое произведение и некоторые проблемы его изучения // Анализ драматического произведения: межвузовский сборник / под ред проф. В. М. Марковича. – Л., 1988. – С. 6–27.

УДК 811.111

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук, доцент кафедры
грамматики и истории английского языка
факультета английского языка;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается один из синтаксических способов выражения оценки в англоязычных рекламных текстах, а именно – предложения с вводным *it*. Являясь универсальными единицами, эти структуры содержат одновременно и фактическую информацию, и ее оценку. Они используются в рекламных текстах для реализации воздействующей функции с целью влияния на получателя, формирования его мнения.

Ключевые слова: воздействующая функция рекламы; оценка в рекламе; интеллектуальная оценка; эмоциональная оценка; предложения с вводным *it*.

T. R. Vanko

Ph.D., Associate Professor, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

SYNTACTICAL ASPECT OF EVALUATION IN ADVERTISING

The article tackles the manipulative function of English advertising and focuses on sentences with the “introductory” *it* which are regarded as a combination of factual information and its evaluation. Expressing various types of evaluation such sentences serve to persuade the addressee to buy.

Key words: manipulative function of advertising; evaluation in advertisements; intellectual evaluation; emotional evaluation; sentences with the “introductory” *it*.

В настоящее время реклама является одним из наиболее динамично развивающихся видов массовой коммуникации, а значимость роли языка в управлении общественной жизнью обусловила повышенный интерес к исследованию рекламного текста. Ряд работ в отечественной и зарубежной лингвистике посвящен многоаспектному анализу текста рекламы, которая в современном коммуникативном пространстве занимает значительное место, оказывая большое влияние на все сферы жизни общества. Изучаются особенности организации, построения и содержания текстов рекламы [5; 8; 9], воздействующая

функция рекламы [3; 7; 2]. Интенсивное распространение рекламы привело к тому, что она стала неотъемлемой частью успеха любого делового предприятия.

Поскольку основная задача рекламы – убедить покупателя сделать выбор в пользу рекламируемого товара или услуги, она считается манипулятивной сферой использования языка [9, с. 23]. В условиях такого языкового манипулирования важная роль придается отбору средств, используемых адресантом для реализации поставленных задач. Рекламщик, по мнению А. Л. Ямпольской, создает некую манипулятивную картину действительности, которая моделирует авторскую точку зрения на рекламируемый объект и является не его объективным описанием, а вариантом его субъективной интерпретации [9, с. 25]. В этой связи важно изучить языковые средства, используемые в языке рекламных текстов для реализации их основной коммуникативной задачи. Большая часть работ по изучению рекламных текстов посвящена описанию его лексического аспекта [7; 6; 3; 2].

Синтаксическая организация рекламных текстов изучалась в меньшей степени и ее описание носит ограниченный характер. Так, исследование Т. А. Козиной, проведенное на материале русских и англоязычных рекламных текстов, сосредоточено на детальном изучении рекламного заголовка, который является важной составляющей рекламного текста, способствующей эффективной реализации всех функций рекламы [4]. Автор выделяет три типа формально-синтаксической организации заголовков: однокомпонентные (с субстантивной, инфинитивной или наречной структурой), двухкомпонентные (простые предложения) и заголовки, состоящие из сложноподчиненных предложений. Заголовки первого типа, являясь информативными, экспрессивно окрашенными и эмоциональными, привлекают внимание читателя. Заголовки второго типа, благодаря своей экспрессивности, эффективно воздействуют на аудиторию, призывая, советуя и предлагая купить рекламируемый товар. Заголовки третьего типа, выраженные сложноподчиненными предложениями, аргументируют необходимость покупки рекламируемого товара, усиливая воздействующую функцию рекламного текста.

Трудно не согласиться с утверждением исследователя, что текст рекламного объявления характеризуется целостностью, связностью, коммуникативной направленностью и обладает особой структурой:

он состоит из заголовка, основного рекламного сообщения и справочной информации. Сосредоточив внимание на описании рекламного заголовка, Т. А. Козина также анализирует основную часть рекламного объявления, указывая, что в ней заключена основная информация рекламного текста, она наиболее информативна о свойствах рекламируемого товара. Основное рекламное сообщение логично доказывает преимущества товара и выгоды от его приобретения, так как его цель – информировать покупателя-адресата и убедить его сделать покупку.

Для создания эффективного, связного и цельного рекламного текста используются различные текстообразующие средства. Наиболее частотными текстообразующими средствами служат конструкции экспрессивного и разговорного синтаксиса: повторы, тема-рематические цепочки с преобладанием сквозной ремы, параллельные и эллиптические конструкции. Анализ синтаксиса рекламного текста, проведенный Т. А. Козиной, показал, что такие синтаксические конструкции разговорного синтаксиса, как эллиптические, повторы, обращения и вопросно-ответное единство наиболее употребительны. Они позволяют сделать рекламное сообщение понятным, установить контакт с читателем, привлечь его внимание и убедить совершить покупку. Имитация бытовых диалогов сближает язык рекламы с повседневной речью потребителя, облегчая восприятие. Конструкции экспрессивного синтаксиса (парцеллированные, эллиптические) усиливают воздействующий эффект рекламы.

В своей работе Т. А. Козина подчеркивает эмоциональность и экспрессивность не только рекламных заголовка, но и всего рекламного текста. Она считает экспрессивность и эмоциональность неотъемлемой частью рекламы. Указывая на экспрессивность и эмоциональность рекламного текста, Т. А. Козина, однако, отмечает разницу между английским и русским рекламным текстом. Английское коммуникативное поведение характеризуется высоким уровнем самоконтроля, вежливости, некатегоричностью и эмоциональной сдержанностью. Для русских рекламных текстов характерна повышенная эмоциональность, оценочность и категоричность.

Об экспрессивности рекламного объявления говорит и А. Л. Ямпольская, в центре внимания которой находится психолингвистический аспект создания рекламного образа с помощью синонимии [9].

Изучая русские рекламные объявления, А. Л. Ямпольская утверждает, что рекламный текст, целью которого является воздействие, представляет собой не просто единство вербальных и невербальных элементов, а пласт имплицитной социально значимой информации, продукт взаимодействия сложных психических процессов. Реклама апеллирует к широкой гамме чувств, как положительных, так и отрицательных. Она пробуждает воображение, чувство юмора, вызывает интерес, а с другой стороны, раздражает своей напористостью, безвкусицей и неправдоподобием [9, с. 47]. Рекламный образ рекламируемого объекта создается на основе синонимичных процессов, апеллирующих к опыту, знаниям и эмоциям индивида.

Об оценочности рекламы говорит также М. В. Томская, исследующая немецкий социальный рекламный дискурс [7]. Ее изучение роли оценки в социальном дискурсе показало, что воздействие на адресата осуществляется как посредством рациональной аргументации, так и стимуляцией эмоций. Причем оценка, по мнению М. В. Томской, присутствует как в аргументации, так и в стимуляции эмоций, в результате чего создается текстовая оценка. Исследователь полагает, что оценка, будучи изначально лингвистической категорией, выражающей отношение субъекта к объекту, в рекламе обладает двойственной природой: когнитивной и прагматической. Как результат оценивания объектов оценка является когнитивной категорией, а как средство воздействия на адресата – прагматической. М. В. Томская определяет текстовую оценку как сложное когнитивное явление, выражающее социально обусловленное, положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности, которое возникает в результате ментальной деятельности и является прагматически ориентированным. Оценка в социальной рекламе воздействует на адресата, способствует изменению положения вещей сначала в его сознании, а потом посредством действий адресата в реальном мире. По мнению М. В. Томской, текстовая оценка в социальной рекламе выражается вербальными и невербальными средствами. К невербальным средствам относятся: изображения (архетипические образы и систему *body language*) и метаграфемика (шрифт, пунктуация и плоскостная организация текста). В социальной рекламе невербальные средства выражают общую оценку социальной ситуации, апеллируют к эмоциям. К вербальным средствам выражения оценки

в социальной рекламе исследователь относит лексические единицы (ключевые слова социального рекламного текста), обозначающие человека, его качества и действия, и сочетающиеся с ними квалифицирующие единицы – прилагательные, наречия и глаголы.

Более пристальное внимание синтаксическому аспекту рекламных текстов уделяет О. Ю. Найденов в своем исследовании российской торговой рекламы [6]. Сделанные им выводы о своеобразии синтаксиса рекламных текстов (преобладание простых нераспространенных предложений, минимальное количество перечислений, высокая частотность глаголов при отсутствии, однако, форм повелительного наклонения) представляют интерес, но ограничены рамками русского языка. О. Ю. Найденов также отмечает наличие эмоциональной лексики в рекламных текстах, что, по его мнению, усиливает их воздействие на адресата [там же, с. 168].

Как видно, до сих пор не уделялось должного внимания описанию синтаксических структур, используемых в англоязычных рекламных текстах для выражения оценки. К таким структурам, на наш взгляд, можно отнести предложения с так называемым вводным *it*, которые, благодаря своей своеобразной семантике и структуре, способны обозначать целую палитру оценочных значений. Задачей нашего анализа являлось изучение оценочных значений, передаваемых указанными предложениями, с целью демонстрации их роли в создании оценочности рекламного текста.

Коммуникативная цель рекламного текста заключается в оказании речевого воздействия на получателя для достижения посткоммуникативных эффектов, а именно – изменения модели мира адресата, его эмоционального состояния, формирования определенного мнения, выгодного автору рекламы. Главная роль в этом отводится эмотивной лексике, эстетическим оценкам и другим средствам, стимулирующим положительные эмоции. Для более доступного восприятия информации используются метафоры, сравнения и фотоснимки, повышающие суггестивное воздействие текста рекламы [8, с. 186]. Исследователи считают, что в формировании мнения адресата задействованы аргументирующие тактики или блоки, которые аргументируют оценки, навязываемые адресату [8]. К ним относятся синтаксические структуры, выражающие пояснение, причину, следствие, уступку, противопоставление. Они содержат фактическую информацию и ее оценку.

К синтаксическим единицам относятся, на наш взгляд, и предложения с вводным *it*. Они являются универсальными структурами, так как содержат и фактическую информацию, передаваемую инфинитивом или придаточным предложением (реже герундием), и одновременно ее оценку, выраженную в сказуемом (именном или глагольном).

Наш статистический анализ предложений с вводным *it* в англоязычных рекламных текстах продемонстрировал преимущественно интеллектуально оценочный характер этих предложений (20,4 % всего материала). Оценка, являясь продуктом когнитивных операций, выражает отношение к миру. Процесс оценивания объектов основан на нормах, стандартах, стереотипах, служащих прототипами оценочных категорий. В нашем материале интеллектуальная оценка рекламируемого продукта или услуги передавалась составными именными предикатами с предикативами типа *dangerous, difficult, easy, hard, helpful, fair / unfair, right, safe, satisfactory / unsatisfactory, wrong*.

Например, в следующем примере автор рекламы побуждает вступить в экологическое общество, приводя логический довод о сложности внесения изменений в свой образ жизни без посторонней поддержки.

It is just hard to make changes in your life without support [Eco-Activity].

Второй по частотности группой предложений (15%), используемых в проанализированных рекламных текстах, являются предложения общей оценки, которые эксплицитно обозначают оценку продукта с позиции *хорошо – плохо* при помощи предикативов *good, bad* и их степеней сравнения, а также их синонимами с различными коннотативными оттенками *all right, excellent, fine, great, nice, lovely, wonderful*. Очевидно, все они имеют позитивную коннотацию и, соответственно, служат для создания позитивного образа рекламируемого продукта или услуги. Например, приводимое ниже предложение рекламирует экологически чистые средства ухода за волосами.

It's beautiful to be good [WildAid products].

Этот рекламный слоган характеризуется большой емкостью, так как имеет двойную направленность. С одной стороны, потребитель имеет шанс быть одновременно и красивым, и пользоваться экологически безопасной продукцией, а с другой – продвигается идея о том, что именно бережное отношение к природе делает нас красивыми. Таким образом, соединяются понятия духовной и внешней красоты.

Практически равными по частотности в нашем материале являются предложения с вводным *it* эмоциональной оценки (12%), которые оценивают рекламируемый продукт или услугу через призму вызываемых ими эмоций. На синтаксическом уровне эмоциональная оценка выражена составными именными предикатами с предикативами *amazing, a great feeling, a joy, a pity, pleasant, a pleasure*.

It's a joy to ride this bike because it never fails to be the center of attention in any gathering of bikes [Renovo Hardwood Bicycles].

В данном предложении содержится не только прямое указание на эмоцию радости от езды на рекламируемой модели велосипеда, но и выгодное сравнение с другими типами велосипедов, что производит двойной эффект на получателя рекламы.

Помимо предложений с вводным *it* с оценочными значениями интеллектуальной, общей и эмоциональной оценки в обследованных рекламных текстах зафиксированы предложения, выражающие модальную оценку достоверности, необходимости и возможности [1, с. 150]. Здесь наибольшей частотностью обладают модальные предложения достоверности (12%), что делает их равными по частотности эмоционально-оценочным предложениям с вводным *it*. Значение достоверности передается такими предикативами, как *clear, evident, likely, obvious, true*. Роль таких предложений в осуществлении побуждающей функции рекламы велика, так как они позволяют представить информацию рекламного объявления как достоверную, не подлежащую сомнению. В следующей рекламе стиральной машины подчеркивается правдивость сравнения старых стиральных машин в прачечных и новых небольших стиральных машин в пользу последних.

It's true that the age-old custom of spending a night at the Laundromat still holds, but this small washing machine is just nice to have around [Clatronic Washing Machine].

Модальные предложения необходимости используются в нашем материале несколько реже (10%) и содержат предикативы *essential, necessary, urgent*, говорящих о необходимости рекламируемого товара или услуги. В следующем рекламном объявлении компании по координации бизнес-контактов подчеркивается важность диалога между бизнесменами.

To clearly understand the agreements and to keep well the partnerships, it's necessary that the businessmen dialogue, in formal and legal acts too, using the same language [Aserdue; business coordinating company].

Модальные предложения возможности (6%) высказывают возможность или вероятность совершения какого-либо действия, связанного с рекламируемой продукцией, при помощи предикативов *possible, impossible*, как, например, в следующем рекламном объявлении утверждается возможность делать больше снимков новым фотоаппаратом, что приведет к экономии в интересах покупателя.

It is perfectly possible to get over 200 shots on a standard pair of high power disposable AA cells, and you can extend the battery life slightly by use of the Economy mode [Panasonic Lumix LZ2].

Большую группу в нашем материале составили предложения с вводным *it*, непосредственно не выражающие никаких оценочных значений. В них используются глагольные предикаты речевой и мыслительной деятельности *it is said, it is known*. Несмотря на отсутствие эксплицитной оценочности и экспрессивности, такие структуры способны представлять сведения о рекламируемом продукте как общеизвестные и общепризнанные, что придает рекламе большую убедительность. Это иллюстрирует следующая реклама апельсинового сока.

It is well-known that oranges are fruit with a high content of vitamins, especially C, B1 and P. That is why drinking orange juice prevents one from vitamin insufficiency [True juice].

Итак, проведенный анализ показал, что предложения с вводным *it*, являясь вербальной реализацией оценки рекламируемого продукта или услуги, используются в рекламных текстах для осуществления воздействующей функции. Среди оценок, актуализированных в рекламных текстах, наиболее широко представлена интеллектуальная, рационалистическая оценка, что обусловлено условиями рекламной деятельности, а также эмоциональная оценка, способствующая изменению эмоционального состояния получателя, формированию мнения и, в конечном счете, регуляции социальной деятельности. Убеждающее воздействие рекламы связано с формированием мнения читателя относительно рекламируемого продукта или услуги посредством его комментирования, анализа. Значительная роль в этом процессе отводится оценке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ванько Т. Р.* К вопросу об экспрессивности научного дискурса // Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 144–153. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (711). Сер. Языкознание).
2. *Детинкина В. В.* Рекламный дискурс как способ создания социального мифа : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 193 с.
3. *Каримова О. И.* Гендерный и лингвокультурный аспекты социальной рекламной коммуникации: Экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2006. – 166 с.
4. *Козина Т. А.* Синтаксис рекламного объявления как средство реализации основной функции рекламы : дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2008. – 178 с.
5. *Назайкин А. Н.* Рекламный текст в современных СМИ : практическое пособие. – М. : Эксмо, 2007. – 352 с.
6. *Найденов О. Ю.* Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия печатных средств массовой коммуникации: на материале торговой рекламы в российских печатных изданиях : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 172 с.
7. *Томская М. В.* Оценочное в социальном рекламном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 200 с.
8. *Трубченинова А. А.* Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 207 с.
9. *Ямпольская А. Л.* Синонимия как средство создания рекламного образа : дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 176 с.

УДК 387:37.014.252+811.111

М. А. Салькова, О. А. Мачина

Салькова М. А., кандидат филологических наук; профессор МГЛУ;
заведующая каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Мачина О. А., доцент, кандидат филологических наук;
доцент каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ФГОС ВО 3+: СТРАТИФИКАЦИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ И ПРЕПОДАВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В статье представлены рассуждения, касающиеся направлений развития современного высшего образования в России. На материале опыта преподавания теоретической грамматики английского языка авторами обосновывается необходимость уточнения понятийного аппарата программных документов высшей школы, что в итоге должно способствовать продвижению вузов России в образовательных рейтингах.

Ключевые слова: теоретическая грамматика английского языка; ФГОС 3+; компетентностный подход; профессиональные компетенции; общепрофессиональные компетенции; образовательный рейтинг; языковое выражение гендерных отношений.

M. A. Salkova, O. A. Machina

Salkova M. A., Ph.D., Prof.,
Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU,
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Machina O. A., Ph.D., Associate Professor,
Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

COMMON CORE FEDERAL LEARNING STANDARD OF HIGHER EDUCATION 3+: COMPETENCE COHERENCE AND TEACHING THEORETICAL SUBJECTS

The article dwells on the development priorities in Russian higher education. The authors' experience in teaching theoretical grammar allows to conclude that the cornerstone notion of "competence" must be revised and specified to let Russian universities advance in educational rankings.

Key words: theoretical grammar of the English language; Common Core Federal Learning Standard of Higher Education 3+; a competence approach; a specific professional competence; a general professional competence; ranking; gender relations in language.

Статья является продолжением серии работ, имеющих выраженную лингводидактическую ориентацию, что связано с профессионально ориентированными интересами ее авторов, в течение многих лет реализующих образовательную программу по дисциплине «Теоретическая грамматика английского языка»¹. **Цель** статьи состоит, во-первых, в том, чтобы профилировать изменения, наметившиеся в последнее время в государственной образовательной политике, во-вторых, охарактеризовать ситуацию в области подготовки выпускников ФГПН МГЛУ, которую эти изменения порождают, и, в-третьих, предложить возможные примеры решения возникающих в связи с этим задач обучения.

Говоря о современных акцентах в образовательной политике государства, мы прежде всего хотели бы остановиться на двух моментах: введение федерального образовательного стандарта последнего поколения (так называемого ФГОС ВО 3+) и активно расширяющийся поток рейтинговых мероприятий, которые оказывают неизбежное влияние на подготовку кадров на национальном и межгосударственном уровнях.

Как известно, за последние два десятилетия образование в нашей стране претерпело ряд существенных изменений, связанных в первую очередь с переходом на многоуровневую систему обучения и стандартизацией образования. Вкратце история вопроса выглядит следующим образом².

Понятие образовательного стандарта в России появилось с введением в 1992 г. Закона РФ «Об образовании» (см. статью 7). Новая организация образования была введена в РФ в 1992 г., когда система высшего образования была дополнена разноуровневыми, дифференцированными по характеру и объему образовательно-профессиональными программами. Можно справедливо полагать, что эти изменения были продиктованы особенностями исторического мо-

¹ В Рабочей программе последнего поколения данная дисциплина имеет шифр **Б.1.В.ОД.6** Теоретическая грамматика (первый иностранный язык) (английский язык) [12].

² Более подробно см. [13].

мента: высшая школа должна была не только сохраниться в условиях меняющегося общественного строя, но и научиться гибко реагировать на запросы общества в период становления рыночной экономики. На сегодняшний день, начиная с 2000 г., были приняты три государственных образовательных стандарта: первый, согласно которому содержание образования стало регламентироваться по каждой специальности и каждому направлению подготовки по ступеням образования, второй (2005), основанный на так называемом системно-деятельностном подходе, связавшем результаты работы учебных учреждений с такими параметрами обученности студентов, как владение конкретными знаниями, умениями и навыками, востребованными в определенной сфере профессиональной деятельности¹, и третий, согласно которому статус образовательного стандарта изменился на федеральный. Основой для последнего стандарта стал компетентностный подход, согласно которому высшее образование должно вырабатывать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции.

Интенсивной стандартизации образования способствовала интеграция России в европейское (и международное) образовательное пространство: в 2003 г. на берлинской встрече министров образования европейских стран Россия присоединилась к Болонскому процессу, подписав Болонскую декларацию. Одним из ощутимых результатов в этом смысле стало существенное изменение структуры высшего образования. В 2009 г., согласно поправкам к Федеральному закону от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», ступени высшего профессионального образования заменялись его уровнями. Было введено два уровня высшего образования: бакалавриат, подготовка специалиста, магистратура² (подготовка

¹ Понятие «системно-деятельностный подход» означает, что в основе проектирования требований к выпускникам вузов должна лежать тесная связь с его последующей сферой труда. Системно-деятельностный подход – предтеча компетентностного подхода – задает логику проектирования квалификационных требований к выпускникам: а) проведение анализа соответствующей сферы профессиональной деятельности специалиста как системы (область, виды и задачи профессиональной деятельности); б) установление соответствующих квалификационных характеристик и профессионально-важных качеств; в) отбор обеспечивающего их формирование содержания образования [1, с. 25].

² Таким образом, бакалавриат, подготовка специалиста и магистратура формально стали самостоятельными видами высшего профессионального образования.

специалиста и магистратура стали одним уровнем образования, причем после получения диплома специалиста поступление на программу магистратуры стало рассматриваться как получение второго высшего образования), изменены сроки обучения (в частности, был определен двухгодичный срок обучения в магистратуре).

29 декабря 2012 г. был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу 1 сентября 2013 г. Система высшего профессионального образования объединилась с послевузовским профессиональным образованием (аспирантурой) и стала называться высшим образованием (по соответствующим уровням).

Практически одновременно с указанными выше процессами реорганизации высшего образования как в его формальном, так и в содержательном аспектах отечественные вузы получают доступ к новому инструменту оценки своей работы – рейтингу. В настоящее время комплексные показатели деятельности учебного заведения представлены данными таких популярных международных рейтингов, как Шанхайский и Турецкий URAP (the University Ranking by Academic Performance). Широко известны региональные рейтинги агентств THE (Times Higher Education) и QS, the CWTS Leiden Ranking (the Netherlands) и the Jeddah (Saudi Arabia). Внимания заслуживает и рейтинговый проект The Global US News, инициированный агентством the US News & World Report, – наиболее опытным американским разработчиком рейтингов в сфере образования. Следует также упомянуть рейтинги U-Multirank и Webometrics. Несмотря на то, что перечисленные выше рейтинги в качестве приоритетных рассматривают различные частные параметры, принципиальными объектами внимания экспертов становятся количество Нобелевских премий или премий Филдса, академическая репутация вуза, его репутация среди работодателей, публикационная активность профессорско-преподавательского состава и связанный с последним критерием индекс цитируемости, или индекс Хирша (H-Index)¹. Подчеркнем, что,

¹ H-индекс, или индекс Хирша, – наукометрический показатель, предложенный в 2005 г. аргентино-американским физиком Хорхе Хиршем из Калифорнийского университета в Сан-Диего. Первоначально предназначался для оценки научной продуктивности физиков. В настоящее время индекс Хирша является количественной характеристикой продуктивности ученого, группы

несмотря негативную, в целом, оценку международных рейтингов, связанную с тем, что они формируют крайне избирательную, ограниченную картину высшего образования в современном мире [6]¹, их значимость возросла настолько, что в настоящее время позиция высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг стала связываться с позицией вуза в различных рейтингах. Нельзя не отметить в этой связи, что анализ данных ряда крупных рейтинговых агентств показывает, что по целому ряду причин многие гуманитарные университеты (МГЛУ в их числе) не получают должного отражения в общих рейтингах. Именно поэтому все чаще звучат предложения по формированию так называемых попредметных рейтингов, озвучиваемые авторитетными специалистами – экспертами и наблюдателями за работой рейтинговых агентств. Со ссылкой на информационный электронный ресурс University World News [15] упомянем рейтинг специальности «Образование в сфере делового администрирования», организованный изданием Financial Times. Отказавшись от традиционных критериев, создатели рейтинга предлагают оценивать успешность образовательных программ на получение степени MBA, исходя из данных о профессиональной востребованности, обеспеченности занятостью, карьерном росте и успешности, заработной плате выпускников. Важным аргументом в пользу актуальности «узконаправленных» рейтингов является то, что не только университеты заинтересованы в попредметном оценивании их деятельности, но именно абитуриенты и студенты обычно становятся наиболее активными пользователями их результатов. По данным агентства QS, 78% студентов – участников опросов о целесообразности специализированных рейтингах – дали положительный ответ в их пользу, в том числе упоминалась востребованность рейтингов отдельных факультетов и рейтингов вузов в отдельных отраслях знаний².

ученых, научной организации или страны в целом, основанной на количестве публикаций и количестве цитирований этих публикаций [5], ср. также [6].

¹ Так, например, эксперт R. Holmes (Holmes, 2006) делает вывод, что рейтинги «необходимо дополнить и может быть даже заменить другими видами оценивания, и они ни в коем случае не могут быть основанием для принятия решений в рамках национальной или институциональной политики» (цит. по: [6]).

² В марте 2016 г. были обнародованы результаты британского рейтинга QS University Subject Rankings – 2016: благодаря интересу к успешности

Отметим, что при общей методологической непрозрачности и некоторой идеологической чужеродности рейтингового движения для отечественного образования (гуманитарного образования, в частности) прошлогодний рейтинг востребованности вузов РФ вызвал повышенный интерес у абитуриентов, поскольку его результаты отражали видение работодателей – стратегических партнеров 463 государственных, ведомственных, муниципальных и частных вузов из 80 субъектов Российской Федерации, осуществлявших подготовку кадров по основным и дополнительным программам высшего образования в 2014 г.¹

По данным РИА Новости, в Рейтинг востребованности вузов в РФ 2015, организованном «Социальным навигатором» МИА «Россия сегодня» при участии Центра исследования рынка труда вошли все вузы страны вне зависимости от формы собственности. «Оценка вузов проводилась по таким показателям, как “доля выпускников, получивших направление на трудоустройство после завершения профессиональной подготовки по очной форме обучения”, “доля доходов от НИР, образовательных услуг сторонним организациям в общих доходах образовательной организации”, “индекс цитирования трудов сотрудников организации”» [8].

Показательно, что первые места среди гуманитарных (педагогических и филологических) вузов заняли Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Московский городской психолого-педагогический университет и Московский государственный лингвистический университет.

Таким образом, для нас важно следующее. Участие МГЛУ в рейтингах должно быть в первую очередь направлено на то, чтобы подчеркнуть его несомненные «уникальные преимущества и заслуги в относительно ограниченных образовательных и научных сферах, а также собственную иерархию ценностей» (согласно формулировке в обзоре [6]). Именно в этом ключе следует трактовать цели и задачи

вузов в отдельных отраслях знания произошла серьезная переоценка роли целого ряда университетов в российском образовании. В частности, МГЛУ впервые стал номинантом рейтинга по направлению подготовки «Современные языки» [14] (<http://www.univer-rating.ru/news.asp?Int=7&id=502>).

¹ Среди участников проекта – 87 классических университетов, 140 инженерных вузов (технических университетов), 56 сельскохозяйственных вузов, 61 вуз из сферы управления, 72 гуманитарных вузов и 47 медицинских вузов.

деятельности преподавателей, реализующих конкретные образовательные программы в студенческой аудитории в рамках Федерального образовательного стандарта высшего образования. На наш взгляд, успешность этой работы во многом зависит от обеспечения в вузе прозрачности и однозначности требований к соответствующим конечным результатам обучения.

Такая постановка вопроса возвращает нас к системе компетенций выпускника вуза, преимущество которой как раз и состоит в том, что она позволяет «увязывать» требования образовательной программы, результаты ее освоения и содержание образования, обеспечивающего достижение этих требований [1]. Изучая компетентностный набор, заявленный в структурно-логической схеме компетенций ФГОС ВО 3+, мы приходим к выводу, что здесь сформировалась некоторая лакуна, источником которой становится отказ от понятия «высшее профессиональное образование» в пользу понятия «высшее образование». Речь идет о том, что перед вузами поставлена задача – сформировать у выпускников не только определенные общекультурные, общепрофессиональные, но и профессиональные компетенции. Возникает закономерный вопрос: что же должно быть отнесено к понятию «профессиональное», если конечная цель образования не ориентирует обучающегося на превращение в профессиональный трудовой кадр? Причем эта мысль далеко не нова: уже в середине 2000-х гг. потенциальные работодатели выпускников вузов отмечали тенденцию к превращению профессионального образования в общее (см., например, интервью Бизнес-журнала с С. Кусимовым, президентом технопарка «Башкортостан» [9]). Можно было бы сказать, что это всего лишь очередная дань общепринятым формулировкам в эпоху стандартизации. Однако мы полагаем, что было бы в высшей степени некорректно игнорировать осмысление данной части стандарта, особенно в свете внимания к позиции университета на современном рынке труда, которая отмечается в рейтинге, где последний оказывается своеобразной «витриной» вуза.

Итак, современная структурно-логическая схема реализации образовательных программ предполагает формирование системы компетенций, формулировка которых носит в определенной степени широкий, рамочный, характер. Мы бы хотели обратиться к той группе компетенций, которые названы профессиональными (далее – ПК) в части освоения учебной дисциплины «Теоретическая грамматика

английского языка» и использования полученных знаний при создании курсовых и бакалаврских работ, и которые должны логически развивать соответствующие общепрофессиональные компетенции (далее – ОПК):

- ОПК-1. Способен использовать понятийный аппарат философии, теоретической лингвистики, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач.
- ОПК-2. Способен видеть междисциплинарные связи изучаемых дисциплин и понимает их значение для будущей профессиональной деятельности.
- ОПК-3. Владеет системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей.
- ОПК-14. Владеет основами современной информационной и библиографической культуры.
- ОПК-15. Способен выдвинуть гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту.
- ОПК-16. Владеет стандартными методиками поиска, анализа и обработки материала исследования.
- ОПК-17. Способен оценить качество исследования в данной предметной области, соотнести новую информацию с уже имеющейся, логично и последовательно представить результаты собственного исследования.

Формирование как общепрофессиональных, так и профессиональных компетенций предполагает следующие итоговые результаты: по окончании данного курса студент должен *знать*:

- базовые теоретические положения основных философских течений и концепций (идеализма и материализма, диалектики, синкретизма и т. д.); основные философские (логические) категории и понятия в их соотношении с языковыми явлениями;
- содержательную информацию и понятийные ряды ранее изученных базовых и специальных теоретических дисциплин (включая понятия о номинации и референции, омонимии, синонимии и полисемии, нейтрализации оппозиций, регистрах речи и стилеобразующих характеристиках языковых единиц);

- соотношение понятий «содержание», «форма», «функция» и их грамматические репрезентации, свойства различных форм речевой деятельности и их функционально-дискурсивные особенности;
- основные лингводидактические теории и течения, в том числе касающиеся способов формирования грамматической компетенции.

Уметь:

- экстраполировать философские представления на организацию грамматического уровня языковой системы в целом / применительно к частному материалу, избранному для собственной исследовательской деятельности;
- охарактеризовать строевые особенности изучаемого языка / частного исследовательского материала с применением адекватных терминологических обозначений;
- продемонстрировать знания философии и теоретической лингвистики на примерах при обсуждении грамматических теорий (дискуссионных позиций различных теоретических построений) / описании практического лингвистического материала.

Владеть:

- базой знаний по философии, теоретической лингвистике, лингводидактике и теории межкультурной коммуникации в пределах прочитанных курсов;
- понятийным и терминологическим аппаратом философии, теоретической лингвистики, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации в пределах прочитанных курсов.

Данные направления формирования компетенции реализуются во время всего изучения дисциплины, но, с нашей точки зрения, разобщенность, дифференцируемость знаний, важная для ОПК, на старшем этапе обучения должна уступать место объединению, интеграции различных представлений, формируемых образовательными программами, а декларируемость умений – их реализации в учебно-исследовательской деятельности, причем в последнем случае более востребована инициатива обучающихся. Иными словами, студенты не просто должны пересказывать теоретическую часть текста из учебника или другого источника, но и осмысливать информацию под определенным ракурсом, искать, где и как она будет применяться в практической деятельности.

Нам представляется, что в основу необходимых уточнений и формулировок могут быть положены понятия, принятые у разработчиков компетентностного подхода к образованию [1]. В частности, согласно таксономии Б. Блума и его последователей, результаты образования и компетенции, формируемые при реализации каждого учебного модуля и дисциплины в целом, обнаруживают себя в следующих трех сферах: когнитивной (познавательной), аффективной (ценностно-эмоциональной), психомоторной¹. Рассуждая далее, Б. Блум предполагает, что организация когнитивной, или познавательной, сферы имеет шесть уровней иерархии: знание, понимание, применение, анализ, синтез, оценка. В свою очередь, вовлеченность в обучение эмоциональной сферы предполагает трансформацию личностных установок от базисного желания и готовности получать информацию до интеграции мотивов, ценностей, взглядов, идей, т. е. оформления того, что можно называть профессиональной идеологией.

Разработчики поясняют, что назначение уровней компетенций состоит в том, чтобы выделить на их основе этапы обучения при постепенном повышении сложности задач, решаемых студентами, а именно, движение от выполнения задач, запланированных и подготовленных преподавателем, к задачам, которые студенты ставят перед собой и пытаются решить самостоятельно. Таким образом, можно сказать, что ОПК ответственны за такие участки когнитивной и эмоциональной сфер, как желание и готовность получать информацию по ряду дисциплин, обязательных для профессиональной деятельности в избранной профессиональной области (преподавании иностранных языков и культур), приобретение базового знания, понимание основной учебной проблематики и применение «образовательных заготовок». ПК, в свою очередь, оформляются тогда, когда на фоне активной педагогической позиции (в нашем случае) возникает потребность в проявлении инициативы, заключающейся в стремлении критически анализировать изучаемый материал, оценивать его с точки зрения состоятельности и востребованности, полноты охвата проблемы, его

¹Здесь мы не рассматриваем вовлеченность в процесс и результат обучения психомоторной сферы, т. е. физических навыков, подразумевающих координацию мыслительной и мышечной деятельности: согласно видению автора, подобного рода успешность особенно востребована в таких областях, как естественные науки, медико-санитарные направления подготовки, искусство, театр, инженерные науки, физическое воспитание.

понятности, доступности реальной и потенциальной учебной аудитории, осуществлять попытки синтеза накопленных сведений и проводить оценку как чужих, так и собственных попыток работать с избранной проблематикой. Таким образом, ПК – это достижение внутренней мотивации к работе с профессиональной проблемной задачей.

В данном контексте особая роль принадлежит популярной сегодня проектной деятельности обучающихся. Ее преимущество, на наш взгляд, заключается в том, что данный вид работы оформляет переход от младшего, ведомого, этапа обучения, к старшему, где ведущая роль в завершении образования в идеале принадлежит самому студенту. В реальности, как показывает опыт авторов, подобная учебно-исследовательская деятельность интенсивно развивает у студентов способность к самостоятельному получению информации и ее оценке как с теоретической (в плане соответствия изученным положениям), так и с практической точки зрения (в плане востребованности результата при использовании иностранного языка). Такая проектная деятельность, безусловно, в большей мере востребована у самостоятельных и инициативных студентов, но в то же время позволяет привлекать к решению проблемных задач профессионального характера большую часть студенческой аудитории при предоставлении возможности работать в парах и небольших группах.

Проиллюстрируем данное положение конкретным примером из нашей педагогической практики¹. Речь пойдет об изучении языковых средств представления гендерных отношений в английском языке.

Традиционно данный вопрос рассматривается теоретической грамматикой в связи с морфологической категорией рода имени существительного: дискуссия сводится к доказательству полного отсутствия таковой (А. И. Смирницкий, Л. С. Бархударов) или же определению рода существительного на основании прономинальной замены (М. Я. Блох, Е. М. Гордон, И. П. Крылова) [2; 3; 4; 11]. В то же время нельзя не признать, что субституция имени существительного местоимением не дает достаточных оснований для признания факта

¹ Для данной статьи мы старались подобрать пример, который хронологически является наиболее близким ко времени ее подготовки. В действительности, подобных инициатив со стороны студентов бывает достаточно много, чтобы считать обсуждаемый учебный формат востребованным и эффективным для профессионализации обучения.

существования у имени существительного морфологической категории рода, поскольку подобная устойчивая замена возможна только с учетом семантического свойства одушевленности и далее более детализированной семантической градации существительных. Контекстуальная гендерно-специфицированная прономинальная замена существительных неопределенного (в отечественной традиции – среднего) рода (например, обозначающих какие-либо понятия, связанные с местом или временем, названий неодушевленных предметов или же живых существ с трудноопределимым в обычных условиях полом, например насекомых) часто носит исторический или окказиональный характер и не всегда является стабильной, и, следовательно, грамматически значимой, например:

The lowest trees have tops, the ant her gall.

The fly her spleen, the little spark his heat... (Originally composed by John Dowland in 16th c., performed by Sting and Police)

Обсуждение языкового выражения родовых и гендерных характеристик существительных на лекциях и более детального анализа примеров на семинарских занятиях позволяет сформировать у студентов не только теоретические знания о конкретной грамматической категории, но и понимание наличия взаимосвязи между понятийной категорией и языковыми средствами ее реализации, а также взаимосвязей между единицами одного и разных языковых уровней¹.

Однако обсуждение данного вопроса сегодня не может проводиться только в морфологическом ракурсе, поскольку в современных европейских культурах, в том числе англоязычной, в последнее время произошли серьезные изменения, которые не могли не отразиться на коммуникативном поведении носителей языка и стандартах использования языковых единиц. Так, например, четко разделились понятия «род» и «гендер»: если за первым осталось чисто грамматическое, в английском языке тесно связанное с биологическим родом, значение, то второе используется, скорее, в культурном смысле и часто является определяющим. С другой стороны, требования к «(политической) кор-

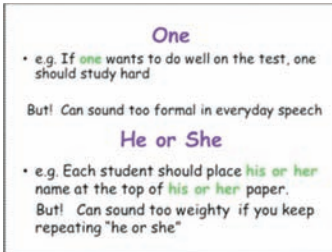
¹ Более детально принятый нами за основу функциональный подход к лекционно-семинарскому материалу рассматривается в нашей предыдущей статье [10] на примере взаимоотношений функционально-грамматической и морфологической категорий аспекта английского глагола.

ректности» высказывания стали очень жесткими и подчас приводят, на первый взгляд, к неожиданным грамматическим последствиям.

Данные профессионально ориентированные сведения должны, безусловно, являться частью формируемой у студентов грамматической составляющей общепрофессиональной коммуникативной компетенции, однако в данном объеме детализации они не входят в программу курса теоретической грамматики. В целом, на сегодняшний день акцентирование внимания на этой информации зависит исключительно от решения преподавателя, возможностей конкретной учебной аудитории, временного фактора и т. д. и может остаться вне поля зрения студентов.

Безусловно показательным в рамках проблематики нашей статьи является то, что обсуждение вопросов, связанных с дефицитом гендерной определенности у английского существительного, стимулировало некоторых студентов к проведению собственного исследования (case-study). Его результаты были представлены в виде письменного доклада «Gender in Modern English» и – для большей наглядности – презентации с использованием программы Microsoft PowerPoint. Поскольку рамки статьи не позволяют привести весь доклад, ограничимся отдельными слайдами, подготовленными в 2015/2016 учебном году студентками III курса ФГПН (ФАЯ) И. Весник и Л. Исаковой.

Слайд 1

One

- e.g. If **one** wants to do well on the test, one should study hard

But! Can sound too formal in everyday speech

He or She

- e.g. Each student should place **his or her** name at the top of **his or her** paper.

But! Can sound too weighty if you keep repeating "he or she"

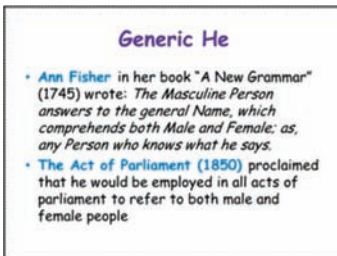
Слайд 2

Singular they is not new

- "I don't mean anything—but God sends everyone **their** heart's desire." (Margaret in Shakespeare, "Much Ado About Nothing")
- "A person can't help **their** birth."—Rosalind in W. M. Thackeray, "Vanity Fair" (1848)

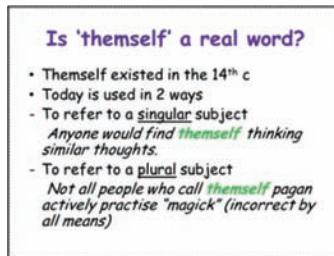
Слайд 3

Generic He

- Ann Fisher in her book "A New Grammar" (1745) wrote: *The Masculine Person answers to the general Name, which comprehends both Male and Female; as, any Person who knows what he says.*
- The Act of Parliament (1850) proclaimed that he would be employed in all acts of parliament to refer to both male and female people

Слайд 4

Is 'themselves' a real word?

- Themselves existed in the 14th c
- Today is used in 2 ways
 - To refer to a **singular** subject
*Anyone would find **themselves** thinking similar thoughts.*
 - To refer to a **plural** subject
*Not all people who call **themselves** pagan actively practise "magick" (incorrect by all means)*

Как видим, анализ отдельной языковой категории позволяет не только сформировать новое знание чисто профессионального плана, но и связать его с уже имеющимися представлениями общего (философского, культурного) и частного (лингвистического) характера, т. е. предполагает интеграцию знаний и расширение общего кругозора на основе частных профессиональных сведений. Так, в ходе исследования студентки отмечали стилистические и коммуникативные особенности использования местоимений в обобщающем смысле (слайд 1), работали с различными источниками сведений и примеров (слайды 2,3), систематизировали информацию о тенденциях языкового развития и современного функционирования грамматических единиц (слайды 2 и 4)¹. Таким образом, обнаружение информационной лакуны мотивировало студентов к постановке и решению частной проблемной задачи путем самостоятельного изучения и сопоставления информации из различных источников, а также соотнесения полученных сведений с информацией, изложенной в учебных пособиях. Способность производить подобную «синхронизацию данных» и делать вывод о валидности / актуальности / гетерогенности знания и его источника на основании собственного исследования и изученного теоретического материала является, на наш взгляд, проявлением формирующейся профессиональной компетенции будущего выпускника.

Перейдем к выводам, вытекающим из рассмотренного материала.

В первую очередь представляется, что идеология компетентностного подхода, формирующая фундамент современного образования и нашедшая свое отражение в образовательных стандартах последнего поколения (ФГОС ВО 3+ 2014 г.), нуждается в более нюансированной интерпретации, требующей глубокого осознания всех тонкостей современного образовательного процесса, умения дифференцировать общие и частные задачи обучения, а также умения найти место для подготовки всех видов компетенций в аудиторной деятельности.

Именно этим объясняется аналитическая и поисково-исследовательская направленность статьи, связанная со стремлением скоординировать изменяющиеся условия подготовки российских кадров силами вузов и уникальные стратегии обучения, выработанные профессорско-преподавательским составом ФГПН (ФАЯ) МГЛУ за длительный период работы в области обучения иностранным языкам русскоговорящих

¹Необходимые ссылки оформлены в виде списка литературы к сообщению.

студентов. Основной акцент в этом смысле традиционно делался на подготовке преподавателей для высшего образовательного звена. С учетом 85-летнего стажа работы вуза в данном направлении становится очевидным, что накопленный опыт является необходимым и достаточным условием для сохранения основных стратегических установок на формирование высокомотивированных качественно обученных специалистов, владеющих на продвинутом уровне системой общекультурных, общепрофессиональных и особенно важно – профессиональных компетенций, обеспечивающих готовность выпускника осуществлять самостоятельную трудовую деятельность. При этом нельзя отрицать и того, что тактические шаги, частные технологии нуждаются в адаптации к новым общественно детерминированным условиям, в которых вуз реализует свою образовательную политику.

В частности, рассматривая рейтинг как в качестве рабочего инструмента, так и в качестве комплексного, доступного стороннему наблюдателю показателя оценки деятельности высшего учебного заведения, необходимо воспользоваться возможностью в ходе оценочных мероприятий рельефно выделить преимущества МГЛУ при сопоставлении с другими лингвистическими вузами. Применительно к направлению подготовки «Современные языки» и более узко – к вопросу преподавания базовых для педагогического образования дисциплин эти преимущества заключаются в первую очередь в том, что для своих студентов мы создаем уникальное интегрированное образовательное пространство – интеллектуальную площадку для формирования частных профессиональных компетенций, примером чему может служить самостоятельная проектная деятельность студентов в ходе изучения теоретической грамматики английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова Р. Н., Золотарева Н. М.* Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. – 52 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/20120325222633.pdf>
2. *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. – М. : Либроком, 2009. – 160 с.

3. Блох М. А. Теоретическая грамматика английского языка : учебник. – М. : Высшая школа, 1983. – 383 с.
4. Гордон Е. М., Крылова И. П. A Grammar of present-day English. – М. : Высшая школа, 1986. – 430 с.
5. Индекс Хирша (h-index) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.physchem.chimfak.rsu.ru/General/h-index.html
6. Кинчарова А. Мировые рейтинги университетов: методология, эффекты и критика. Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Томск, 2013. – 49 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://past-centre.ru/wp-content/uploads/2013/04/Metodologiya_mirovyh_reitingov_universitetov.pdf
7. Расчет рейтинга вуза, специальностей и направлений подготовки. Внутренний рейтинг СПбГПУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dmq.spbstu.ru/index.php?gid=232&Itemid=83&option=com_docman&task=doc_download
8. Рейтинг востребованности вузов в РФ. – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ria.ru/abitura_rus/20151215/1341953336.html#ixzz40iNs78VH
9. Речистер В., Хакимуллин А. Инновации: очевидное – невероятное // Бизнес-журнал 2006/03: Республика Башкортостан. Объединенная межрегиональная редакция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://books.google.ru/books?id=-9j4CQAAQBAJ&pg=PA108&lpg=PA108&dq=%5B%D0%91%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB+2006/03:+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0+%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD.+%D0%9E%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%5D&source=bl&ots=LwlfifzjUO&sig=418unIKESBLGvU8GYJUhnUiyIME&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwhtb-H7KvMAhUFCZoKHW8cBBAQ6AEIGzAA#v=onepage&q&f=false>
10. Салькова М. А., Мачина О. А. Совершенствуем курс теоретической грамматики для бакалавров лингвистики: новые научно-педагогические ориентиры (на англ. яз.) МГЛУ // Лингвистика и лингводидактика: когнитивно-коммуникативные аспекты грамматических исследований. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 43–59. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 28 (739). Сер. Языкознание.)
11. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М. : Изд-во лит-ры на ин. яз., 1959. – 440 с.

12. *Сорокина Т. С., Салькова М. А., Мачина О. А.* Рабочая программа дисциплины Б.1.В.ОД.6 Теоретическая грамматика (первый иностранный язык) (английский). Направление подготовки 45.03.02 «Лингвистика». Направленность (профиль) образовательной программы «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». Форма обучения – очная / очно-заочная. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015. – 40 с.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт. История разработки образовательных стандартов в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B5%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8
14. QS University Subject Rankings – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.univer-rating.ru/news.asp?Int=7&id=502>]
15. *Siwinski Waldemar.* The era of rankings by subject is coming // University World News [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20150803133240109>

УДК 811.111'42

К. С. Кемова

преподаватель кафедры грамматики и истории
английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: mindyourgrammar@mail.ru.

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ

В статье обсуждаются результаты сопоставительного анализа предикативных конструкций с неличными формами в английской художественной литературе XIX в. и в современной литературе. Возросшая частотность предикативных конструкций в литературе конца XX – начала XXI вв. позволяет предположить, что в современном языке эти структуры являются востребованным способом выражения информации в сжатом виде.

Ключевые слова: английский язык; грамматика; предикативные конструкции; неличные формы; инфинитив; герундий; причастие; абсолютные конструкции; информационная компрессия.

K. S. Kemova

Lecturer, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: mindyourgrammar@mail.ru

PREDICATIVE CONSTRUCTIONS WITH NON-FINITE FORMS: DYNAMICS OF USE

The article discusses the results of comparative analysis of predicative constructions with non-finite forms in the English literature of the 19th century and modern literature. The increased frequency of predicative constructions in the literature of the end of the 20th-the beginning of the 21st century leads us to suppose that in modern language these structures constitute a popular means of condensing information.

Key words: the English language; grammar; predicative constructions; non-finite forms; infinitive; gerund; participle; absolute constructions; informational compression.

Анализируя особенности предикативных конструкций с неличными формами, некоторые исследователи отмечают их способность выражать информацию в конденсированном виде [1; 2]. Уплотнение информационного содержания происходит в рамках простого предложения, расширенного за счет средств вторичной предикативности. Вторично-предикативные структуры позволяют экономно описать

дополнительную предикативную ситуацию при помощи неличных форм с опорой на форму и семантику глагола в личной форме.

Явление информационной компрессии представляется типичной особенностью современного языка. Ускорение темпа жизни, необходимость выразить и воспринять максимум информации за минимальную единицу времени делают актуальным использование экономных языковых средств. В. Коваленко отмечает типичную для современного английского языка «тенденцию передавать объективную действительность не в виде ряда действий, а в виде одного основного действия, вошедшего в себя все другие потенциальные действия как его (основного действия) элементы или сопутствующие обстоятельства» (цит. по: [4]). В основном до сих пор анализ предикативных конструкций как способа сжато передать большой объем информации проводился на основе газетного дискурса, в силу того, что именно этот тип дискурса диктует особые требования к экономности языковых средств. Исследователи сходятся в том, что, в частности, абсолютная конструкция является «одним из структурирующих элементов публицистических текстов» [4].

Наше исследование ставит целью выяснить, насколько широко современный язык использует компрессивный потенциал предикативных конструкций. Для этого мы сравнили функционирование конструкций в классической литературе XIX в. и современной литературе XX–XXI вв., проанализировав 1500 образцов (на основе 984 страниц печатного текста).

Анализ дистрибуции предикативных конструкций в исследуемом материале показал, что частотность каждой из существующих предикативных конструкций выше в современном языке. Наиболее впечатляющими оказались результаты в отношении конструкций со сложным объектным дополнением и абсолютных конструкций.

Предикативная конструкция *Complex Object* (650 и 280 примеров в современной и классической литературе соответственно) наиболее частотна в современном языке с глаголами чувственного восприятия и каузативными глаголами. В случае с глаголами восприятия мы зафиксировали конструкцию *find somebody do (something)*, не встречающуюся в литературе XIX в:

You'll find *staff all wear their ID badges religiously*, the MPS expect you to know who they are and can get quite stroppy if you ask to check – even though it's them we're protecting [5].

Здесь глагол *find* выступает в качестве глагола восприятия, синонимичного глаголу *see* и повторяющего его синтаксическую модель.

Каузативные глаголы проявили меньшее синонимическое разнообразие в современной литературе, однако оказались интересными в полисемантическом отношении. В то время как в языке XIX в. распространена конструкция *have something done*, обозначающая действие, совершенное кем-то другим для или за кого-либо, современный язык реализует целый спектр значений глагола *to have* в сочетании со сложным дополнением. Предикативная конструкция с *have* функционирует с инфинитивом, причастием I и причастием II и передает значения *to ask somebody to do*, *to make somebody do*, *to let somebody do*, *to have something as part of one's personal experience*, *to have the result of an action*¹.

Возьмем на себя смелость предположить, что частотность каузативных значений может быть обусловлена и социальными факторами. Интенсификация общения, необходимость социального взаимодействия делает востребованным определенный лексический пласт языка. В свою очередь представители такой лексико-семантической группы обладают особыми парадигматическими характеристиками, которые актуализируют использование соответствующих предикативных конструкций в современном языке.

Наше исследование не выявило существенных различий в количественном отношении между герундиальными конструкциями в современной и классической литературе. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в современном языке более высокой частотностью обладает герундиальная конструкция, именованная элементом которой является местоимение в объектном падеже или существительное в общем падеже. Разговорный характер конструкции с местоимением в объектном падеже был описан давно [2], но именно в современном языке конструкция получает широкое распространение для обозначения ситуации, к которой говорящий выражает свое эмоциональное отношение. Приведем примеры таких герундиальных конструкций:

1. Kate took a deep breath and tamped down the frustration and guilt burning in her chest that she shouldn't even be feeling. "Do you think there will

¹ Подробнее эти значения описаны в предыдущих статьях автора в Вестнике МГЛУ.

ever be a day when we can have a conversation without *you swearing* at me for one reason or another? [7].

2. I am sick and tired...of *you never showing me any respect in my own house* [9].
3. Even though they fought, their fighting never turned them against each other. It always ended with *them embracing and kissing, smiling, laughing* [6].

В современном языке высокой частотностью обладает и герундиальная конструкция с существительным в общем падеже:

1. The sight of *Kate sitting* contentedly beside me made me smile and kneel to pet her again. “Has she been here with you?” I asked [6].
2. “Up!” she screeched. Harry heard her walking toward the kitchen and then the sound of *the frying pan being put* on the stove [10].
3. When he had been younger, Harry had dreamed and dreamed *of some unknown relation coming* to take him away, but it had never happened; the Dursleys were his only family [10].

Конструкции с местоимением или существительным в притяжательном падеже превалируют в классической литературе. А в современном языке очевидна предпочтительность объектного падежа местоимений и общего падежа существительных, что может свидетельствовать о тенденции к равномерному распределению смысловых акцентов между подлежащим и сказуемым конструкции (в отличие от герундиальной конструкции с притяжательным падежом, где смысловым центром выступает действие герундия). В этом можно усмотреть и более глобальную тенденцию – к универсализации структуры инфинитивных, герундиальных и причастных конструкций, где именованным элементом является существительное в общем падеже или местоимение в именительном или объектном падеже.

Инфинитивная конструкция с предлогом *for* не показала существенных количественных различий, но была зафиксирована нами в сочетании с глаголами *need, want*, в чье управление предлог *for* не входит. На существование этой конструкции указывает М. Суон, отмечая, что она используется с глаголами *like, hate, mean, intend* и др. и присуща американскому варианту английского языка [11]. Приведем пример из нашего материала:

I need *for you to file* this fiancée visa for me, please [12].

Анализ абсолютных причастных конструкций выявил, что их частотность в современном языке в четыре раза выше, чем в классической литературе. Такие результаты могут опровергнуть общепринятый взгляд, что своего наибольшего расцвета абсолютные конструкции достигли в конце XIX – первой половине XX вв. Функционирование конструкции в полной мере отвечает принципу языковой экономии: она обладает сжатой структурой и выражает разнообразный спектр значений.

Изменения, которые претерпевает конструкция в современном языке, могут способствовать объяснению некоторых ее параметров, которые долгое время являлись предметом лингвистических споров. Так, ряд исследователей (Э. Крейзинга, Г. Поутсма) отмечают «неопределенность» абсолютной конструкции, имея в виду, что смысловые отношения между конструкцией и главным предложением достаточно расплывчаты. Среди свойств абсолютной конструкции, которые выходят на первый план именно в современной картине ее функционирования, – стремление к расположению в конце высказывания и опущение определенного артикля перед именным элементом конструкции, например:

1. Madam Speaker was looking at him, *eyebrow raised*. Are you ready? [5].
2. She drew up her legs and clutched her pillow tightly in her arms, pressing her face against it, *body shaking with sobs* [6].

Нам представляется, что подобное «поведение», напротив, достаточно определенно характеризует абсолютную конструкцию, подчеркивая ее обстоятельственный характер. При этом связь конструкции с предложением основана не только на структурных, но и на смысловых отношениях. Картина функционирования абсолютной конструкции в современной литературе показывает, что данная предикативная конструкция кодирует ситуацию, которая часто находится с главной частью предложения в «метонимических» отношениях. Так, ситуация может описывать действия или состояния частей тела главного субъекта, эмоциональные переживания, положение во времени или в пространстве и сопутствующие действия предметов или лиц, являющихся частью ситуации. Таким образом, конструкция поддерживает семантическую связь с главной частью предложения и чаще всего является *adverbial modifier of attendant circumstances*. Приведем примеры:

1. He scrubbed a hand through his hair, ***irritation radiating from his strong, muscular body*** [7] (человек и его эмоция).
2. Around her, seagulls swooped, ***their cries echoing through her mind, jangling her already overstressed nerves*** [7] (объект и звук, издаваемый им).
3. She was ingrained in his heart and soul forever, but that image was slowly fading from his memory, ***the edges turning fuzzy*** [7] (объект и его часть).
4. Kate glared at the computer screen, ***the blinking cursor only accentuating the tension headache behind her eyes*** [7] (объект и его часть).
5. Traffic in the square was noisy and aggressive, ***vehicles zipping impatiently from one set of traffic lights to the next***, honking at a lone intrepid cyclist who wobbled out of the way [5] (собирательное понятие и индивидуальные объекты).
6. He was a little flushed after the wine, ***the bottle now standing empty*** [5] (вещество и контейнер).
7. He turned his head, ***tendons twanging a little riff of agony*** [8] (объект и его часть).
8. My eyes dragged open, ***the lids feeling weighted*** [6] (объект и его часть).
9. As I stepped into the living room, she lifted her head abruptly and stared at me, ***ears drawn back*** [6] (человек и часть тела).
10. She was on the sofa, sitting between Ian and Marie, ***her body looking collapsed*** [6] (человек и часть тела).

Как следует из примеров, абсолютная конструкция служит средством передачи информации о состоянии или действии объекта, являющейся частью ситуации или другого объекта, в рамках одного предложения, репрезентирующего одну макроситуацию.

В заключение подчеркнем перспективность исследования предикативных конструкций как средства информационной конденсации.

Результаты работы могли бы способствовать правильной расстановке акцентов в методическом аспекте при освоении предикативных конструкций на продвинутом этапе обучения английскому языку. Так, в частности, большего внимания заслуживает абсолютная конструкция, которая часто рассматривается поверхностно в соответствии с общепринятым мнением об ограниченности сферы ее функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева В. А.* Функционирование беспредложных абсолютных конструкций в английском дискурсе // Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2011. – С. 113–121. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (633). Сер. Языкознание).
2. *Беклемешева Н. Н.* Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 28 с.
3. *Бузаров В. В.* Основы синтаксиса английской разговорной речи (на английском языке) : учеб. пособие. – М. : Крон-Пресс, 1998. – 366 с.
4. *Серкина О. В.* Особенности функционирования абсолютных конструкций в публицистическом стиле [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dspace.bsu.ru/123456789/8527/1/Serkina_Osobennosti.pdf
5. *Currie E.* A parliamentary affair. – N.Y. : Biteback Publishing, 2012. – 662 p.
6. *Matheson R.* What dreams come true. – N. Y. : Tor books, 2007. – 292 p.
7. *Naughton E.* Wait for me. – Kindle Edition, 2011. – 266 p.
8. *Pratchett T.* Going postal. – N. Y. : Harper Torch, 2005. – 416 p.
9. Prince of the Tides (сценарий к фильму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.script-o-rama.com/movie_scripts/p/the-prince-of-tides.script.html
10. *Rowling J. R.* Harry Potter and the Sorcerer's stone [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://litresp.ru/kniga/en/R/rowling-j-k/harry-potter-and-the-sorcerers-stone>
11. *Swan M.* Practical English Usage. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 688 с.
12. The Proposal (сценарий к фильму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.script-o-rama.com/movie_scripts/p/the-proposal-script-transcript.html

УДК 81' 367. 625=111

Т. И. Раздина

доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: ti_razdina@outlook.com

ВЫБОР ПРОСТЫХ И ПЕРФЕКТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ВРЕМЕНИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается вопрос о выборе Present / Past Simple и Present / Past Perfect в придаточных предложениях времени после союзов *when, until, after, as soon as, once* в англоязычном дискурсе. Показано, что простые формы употребляются в придаточных предложениях времени, если события представлены как «одно вслед за другим». Перфектные формы употребляются, если последовательность событий представлена как «прежде всего одно событие и только потом другое».

Ключевые слова: последовательность событий; зависимость одного события от другого; спонтанная реакция на случившееся или сказанное; события, предшествующие описываемым в данный момент в тексте.

T. I. Razdina

Ph.D., Associate Professor,
Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: ti_razdina@outlook.com

THE CHOICE OF SIMPLE AND PERFECT VERB FORMS IN CLAUSES OF TIME IN ENGLISH DISCOURSE

The article discusses the choice of Present / Past Simple and Present / Past Perfect in clauses of time after the conjunctions *when, until, after, as soon as, once* in English discourse. The article concludes that simple forms in clauses of time are used if the events in the clauses are presented as “first-one-event-and-then-the-other”. Perfect forms are used if the events are presented as “first one event and- only - then-the-other”.

Key words: succession of events; dependence of one event on the other; immediate response to what has happened or has been said; events prior to those described in the text at the moment.

The use of simple and perfect forms in time clauses has been dealt with in literature and to begin with, we give an account of the data available in English Grammars on the issue in question.

Present Simple or Present Perfect

To refer an event to the future instead of “will be + past participle” either Present Simple or Present Perfect can be used in time clauses after the conjunctions *after*, *when*, *until*, *as soon as*, *once*, etc. These two verb forms often replace one another, or there may be little difference in meaning between them:

I shall leave *as soon as* the meeting *ends* or (*has ended*) [6, p. 82].

The Owens will move to a new flat *when* their baby *is born* or (*has been born*) [1, p. 25].

Present Perfect, as distinct from Present Simple, can be used to emphasize the idea of completion or to show cause-and-effect relationship between the main and time clauses:

You're not going home *until* you've *finished* that report [12, p. 603].

You'll feel a lot better *after* you've *had a rest* [6, p. 83].

Once you've *seen Ani*, you won't forget her [13, p. 199].

It always rains *after* I've *washed* my car [5, p. 328].

A: So shall I give you a ring *when* I've *sorted* the bill *out*?

B: Yeah [4, p. 185].

We aren't going to know the answer to that question *until* we've *cloned* a human [4, p. 185].

Present Perfect, not Present Simple, can be used to avoid ambiguity:

We can go out *as soon as* we've *had dinner*. (“not *we can go out as soon as we *have dinner*”).

Only the choice of Present Perfect in this sentence “makes good sense” [6, p. 82]:

Come over and see us *when* our guests *leave*.

The sentence might suggest that the arrival of one set of visitors will coincide with the leaving of the other.

Come over and see us *when* our guests *have left*.

“The sentence clearly indicates that our guests will no longer be with us when our other visitors come” [6, p. 82].

Present Perfect can be used to shift emphasis from activity to when the activity will begin:

I'll take up *gardening* when I retire (emphasis is on *activity* <*gardening*>).

I'll take up gardening *when I have retired*. (emphasis is on *when the activity will begin*) [8, p. 96].

Past Simple or Past Perfect

To express the idea that the two events happened one after the other either Past Simple or Past Perfect can be used after time conjunctions such as *after, before, until, as soon as*, etc with little difference in meaning:

The toaster went wrong *before* it *toasted* / *had toasted*.

We didn't want to stop *until* we *finished* / *had finished* the job.

After Miranda *wrote* / *had written* the letter, she went out to post it [5, p. 93].

After he (*had*) *finished* his exams he went to Paris for a month.

She didn't feel the same *after* her dog (*had*) *died*. *As soon as* I (*had*) *put* the phone down it rang [12, p. 428].

Only Past Perfect, not Past Simple, can be used after the conjunction *when* to express the same idea that one event followed the other:

When I *had opened* the windows I sat down and had a cup of tea (*"not *when* I *opened* the windows") [12, p. 428].

When Miranda *had written* the letter, she went to post it (" *not *when* Miranda *wrote* the letter) [5, p. 93].

Past Simple, not Past Perfect, is used when one event immediately follows the other, "when someone reacts quickly":

When the shot *rang out*, everyone *threw* themselves to the floor [6, p. 93].

When I *opened* the windows the cat jumped out ("more natural than *when* I *had opened* the windows") [12, p. 428].

When he *opened* his desk, he discovered a dead bird. ("stresses the immediate result, rather than *when* he *had opened* his desk...") [3, p. 621].

When he'd *opened* his third present, he looked at the roller skates and smiled.

Past Perfect, not Past Simple, is chosen here because it is "not such an immediate or direct relationship; the roller skates may not have been in the third present" [3, p. 621]. Past Simple, not Past Perfect, is used when time

conjunctions refer to definite points or periods of time in the past separated from the moment of speaking:

As soon as I got home, I phoned my sister. Once the initial shock was over, Mr. Coldman had to settle into his new role (“speaker is recounting a fainting attack”) [3, pp. 621–623].

The choice between Past Simple and Past Perfect may depend on whether the information is considered background or foreground (backgrounding is a device used to make something less important; foregrounding refers to grammatical structures used to highlight some important information in a discourse) [3, p. 892, p. 904].

The fact that something happened before something else is not important:

She came through for a coffee *after she'd finished* cooking. (“After she *finished* cooking would also have been correct, but with greater foregrounding of the subordinate clause than the version with the past perfect”) [3, p. 624].

It ended up with her having to go back on the Saturday so that my son could come *as soon as she'd gone* (“as soon as she went would also be correct, but with a different, more immediate emphasis”) [3, p. 624].

In summary, the tendencies in the use of simple or perfect forms in time clauses are considered to be the following:

- the choices between simple and perfect forms can be open with little difference in meaning between them;
- simple forms can be used when one event immediately follows the other;
- perfect forms can be used either to emphasize the completion of an event or stress cause-and-effect relationship rather than the sequence of events;
- the choice between a simple form or a perfect one may depend on whether the information is considered background or foreground;
- the inappropriate use of one verb form instead of the other may lead to misunderstanding or ambiguity.

As is seen from the account given above, although the use of simple and perfect forms in time clauses has been worked out in English Grammars available, it must be admitted, however, that example sentences, out of context, can hardly make one be fully aware of the differences in the

choice between simple and perfect forms in time clauses. Besides, the question remains still open as to whether a simple form and a perfect one can normally replace one another in time clauses with “little difference in meaning between them”. The article aims to look at how the choice between simple and perfect forms in time clauses is actually made in connected authentic texts.

The following is the analysis of the choice between Present / Past Simple as distinct from Present / Past Perfect in time clauses after the conjunctions *when*, *until*, *after*, *as soon as*, *once* in conversation exchanges and narrative passages in fiction.

1. Twelve-year-old Ray Gold left the stage to rejoin his parents in the body of the hall. Even when he was seated the applause continued, so he too lowered his head to stare at the title of his prize-winning essay: ‘The first changes I will make *when I become* Prime Minister’ [2, p. 7].

Present Simple, not Present Perfect, is used in the title of the essay to present the sequence of events as “first-one-event-and-then-the other”. The information focus is on the event in the main clause rather than on the event in the time clause.

2. “Mister Jem, don’t you know better’n to take your little sister to that trial? Miss Alexandra’ll absolutely have a stroke of paralysis *when she finds out!*” [7, p. 228–229].

Present Simple, not Present Perfect, is used to present the events in immediate succession. The speaker emphasizes Miss Alexandra’s immediate response when she finds out that the children have been at the trial. The information focus is on the event in the main clause rather than on the event in the time clause.

3. Harry woke up on Sunday morning to find the dormitory blazing with winter sunlight and his arm reboned but very stiff. Seeing that he was awake, Madam Pomfrey came bustling over with a breakfast tray and then began bending and stretching his arm and fingers.”All in order,” she said, as he clumsily fed himself porridge left-handed. “*When you’ve finished* eating, you may leave” [9, p. 137].

Present Perfect, not Present Simple, is used to present the sequence of events as “first-one-event-and-only-then-the-other” Harry must eat his porridge first and only after that Madam Pomfrey will allow him to leave the dormitory.

4. Harry saw Malfoy stoop and snatch something. He realised that he'd got Riddles's diary.
"Give that back," said Harry quietly.
"**When I've had a look**, said Malfoy, waving the diary tauntingly at Harry [9, p. 178].

Present Perfect, not Present Simple, is used in this conversation exchange to present the sequence of events as "first-one-event-and-only-then-the-other". Malfoy was not going to give the diary back. He wanted to have a look at it first.

5. The grass was still wet and looked almost black in the twilight. **When** they **reached** Hagrid's hut, they **knocked**, and a voice **growled** "Cmn" [10, p. 92].

Past Simple, not Past Perfect, is used in the narrative passage to present the events in immediate succession(*reached, knocked, growled*).

6. Harry and Krum left the stadium together, but Krum did not set a course for the Durmstrang ship. Instead, he walked towards the Forest. "What're we going this way for?" said Harry. "Don't want to be overheard." said Krum shortly. **When** at last they **had reached** a quiet stretch of ground Krum stopped in the shade of the trees to face Harry... [11, p. 479]

Past Perfect, not Past Simple, is used in the narration to emphasize the completion of the event and its result. Harry and Krum had found at last a place where they could talk in private. The prepositional phrase **at last** helps to support the way the sequence of events are presented here.

7. Before leaving for the Commons Andrew checked over an amendment he wanted to move in committee that morning. **When** he **had reworded** his efforts several times he picked up his papers and headed off towards Westminster [2, p. 31].

Past Perfect, not Past Simple, is used to present the sequence of events as "first-one-event-and-only then-the-other". Andrew was going to produce an amendment to a document at Westminster and it was important for him to be a success. That is why he had to reword his speech several times before leaving. The noun phrase **several times** emphasizes the way the sequence of events is presented in the narration.

8. Moody took out a register and began to call out names... "Right then," he said, **when** the last person **had declared** themselves present. "I've had a letter from Professor Lupin about this class [11, p. 186].

Past Perfect, not Past Simple, is used to present the sequence of events as “first-one event-and-only-then-the-other”. It was important for all the students to be present before Moody could read Professor Lupin’s letter about the performance of each student in the class. The noun phrase “the last person present” emphasizes the idea expressed in the time clause.

9. “I want an opinion on your new chairman, Frank Boyles.” “What?” “He won the vote tonight seven to six.” “But...” Andrew fell silent. “I can’t say anything, Stuart, *not until I know* all the facts” [2, p. 307].

Present Simple, not Present Perfect, is used to refer to the state of affairs at the moment of speaking. Andrew can’t say anything about his new chairman, Frank Boyles, because he doesn’t not know much about him yet. The sequence of events is presented as “first-one-event-and-only-then-the other”: Andrew must know all the facts about Frank Boyles before he can say anything about him.

10. The night before he was to deliver his speech Raymond hardly slept. He continued to rehearse each crucial phrase and repeated the salient points that needed to be emphasized *until* he almost *knew* them by heart [2, p. 270].

Past Simple, not Past Perfect, is used to refer to the state of affairs as the result of the previous activity. Raymond continued to rehearse each crucial phrase and repeated the salient points until he knew them by heart.

11. “It should take more than a few weeks,” said Professor McGonagall. “You will have it back if we are sure it is jinx- free.” “There’s nothing wrong with it!” said Harry, his voice shaking slightly, “Honestly, Professor.” “You can’t know that, Potter,” said Professor McGonagall, quite kindly, “*not until you’ve flown* it, at any rate, and I’m afraid that is out of the question *until we are certain* that it has not been tampered with. I shall keep you informed” [10, p. 172].

Present Perfect, not Present Simple, is used to present the sequence of events as “first-one-event-and-only-then-the-other”. Professor McGonagall insists that it is necessary first to fly the broomstick to be sure it is jinx-free.

Present Simple, not Present Perfect, is used to refer to the state of affairs as the result of the previous activity: Professor McGonagall says that they must be certain the broomstick has not been tampered.

12. (Andrew and his five-year-old son, Robert were playing football in their garden). Robert *dribbled away* from his father *until* he *reached* the end of the garden, then *turned* to face him again [2, p. 242].

Present Simple, not Present Perfect, is used in the time clause because all the events in the narration are presented as happening one after another.

13. Harry and Ron set off for the castle once more. Slightly ashamed of his moment of panic, Harry didn't say anything to Ron - nor did he look left or right **until** they **had reached** the well lit Entrance Hall [10, p. 190].

Past Perfect, not Past Simple, is used in the narration to refer to the events that were not possible until some other event had happened. Harry could not talk to Ron until they had reached the well lit Entrance Hall.

14. Maycomb was interested by the news of Tom's death for perhaps two days; two days was enough for the information to spread through the country. A few more details, enabling the listener to repeat his version in turn, then nothing to talk about **until** the Maycomb Tribune **appeared** the following Thursday. There was a brief obituary in the Coloured News, but there was also an editorial [7, p. 265].

Past Simple, not Past Perfect, is used to refer to the normal, ordinary course of events. The people in Maycomb talked about Tom's death for two days, then they read about it in the Maycomb Tribune, and after that the incident was forgotten.

15. "How is Louise?" were Andrew's first words. The young doctor hesitated, then said, "Your wife's fine, but I'm afraid she's lost the baby." Andrew felt his whole body go limp. "Thank God she's all right," he said. "I'm afraid I can't let you see her **until** she **has come out of sedation**" [2, p. 72].

Present Perfect, not Present Simple, is used to present the sequence of events as "first-one-event-and-only-then-the-other". Louise must come out of sedation and only after that her husband will be able to see her.

16. (Raymond and Joyce are discussing a possibility of buying a new house). "Perhaps it's time we considered having our own home in the constituency." "After I've done the rounds why don't you stay up, contact a few local estate agents and see what's on the market?". "All right, if that's what you really want," said Joyce. "I'll start next week" [2, p. 121].

Present Perfect, not Present Simple, is used to present the sequence of events as "first-one-event -and-only-then-the other." It is important for Raymond to first finish the work with the constituents.

17. After his parents **had** finally **left** to catch the last flight back to Edinburgh Andrew returned to the chamber to hear Alison's father summing up the debate on behalf of the Government [2, p. 29].

Past Perfect, not Past Simple, is used to present the sequence of events as “first-one-event-and-only-then-the other”. Andrew was able to return to the chamber only after his parents had finally left for Edinburgh. The words supporting the idea expressed here are: *finally, the last flight*.

18. *After* Raymond’s advisers *returned* to Transport House that night he *started* to go over the hundreds of letters and telegrams of congratulations that had been flooding in throughout the day [2, p. 402].

Past Simple, not Past Perfect, is used to refer to the time when Raymond started to go over his correspondence.

19. At eight o’clock on the following Saturday morning Simon sat in his office and heard the news that Broadsword had all engines on full speed and was expected to reach Portsmouth by three o’clock, exactly one week *after* his son *had lost* his college match eight–nil: they *hadn’t had* a good second half. Simon *had tried* to console his downcast son but it didn’t help that he *had been* the goalkeeper [2, p. 395].

Past Perfect, not Past Simple, is used to refer to the events that happened prior to those described in the narrative passage at the moment.

20. It was a clear, starry night. They hurried towards the lighted windows of Hagrid’s house. Seconds *after* they *had knocked*, Hagrid flung it open. They found themselves face to face, with him aiming a crossbow at them. Fang the boarhound barking loudly behind him. “What’re you two doin’ here?” “What’s that for?” said Harry, pointing at the crossbow as they stepped inside. “Nothin ...nothin”, Hagrid muttered. “I’ve been expectin..., doesn’t matter... Sit down... I’ll make tea” [9, p. 192].

Past Perfect, not Past Simple, is used in the narration to suggest that the actions of “knocking on the door” and “opening it” did not happen in quick succession, as might have been normally expected. Hagrid didn’t open the door immediately because he had been expecting someone he wanted to launch an attack on and it took him some time to be prepared.

21. (Raymond, a Government Under-Secretary, receives a personal letter from a girl he had a one-stand affair with, and who is now blackmailing him for more money. Raymond understands this could be a disaster for his career and is trying to work out what he is going to do). Raymond had become so used to receiving files marked “Strictly Private”, “Top Secret”, or even “For Your Eyes Only” in his position as a Government Under-Secretary that he didn’t give a second thought to a letter marked “Confidential and

Personal.” He opened it while Joyce was boiling his eggs. Once he was in the back of his car Raymond read the letter again. It didn’t take long. **After he had arrived** outside the Department of Employment Raymond remained in the back seat for several moments. “Are you feeling all right, sir?” his driver asked. “Fine, thank you,” he replied, and jumped out of the car and ran all the way up to his office [2, p. 77–78].

The actions in this narrative passage are reported to be following one after another. However, Past Perfect, not Past Simple, is used in the time clause to focus not so much on “after he had arrived outside the Department of Employment” but rather on Raymond’s painful thoughts about what he was going to do to avoid the inevitable scandal.

22. Simon laughed, kissed his wife and left for the appointment with the Chief Whip at the House of Commons. As he started the car Elizabeth rushed out. “I forgot to tell you, Ronnie phoned while you were in the bath”. “I’ll call him **as soon as I reach** the House” [2, p. 245].

Present Simple, not Present Perfect, is used here to refer to the sequence of events as “first-one-event-and-then-the other”. Simon says he will call Ronnie as soon as he arrives at the House.

23. One man who attended the second of Fiona’s soirees saw exactly what was going on. While many of the guests spent their time admiring the Seymour art collection Simon Kerslake kept a wary eye on his host and hostess. He was not convinced that Edward Heath would win the forthcoming election and felt confident that Reginald Maudling would turn out to be the party’s natural choice. **As soon as** Simon Kerslake **had left** the Seymours he jumped into a taxi and returned immediately to the Commons [2, p. 38].

Past Perfect, not Past Simple, is used in the narrative passage to draw the reader’s attention to the fact that the action in the main clause took place immediately after the action in the time clause. Kerslake’s mind was on other things than admiring the Seymour art collection. He had been waiting for the right moment to leave Fiona’s soiree and be in time to meet Reginald Maudling in the Commons. Past Perfect is chosen to emphasize the idea that Simon Kerslake rushed off immediately as soon as he was able to in order not to miss the opportunity to meet R. Maudling.

24. Raymond hardly spoke in the Cabinet committee, but as most of his colleagues wanted to express their own views nobody noticed. **As soon as** the meeting **was over** Raymond hurried out and took a taxi to High Holborn [2, p. 79].

Past Simple, not Past Perfect, is used in this narrative passage to refer to events going on one after another (*was over, hurried out, took a taxi*).

25. Snape looked furious. “My cat has been petrified! I want to see the punishment!”. “We will be able to cure her, Argus,” said Dumbledore patiently. “Madam Sprout managed to procure some Mandrakes. **As soon as they have reached** their full size, I will have a potion made which will revive Mrs. Norris” [9, p. 110].

Present Perfect, not Present Simple, is used to present the sequence of events as “first-one-event-and-only-then-the other”. In order to prepare a potion to revive Snape’s cat, it is necessary that the Mandrakes will have reached their full size.

26. **Once** a champion *has been selected* by the Goblet of Fire, he or she is obliged to see the Tournament through to the end. The placing of your name in the Goblet constitutes a binding, magical contract. There can be no change of heart **once** you *have become* champion [11, p. 226].

Present Perfect, not Present Simple, is used in the narrative passage to show the dependence of the event in the main clause on the event in the time clause. There will be no change of heart and no turning back once a champion has been selected and you have become champion.

27. **Once** the debate *was over* and the usual ten o’clock division *had been declared* by the tellers Andrew left the Chamber [2, p. 29].

Past Simple as well as Past Perfect are used to refer to the time when the event in the main clause happened. “Was over” refers to the state of affairs while “had been declared” expresses an action which had been completed by the tellers.

28. A few minutes later Fiona stepped out of the restaurant and followed in the man’s footsteps. Charles crossed the road. He shadowed his wife, careful to keep a safe distance. When she reached the far end of the passage he watched Fiona enter the Stafford Hotel. **Once** she *was through* the swings doors Fiona stepped into an empty lift [2, p. 265].

Past Simple, not Past Perfect, is used in the narrative passage to refer to a quick succession of events (*was through the swing doors, stepped into an empty lift*).

29. At school he (Raymond) had shown little interest in girls as his mother kept reminding him that there would be occasion enough for that sort of thing **once** he *had taken his degree* [2, p. 21].

Past Perfect, not Past Simple, is used in the narrative passage to present the sequence of events as “first-one-event-and-only-then-the other”. Raymond’s mother’s advice was that he should first take his degree.

In conclusion, the choice between simple and perfect forms in time clauses in conversation exchanges and narrative passages in fiction depends on whether the event is presented as “first-one-event-and-then-the other” or as “first-one-event-and-only then-the other”.

More specifically, simple forms are used to present events in succession or as immediate response to what has happened or has been said. Simple forms are also used to refer to the state of affairs as the result of the previous activity, usually with state verbs such as **to be, to know**.

Perfect forms are used to refer to events prior to those described in the on-going narration. Perfect forms are often used to focus on the importance of the completion of the event in the time clause. Words and phrases such as *finally, at last, several times, all the students, the last person, the rest of the class* are used to emphasize the idea of completion.

Perfect forms are common in narration to change the ordinary sequence of events in order to focus the reader’s attention on what was going to happen further, often as the result or consequence of the previous events.

Perfect forms can be used to suggest that the events did not happen in immediate succession as might have been expected in the context.

REFERENCES

1. *Alexander L. G.* Longman English Grammar. – Harlow : Longman, 1992. – 374 p.
2. *Archer Jeffrey.* First among Equals. – London : Pan books, 2009. – 466 p.
3. *Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English Grammar and Usage. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 973 p.
4. *Carter R., Hughes R. and McCarthy M.* Exploring Grammar in Context. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 286 p.
5. *Eastwood J.* Oxford Guide to English Grammar. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 446 p.
6. *Graver B. D.* Advanced English Practice. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 320 p.
7. *Harper Lee.* To Kill A Mockingbird. – London : Mandarin, 1994. – 309 p.
8. *Prodromou Luke.* Grammar and Vocabulary for First Certificate. – Harlow : Pearson Education Limited, 1999. – 319 p.

9. *Rowling J. K.* Harry Potter and the Chamber of Secrets. – London : Bloomsbury, 1998. – 251 p.
10. *Rowling J. K.* Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. – London : Bloomsbury, 1999. – 317 p.
11. *Rowling J. K.* Harry Potter and the Goblet of Fire. – London : Bloomsbury, 2001. – 636 p.
12. *Swan M.* Practical English Usage. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 658 p.
13. *Yule George.* Oxford Practice Grammar. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 380 p.

УДК 811.111'36

А. В. Керова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка, МГЛУ;
e-mail: aliker@mail.ru

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ

В статье обсуждается проблема восклицательного предложения в рамках существующих классификаций предложений по цели высказывания; категория эмотивности в связи с понятиями эмоциональности, экспрессивности и оценки, которые мы рассматриваем как прототипические признаки восклицательности. Представлен анализ различных средств, в результате взаимодействия которых создается семантика восклицательных предложений.

Ключевые слова: восклицательное предложение; междометия; эмоциональность; эмотивность; экспрессивность; оценка.

A. V. Kerova

Lecturer, Chair of Grammar and History of the English Language,
English Language Department, MSLU;
e-mail: aliker@mail.ru

EXCLAMATORY SENTENCES AS A MEANS OF EXPRESSING EMOTIVITY

The article discusses the position of the exclamatory sentence within the existing communicative classifications of the sentence; and the categories of "emotionality", "emotivity", "expressivity" and "evaluation" in connection with the exclamatory sentence. The article analyses different means that make up the semantics of the exclamatory sentence.

Key words: exclamatory sentence; interjections; emotionality; emotivity; expressivity; evaluation.

В настоящее время проблема репрезентации эмоций в языке и речи становится в ряд важных лингвистических проблем. Несмотря на большое количество исследований в данной области (И. С. Баженова [1], М. П. Брандес, И. А. Банникова, Э. А. Вайгла, Н. Н. Амосова, Н. Я. Милованова, К. А. Левковская, П. Фресс, В. И. Шаховский [13], П. М. Якобсон [15]), недостаточно разработан понятийный аппарат, соотносящийся с термином «эмоциональность». В данной связи представляется необходимым уточнить определения смежных понятий,

таких как «эмоциональность», «восклицательность», «эмотивность», «экспрессивность», «оценочность / оценка».

Долгое время в лингвистике употреблялся термин **эмоциональность**, однако большинство исследователей сошлись во мнении, что это *психическое* свойство человека испытывать эмоции и эмоционально реагировать. В то время как **эмотивность** – это *вербальное* выражение эмоциональности при помощи различных языковых средств, чувственная оценка объекта (Е. М. Вольф, А. В. Кунин [8], В. И. Шаховский). **Экспрессивность** же мы рассматриваем как усиление воздействующей силы высказывания, его выразительность (Г. Н. Акимова, П. Н. Паничева [9], Д. С. Писарев, В. Н. Телия, Н. Л. Шадрин, В. И. Шаховский). **Оценка** – это объективно-субъективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно (И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, Н. А. Кобрина, А. В. Кунин, М. В. Никитин). **Оценочность** – это один из видов модальности, некая модальная рамка, которая накладывается на высказывание (Е. М. Вольф).

Как показало исследование, эмотивность неотделима от экспрессивности и оценки. Поэтому так важно дать точные формулировки рассматриваемых нами понятий и определить сферы их взаимодействия / пересечения.

Оценочность, например, является неким активизатором эмоции. Е. М. Вольф предлагает следующую формулу оценочной модальности – AgB , где A – субъект оценки (эксплицитное или имплицитное лицо, с точки зрения которого дается оценка); B – объект, предмет, событие, положение вещей, к которому относится оценка; $г$ – оценочное отношение, которое имеет значение хорошо / плохо [4].

Что касается экспрессивности, исследователи выделяют экспрессивность *адгерентную* («приобретенную словом только в данном речевом контексте») и *ингерентную* экспрессивность («внутренне присущую данному слову как единице языка»). Необходимо уточнить, что в основе экспрессивности лежит несоответствие языковым стандартам, поэтому она обусловлена такими факторами, как образность, интенсивность / эмфатичность и новизна единицы.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что анализируемые нами категории тесно взаимосвязаны, мнения исследователей в отношении их точной формулировки расходятся, их употребление

связано с личными предпочтениями авторов. В начале мы считали категории эмотивности и экспрессивности наиболее правомерными в рамках данного исследования. Однако пришли к выводу, что только *эмотивность* полностью отвечает основной цели исследования (это анализ языковых средств, выражающих эмоциональную оценку / отношение говорящего). Дело в том, что говорящий, выражая свое эмоциональное отношение, всегда использует *экспрессивные* средства языка, которые усиливают выразительность не только при эмоциональном воздействии, но и при выражении мыслей.

Изучение эмотивности ведется на разных уровнях (лексико-семантическом, синтаксическом и психолингвистическом) и разным языковым материале (сказки, драмы, стихи, эссе, речи, письма, мемуары, сценарии и т. д.). *Материалом* данного исследования является *восклицательное предложение* в англоязычном поэтическом дискурсе, так как именно в поэзии эмотивность наиболее эксплицитна.

Несмотря на то, что восклицательное предложение неоднократно являлось объектом лингвистического исследования, однозначного мнения о его месте в системе коммуникативных типов не существует. Поэтому для начала необходимо определить статус восклицательного предложения и его коммуникативную целеустановку, которая определяется коммуникативным намерением говорящего выразить свое психологическое состояние, дать эмоциональную оценку и оказать воздействие на адресата. Многие исследователи определяют ее как комбинацию коммуникативных целей, включающую:

- выражение эмоционально-импульсивной реакции и передачу собственного состояния;
- «переплетение» эмоциональной реакции с оценкой;
- усиленное воздействие на эмоциональную сферу адресата [6].

Существует несколько классификационных схем предложений: традиционная классификация коммуникативных типов предложений, трехчленная и альтернативная классификация [11]. Согласно *традиционной классификации* предложений по цели высказывания можно выделить четыре типа (повествовательные, повелительные, вопросительные и восклицательные). Что касается восклицательных предложений, в основном исследователи не дифференцируют восклицательные и эмотивные высказывания [7; 10]. Однако «коммуникативные цели высказываний не имеют однозначного соответствия

с их структурными и семантическими характеристиками, что не учитывалось сторонниками традиционной классификации» [11, с. 13]. Скажем, например, цель отдельного высказывания может выходить за рамки одного предложения. Поэтому рассмотрим *трехчленную классификацию*, создатели которой выделяют только три типа предложения (повествовательное, вопросительное и повелительное). Восклицательное рассматривается как разновидность каждого типа предложения. А. И. Смирницкий пишет, что «восклицательные предложения не стоят в одном ряду с предложениями повествовательными, вопросительными и повелительными, так как любое из вышеперечисленных предложений может стать восклицательным, если оно оформлено восклицательной интонацией. Выражение эмоций – это как бы вторая линия всякой речи» [12, с. 258]. «Все виды предложений – утверждение, вопрос и приказание могут иметь эмоциональную или восклицательную интонацию». То есть, согласно данной классификации, предложения могут быть реализованы в нейтральном и эмоциональном / восклицательном вариантах [3, с. 14; 7]. В данной связи предложения могут быть повествовательными и повествовательно-восклицательными, вопросительными и вопросительно-восклицательными, повелительными и повелительно-восклицательными. Другими словами, эмоциональность может сопровождать предложения любого типа. Эмотивное предложение «обязательно несет в себе сообщение (это может быть реакция на события или слова собеседника), побуждение или вопрос. **Эмотивность** – особый аспект предложения, ее выражение составляет особую грамматическую категорию» [5, с. 166].

И наконец, сторонники *альтернативной классификации* пытаются найти компромисс между двумя существующими и предлагают выделить в качестве четвертого коммуникативного типа восклицательные предложения, а к каждому из остальных типов добавить в качестве разновидности эмотивные предложения [16].

Следует заметить, что эмоциональное значение восклицательного предложения передается средствами всех языковых уровней (фонетическими, морфологическими, лексико-семантическими и формально-синтаксическими). В связи с тем, что корпус исследуемого материала составляет поэтический дискурс, в рамках данного исследования мы ограничились анализом лексико-грамматических средств (например,

таких, как особый порядок слов, частицы, глаголы, существительные, прилагательные, междометия).

Основным принципом выделения восклицательных структур в устной речи является особая интонация, которая может выражаться «восходящим тоном предложения, движением тона внутри предложения, дополнительным ударением и паузой, длительностью гласных и согласных» [14, с. 20]. В письменном дискурсе восклицательные предложения часто оформлены восклицательным знаком, однако он не может передавать оттенки смыслового задания предложения, эмотивность может и не быть оформлена восклицательным знаком.

Н. А. Беседина в своем исследовании описывает основные построения восклицательных предложений и рассматривает их «как знаковые средства, используемые субъектом для сознательного выражения своего эмоционального состояния и непосредственно связанной с ним субъективной оценки того, что послужило причиной изменения состояния, а также для воздействия на эмоциональную сферу адресата. Восклицательные предложения переносят, проецируют на комментируемый объект состояние, характеризующее самого субъекта, в частности, его эмоциональную реакцию» [2, с. 165]. Таким образом, мы делаем вывод о том, что восклицательный знак является *формальным маркером* восклицательного предложения, но не является единственным критерием для выделения восклицательных предложений. Поэтому при отборе эмотивных предложений следует учитывать и другие *индикаторы восклицательности* или *эмотивности*, которые могут находиться в самом предложении или в окружающем контексте наряду с восклицательным знаком или вместо него.

Основу лексико-грамматических средств выражения эмотивности в восклицательных предложениях составляют:

1. Междометия. Благодаря свойству прямо указывать на эмоцию, не называя ее, междометия создают эффект искренней эмоциональной реакции, являются действенным средством экспликации эмотивности. Междометия способны концентрированно выражать эмоционально-оценочное состояние и создавать яркие и убедительные образы персонажей.

2. Глаголы, передающие чувства, и часто вводящие прямую речь (*to exclaim, to shout, to cry (in a trembling voice, reeling, visibly moved, in turn, in amazement, exulting, scornfully, shrilly, in terror, coquettishly)*),

to exclaim (wrathfully, in surprise, laughing), to grumble out, to interrupt (excitedly, with sudden ferocity), to murmur, to mutter, to say (with a virtuous air, emphatically, biting, deeply, heavily, bitterly, evasively, cheerfully, softly sarcastically, in bewilderment and then repeated, with fervor, in surprise, not without a certain hauteur, pettishly, reproachfully, trembling a little, startled, with some appearance of innocence), to shout, to sniff, to stammer, to whisper) [2, с. 146].

3. Прилагательные, в основном качественной и оценочной семантики, передающие положительную (*amazing, charming, dear, delicious, enchanting, extraordinary, fascinating, handsome, majestic, pompous, pretty, ripping, splendid, touching, unusual*) или отрицательную оценку (*absurd, dangerous, disgraceful, eccentric, obstinate, provocative, rude, silly, terrible*) [2, с. 81], или построения с прилагательными.

4. Существительные. Чаще всего в восклицательных предложениях встречаются существительные оценочной семантики (например, в номинативных восклицательных предложениях, абстрактные (свойства, процессы), имена, обозначающие сущности, с которыми связана оценка. Даже те существительные, которые по своей семантике не являются оценочными, в восклицательных предложениях приобретают это качество, становятся по своим свойствам близкими к прилагательным.

Также исследование позволило выделить следующие построения восклицательных предложений:

5. Построения с инверсией.
6. Построения, вводимые местоименными словами *what, how*.
7. Структуры, совпадающие по форме с придаточными предложениями с союзами *if (only); as if; as though*.

Подведем итоги проведенного анализа восклицательных предложений как средства выражения эмотивности. Существует несколько классификационных схем предложений: традиционная классификация коммуникативных типов предложений, трехчленная и альтернативная классификация. В рамках данного исследования мы придерживаемся мнения, что предложения могут быть повествовательными и повествовательно-восклицательными, вопросительными и вопросительно-восклицательными, повелительными и повелительно-восклицательными, т. е. трехчленной классификации и считаем, что эмоциональность может сопровождать предложения любого типа.

Категория восклицательности актуализируется при одновременной реализации не только эмотивности, экспрессивности, но и оценки. Восклицательные предложения в большинстве случаев имеют эмотивно-оценочную коммуникативную установку, что позволяет выделить эмотивность и оценочность как прототипические семантические признаки восклицательности.

Семантика восклицательных предложений создается в результате взаимодействия интонационных, структурных и лексических средств. Что касается лексико-грамматических средств выражения эмотивности, то это преимущественно существительные, качественные и оценочные прилагательные, междометия, глаголы, которые в контексте восклицательного предложения приобретают эмотивно-оценочную коннотацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баженова И. С.* Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 418 с.
2. *Беседина Н. А.* Восклицательные предложения в современном английском языке: семантический, грамматический и функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук.. – СПб., 1995. – 212 с.
3. *Блох М. Я.* Коммуникативные типы предложений в аспекте актуального членения // *Иностранные языки в школе.* – 1976. – № 5. – С. 14–23.
4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка). – М. : Наука, 1985. – 280 с.
5. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
6. *Грибова П. Н.* К вопросу о специфике восклицательных предложений в английской диалогической речи // *Вестник Челябинского государственного университета.* – 2010. – № 17 (198). Филология. Искусствоведение. Вып. 44. – С. 5–8.
7. *Илья Л. И.* Грамматика французского языка. – М. : Высшая школа, 1964. – 303 с.
8. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка : учебн. для ин-тов и фак-тов ин. яз. – 2-е изд., перераб. – М. : Высшая школа, Дубна : ИЦ «Феникс», 1996. – 381 с.
9. *Паничева П. Н.* Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 28 с.
10. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 510 с.

11. *Писарев Д. С.* Грамматическая структура и коммуникативные функции восклицательных предложений в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1983. – 151 с.
12. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. – М., 1957. – 284 с.
13. *Шаховский В. И.* Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград : Волгоградск. пед. ин-т, 1990. – С. 29–40.
14. *Шигаревская Н. А.* Основы французской пунктуации. – М., 1975. – 110 с.
15. *Якобсон Р.* Избранные работы : пер. с нем., англ., фр. / сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – 455 с.
16. *Plysh B. A.* The Structure of Modern English. – Л. : Просвещение, Ленинградское отделение, 1971. – 366 р.

УДК 81`367=111`01=163.1=114.3=211

Ю. Б. Маркова (Григорьева)

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики
и истории английского языка, факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: julia@themarkovgroup.com

**МОРФОЛОГИЯ ГЛАГОЛ:
САНСКРИТ, ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ, ГОТСКИЙ
И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ**

В статье сопоставляются грамматические категории глагола, общие для индоевропейских языков, а также прослеживается судьба древневидовых различий глагольных основ в германских и славянских языках, безличных и бесподлежащих предложений в английском языке, категории переходности / непереходности английских глаголов, форм двойственного числа в русском и английском, претерито-презентных глаголов в современных германских языках, семантический сдвиг при переосмыслении их перфектных форм, позднее образование форм страдательного залога в английском; доказыва­ется сущностное сходство форм будущего времени и форм нереальности в индоевропейских языках в целом. В статье также оценивается близость существующих систем историческим формам общего праязыка.

Ключевые слова: санскрит; церковнославянский; готский; древнеанглийский; глагол; супплетивизм; причастие; инфинитив; флективный строй языка; аналитизм; праязык; наклонение; залог; лицо; число; время; переходность / непереходность; аблаут; дополнение; составное именное сказуемое; слабые глаголы; сильные глаголы; предельные глаголы; эпистемическая модальность; аномальные глаголы; претерито-презентные глаголы.

Y. B. Markova (Grigorieva)

Ph.D., Associate Professor, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: yulia@themarkovgroup.com

**VERBAL MORPHOLOGY:
SANSKRIT, OLD SLAVONIC, GOTHIC AND OLD ENGLISH**

The article contrasts the verbal grammatical categories, shared by IndoEuropean languages. It also pursues the history of Old IndoEuropean aspect distinctions of verbal stems in Germanic and Slavonic languages, the evolution of impersonal sentences in English, the transformation of the category of transitivity / intransitivity in English verbs, the decay of dual number forms in Russian and English, the development of preterite-present verbs in modern Germanic languages, semantic shift in the evolution of their Perfect forms, later development of Voice distinctions in English. Finally, the author proves the similarity between the Future forms and

those of unreality in IndoEuropean languages on the whole and evaluates the extent to which the existing verbal systems have preserved the historic Common IndoEuropean forms.

Key words: Sanskrit; Old Slavonic; Gothic; Old English; the verb; transitivity / intransitivity; weak verbs; strong verbs; suppletion; the participle; the infinitive; inflected languages; analytical forms; Common IndoEuropean; the Mood; the Voice; the Person; the Number; the Tense; ablaut; the object; the compound nominal predicate; terminative verbs; epistemic modality; anomalous verbs; preterite-present verbs.

Цель статьи – выявление общих и отличительных черт в системе глагола следующих индоевропейских языков: древнеиндийского литературного, древнеславянского, готского и древнеанглийского. Хотя данные языки принадлежат разным группам индоевропейской семьи (индийской, славянской и германской), их генетическое родство, общее праиндоевропейское прошлое, наличие регулярных фонетических соответствий и близкое сходство грамматических форм обосновывает постановку подобной задачи. Интересно также отметить тот факт, что современные индийские языки, «выросшие» в атмосфере санскрита, как и современный английский, прошли путь от флективного, синтетического языка до аналитического, в то время как русский язык сохранил разветвленную систему склонений и спряжений.

Санскрит отличается многообразием форм словоизменения. Глагол в древнеиндийском, как и в готском и церковнославянском, характеризовался грамматическими категориями наклонения, залога, лица, числа и времени.

В системе спряжения древнеиндийского глагола противопоставлялись три залога: действительный, или активный, выражавший действие по отношению к другому; средний, или медиальный, выражавший действие по отношению к самому себе, восходящий к индоевропейскому медию; и страдательный. Употребление первых двух форм залога определенным образом связывалось с семантикой глагола. Одни глаголы функционировали только в действительном, другие – только в среднем залоге. Имелись глаголы, употреблявшиеся в обоих залогах. Пассив в санскрите не связан противопоставлениями с активным и медиальным залогами. По происхождению он представлял собой более позднее образование, сложившееся в системе настоящего времени. Формы пассива образовывались от ослабленного корня переходных глаголов основы настоящего времени, представлявшего

собой слабую, нулевую ступень аблаута, с помощью специального суффикса и личного окончания медиального залога.

Аблаут – спонтанное, не обусловленное окружением, устойчивое чередование гласных в корне, унаследованное как регулярное морфологическое средство от индоевропейского праязыка, в котором оно возникло под воздействием разного рода ударений. Чередование по аблауту имело три ступени и могло быть в индоевропейском языке как количественным, так и качественным: **е** (основа инфекта, обозначающего длительные действия; слабое ударение, например др.-греч. *leíro*) – **о** (основа перфекта, выражающего законченное действие, результат которого существует в момент речи; полное ударение, например др.-греч. *lelóira*) – **ноль** гласного (основа аориста, обозначающего мгновенные, недлительные действия; безударная позиция, например *elípon*), в русском языке: *беру – забор – брать*, в латыни: *sedeo – sēdi*. В количественном аблауте усматривают влияние динамического ударения, качественный аблаут связывают с музыкальным ударением. Согласно ларингальной гипотезе, чередование когда-то было фонетически обусловленным и могло встречаться также в суффиксах и окончаниях. Оно получило дальнейшее развитие и систематическое использование в словообразовании и словоизменении германских языков. Такое чередование не является особенностью индоевропейских языков и наблюдается в других языковых семьях [1, с. 54–55].

В санскрите было возможно употребление и непереходных глаголов в страдательном залоге в форме третьего лица единственного числа (*быть, стоять, идти, спать, течь*). Это так называемый безличный пассив, носитель действия в котором обозначался формой творительного падежа. В санскрите также существовало пассивное причастие будущего времени – причастие долженствования (*participium necessitatis*), совмещавшее в себе три грамматических значения – пассивности, модальности (долженствования) и будущего времени: «Работа, которая будет выполнена или должна быть выполнена» [6, с. 133–134; 141].

В церковнославянском противопоставлены активный и страдательный залогов, в готской глагольной системе – действительный и медиопассив. Последний передавал различные оттенки пассивности носителя признака и имел только одну временную форму – форму настоящего времени.

Готский медиопассив, генетически связанный с индоевропейским медиумом, также выражал медиальные оттенки непереходности, морального состояния, аффекта. В то время как существование категории залога в древнеанглийском языке оспаривается, готские синтетические формы страдательного залога выражены наиболее полно по сравнению с другими древнегерманскими языками [3, с. 20, 128, 175; 1, с. 110].

В древнеанглийском языке имелись остатки «среднего» залога, медиопассива, например существовал глагол *hātan* – «зваться». Формы страдательного залога отсутствовали, в частности потому, что переходность древнеанглийского глагола зависела от того, к какому классу принадлежал глагол, т. е. в какой-то мере от семантики глагола, от его свойства, из чего можно сделать вывод о том, что в древнеанглийском переходность / непереходность глагола имела семантико-морфологический статус, а не синтаксический, как теперь, когда переходность / непереходность глагола зависит от наличия или отсутствия дополнения после него. Древнеанглийский глагол требовал дополнения в определенной форме. Слабые переходные глаголы I класса противопоставлялись однокоренным непереходным слабым глаголам II класса и сильным глаголам, например:

<i>būzan</i> «сгибаться» (сильный II класса)	—	<i>biezan</i> «сгибать» (слабый I класса)
<i>blacian</i> «побелеть» (слабый II класса)	—	<i>blæcan</i> «побелить» (слабый I класса) [4, с. 224]

Как и в современном немецком языке, глаголы с приставкой *-be-* были переходными:

<i>būzan</i> «сгибаться» (сильный II класса)	—	<i>bebūzan</i> «огибать» (сильный II класса)
---	---	---

Категория переходности / непереходности в готском тоже имела особый характер, так как глаголы с так называемым дательным падежом прямого дополнения вели себя так же, как и глаголы, управлявшие винительным падежом. Противопоставление переходных глаголов непереходным носило в готском лексический характер и выражалось при помощи различных словообразовательных средств, например слабых глаголов IV класса на *-no-*. Образование медиопассивных форм

было возможно как от переходных, так и непереходных. Несмотря на многообразие средств выражения значений, связанных со страдательным залогом, в готском не существовало единой грамматической парадигмы этого залога [3, с. 129–130, 179]. Интересно, что в современном шведском глаголы, восходящие к древнескандинавским слабым глаголам IV класса на *-no-*, являются непереходными, предельными: *tjukna* «смягчаться», *drunkna* «утонуть», *vakna* «проснуться» (в отличие от глаголов *tjuka upp* «размягчать», *driccka* «пить», *vaeska* «будить»), в которых вышеназванный носовой суффикс отсутствует).

Аналитические формы пассивного залога возникли в английском языке в ранненоанглийский период из свободных лексических сочетаний глагола-связки *bēon* (*быть*) и причастия второго переходных глаголов, оформлявших в древнеанглийском языке составное именное сказуемое в эпоху, когда причастия склонялись в английском языке, обладали именными категориями и принадлежали системе имени. Интересно, что в современном шведском языке существуют как флективные, так и аналитические формы страдательного залога (*han blir kallad – ego зовут – huset har byggts – дом построен*), при этом шведский вспомогательный глагол *bli* заимствован из нижненемецкого *blîven* [7, с. 205]. В древне- и среднеанглийском языке существовали безличные предложения без структурного подлежащего, выражения типа «ему думалось / мне думается» с глаголом медиального оттенка в третьем лице единственного числа и носителем действия в форме дательного падежа: “him þūhte / mē þyncēð”; “me thinketh it accordant to resoun...”. Односоставные лично-объектные предложения такого типа, уже начиная со среднеанглийского, переходят в двусоставный тип: они получают подлежащее в виде местоимения 3-го л. ед. ч. *hit* (*it*) “hit me of-þincēð” [4, с. 262]. В новоанглийский период подлежащее всегда выражено формой общего падежа у существительных и именительного падежа у личных местоимений: *I think / it seems to me that...* Предложений без подлежащего, смыслового или формального с тех пор в современном английском не существует по причине редукции гласных в окончаниях заударных слогов, сокращении числа материально отличных словоизменительных форм, замены синтетического строя языка аналитическим, но у современного английского глагола расширилось понятие переходности, включающее все виды дополнений (прямое, косвенное, предложное), а также возможны страдательные конструкции с подлежащим, трансформированным из

обстоятельства места соответствующей активной конструкции (the house is not lived in).

Перестройка системы переходных и непереходных глаголов началась, как отмечалось выше, в среднеанглийский период и была связана с разрушением глагольного управления. В данное время полностью исчезло беспредложное управление глаголов дательным или родительным падежами за исключением случаев, когда дополнение было выражено местоимением в объектном падеже. Некоторое время после этого в языке царил хаос: часть бывших непереходных глаголов начала сочетаться с беспредложным дополнением, а бывшие переходные глаголы, напротив, теряли сочетаемость с ним и становились непереходными. Один и тот же глагол мог употребляться как с прямым, так и с предложным дополнением (*us waiteth* «ждет нас»; *waiteth after no pompe* «не ждет никакой помпы»). Четких границ между переходными и непереходными глаголами не было: морфологический статус категории переходности / непереходности уже был утрачен, а синтаксический способ ее выражения еще не установился. Процессы транзитивации и интранзитивации глаголов продолжались в ранне-новоанглийский период и продолжаются в наши дни. Например, непереходные глаголы типа *go*, *walk* могут теперь сочетаться с прямым дополнением (*to walk a dog*), а переходные глаголы перестают сочетаться с некоторыми типами беспредложных дополнений и переходят в разряд непереходных (*to feel like doing smth*). Одновременно с этим с ранненовоанглийского периода существует особая группа глаголов с так называемыми закрепленными предлогами, постоянно сочетающихся с объектом (типа *to put an end to smth*). Напрашивается вывод об исчезновении переходности / непереходности как свойства современного английского глагола. Для английского языка намного важнее синтаксическая ориентация глагола на дополнение, предложное или прямое [4, с. 225–226]. На этом основании Б. Трнке сделал вывод о том, что следует говорить о делении не на переходные и непереходные глаголы, а на объектные и необъектные [13, с. 38]. Последние не требуют обязательного дополнения. Интересно также отметить тот факт, что в современном английском языке форма простого инфинитива страдательного залога имеет в своем значении те же три граммемы, что и пассивное причастие будущего времени в санскрите: пассивность, долженствование и будущее время, например: *the work to be done* – *работа, которая будет выполнена / должна быть выполнена*.

Санскрит и церковнославянский имеют три формы числа: единственное, множественное и двойственное. В церковнославянском формы числа могли иметь специальные окончания мужского, женского и среднего рода. В готском языке сохранились формы двойственного числа 1-го и 2-го л. [3, с. 20, 128]. Древнеанглийский утратил формы двойственного числа в системе глагола: существовавшие в древнеанглийском формы личных местоимений двойственного числа *wit* (*мы оба*) и *zīt* (*вы оба*) употреблялись с глаголами в форме множественного числа. «Следы» двойственного числа в современном английском языке по-прежнему присутствуют в том, как функционируют сегодня некоторые неопределенно-личные местоимения: *either* – *любой из двух* (в противовес *any* – *любой*), *both, the other* – *второй из двух* (в противовес *another* – *другой*), а также в существовании предлогов *between* – *между двумя* и *among* – *среди нескольких предметов*. Последнее из вышеназванных местоимений (в древнеанглийском *ōðer*) было порядковым числительным со значением «второй», пока его не вытеснило французское заимствование *second* в среднеанглийский период.

Индоевропейские глагольные основы выражали действие в определенном видовом протекании. Категория времени санскрита включала: презенс, выражавший действие в настоящем времени; имперфект, выражавший повторяющиеся, длительные, незавершенные действия в прошедшем времени и обычно употреблявшийся как время повествования о событиях прошлого; перфект, выражавший законченное действие, результат которого существует в момент речи, в настоящем, обозначавший действие или состояние в прошлом, связанное с другим действием, происходящим позже; аорист и формы будущего времени [6, с. 45]. В церковнославянском существовали формы настоящего времени (будущее простое), формы прошедшего времени (аорист, перфект, имперфект и плюсквамперфект) и формы сложного будущего. В готском и древнеанглийском имелись только две синтетические временные формы: настоящего времени и прошедшего (претерита).

В системе спряжения санскрита формы настоящего времени, прошедшего имперфекта, желательного и повелительного наклонений образуют систему настоящего времени, так как все эти формы образуются от одной и той же основы глагола, от основы настоящего времени [6, с. 83]. Имперфект и презенс образовывались от одной и той

же видовой основы, но различались окончаниями, указывавшими на форму настоящего или прошедшего времени соответственно (как в древнегреческом языке). От основы инфекта несовершенного вида со значением длительного действия строились формы настоящего времени (презенс) и прошедшего (имперфект). Имперфект изначально был связан с неопределенностью. О нем также можно сказать, что греческий имперфект без приращения *е, который встречается в микенских надписях и в гомеровских поэмах, формально тождествен индийскому и иранскому «инъюнктиву» – остатку древнейшего глагольного спряжения, предшествовавшему дифференциации наклонений и времен [8, с. 20]. Формы презенса и имперфекта совпадали по огласовке гласного, а окончания, присоединявшиеся к основам, указывали на план настоящего или прошлого. Таким образом, формы презенса и имперфекта имели общий вид, но разные окончания. В санскрите, как и в древнегреческом языке, признаком прошедшего времени имперфекта является приращение (аугмент) *a-*, на которое падало ударение. В эпическом и классическом санскрите значение форм перфекта часто приближается к значению форм имперфекта. Простой, или удвоительный, перфект образовывался прибавлением к удвоенному глагольному корню особых личных окончаний. В санскрите аорист выражал действие, недавно завершившееся (без указания на время, длительность и итеративность) и связанное с тем, что происходит в настоящий момент. Основа аориста означала мгновенные, недлительные действия плана прошлого. Древнейший сигматический аорист выражал древнее значение предшествования без соотносительности с каким-либо временным планом. Это значение, в частности, прослеживается в латинских условных и относительных предложениях в текстах законов XII таблиц [12, с. 27]. Формы аориста образовывались в санскрите прибавлением к особой основе аориста ударного аугмента и вторичных личных окончаний. Аорист редко употреблялся при повествовании, чаще он встречался в разговорной речи, в диалоге (в частности, в драмах на санскрите). Формы аориста образовывались лишь от части корней. В ведийском языке аорист мог употребляться примерно от половины глагольных корней. Постепенно количество корней, употребляемых в формах аориста, уменьшалось, и в санскрите аорист стал встречаться редко. По грамматическому значению он стал сходным с формами имперфекта и перфекта.

В церковнославянском перфект образовывался от настоящего времени глагола «быти» (эта связка, или вспомогательный глагол, будет утрачен в русском языке) и действительного причастия прошедшего времени на -л-, например:

писал есмь писали есмы
писал еси писали есте
писал есть писали суть

Данную форму можно перевести на современный русский язык следующим образом: я являюсь сейчас, в тот момент, когда говорю это, написавшим нечто. Перфект употреблялся, когда результат свершившегося действия был очевиден или общеизвестен, и мог относиться как к контексту настоящего, так и к контексту прошлого. Эта форма прошедшего времени постепенно вытеснила аорист и имперфект и совместила в себе их значения. Форма плюсквамперфекта обозначала действие в прошлом, свершившееся прежде другого действия, и образовывалась от аориста или имперфекта глагола «быти», за которым следовало причастие на -л-. Священное Писание, однако, в основном написано с использованием форм аориста, который, в отличие от форм перфекта, обозначал действие как свершившийся факт. Наконец, имперфект в церковнославянском был похож по значению на современное значение несовершенного вида в русском языке и форм *Continuous* в английском: действие рассматривалось в процессе его развития в определенный момент времени в прошедшем, настоящем или будущем. Последние два значения передавались специальными описательными конструкциями – сочетаниями глагола «быти» и действительного причастия настоящего времени, вместе образовывавших составное именное сказуемое, при этом глагол-связка мог опускаться [2, с. 58, 66–68, 86, 157].

Основы перфекта и аориста обе относились к плану прошлого, но выполняли разные функции. Перфект выражал действие, чей результат переосмыслен к моменту речи, например: форма перфекта латинского глагола *novi* обозначала «я знаю» равно как и готского претеритопрезентного глагола *wait*, древнеанглийского *wāt* (современные английские слова с этим же корнем: *wit*, *witty*, *witness*), а также форма русского глагола «ведаю», которая является старым индоевропейским перфектом с древним, уже стершимся медиальным значением и соответствует перфектной форме латинского глагола *vidi*, греческого *oida*

(откуда образовано и существительное *idea*) и готского или древнеанглийского *witan*. Из перфектного значения «я видел» развилось новое значение «я знаю, я ведаю». Латинский перфект, объединяя в себе индоевропейский перфект и аорист, стал одним из прошедших времен [5, с. 87]. Система латинского глагола, в частности, строилась на противопоставлении инфекта и перфекта [8, с. 661].

Древнегерманская инновация состояла в переосмыслении древнейших видовых основ во временные (в том числе в замене индоевропейских презентных основ унифицированными образованиями настоящего времени) и в образовании претерита – прошедшего времени при стирании функциональных различий между индоевропейским аористом и перфектом, при этом в готском и северногерманских языках во 2-м л. ед. ч. претерита сильных глаголов с I по V класс закрепилась перфектная форма с огласовкой второй ступени аблаута, нормальной, полной, общей для всего ед. ч., а в западногерманских языках была закреплена форма аориста с третьей, нулевой, ступенью аблаута, характерной для мн.ч. претерита, например: формы готского глагола IV класса *niman* (инфинитив) – *nam* (претерит ед. ч.) – *nēmtum* (претерит мн.ч.) – *numans* (причастие), формы древнеанглийского глагола IV класса *niman* – *nom* – *nōton* – *nuten*; формы 2-го л. ед. ч. готский *namt* «ты взял», древнеанглийский *nōte* «ты взял», нулевая ступень с I по III класс и ступень удлинения в IV и V классах.

Обращает на себя внимание тот факт, что древние перфектные формы, переосмысленные в настоящее время, сохранились у небольшой группы глаголов, связанных с познавательной и практической деятельностью человека, поэтому их можно обнаружить в разных языках. Интересно отметить при этом происходивший в некоторых глаголах сдвиг значения: в древнегреческом языке *horao* «увидел» – *oida* «знаю». В русском из слова *вежды* (глаза) *пр.-слав.* **vedia* развился глагол «ведать» и производные «весть», «поведать», «повесть», «совесть», «известно», «изведать», «сведущий», «вещий», «вещун» (*мудрец*), «ведьма / ведунья» (из *др.-рус.* *ведь* «колдовство, знание»), «невеста» (не ведущая, не знающая), «невежда» / «невежа»¹, «вежливый» (в значении

¹ Следовательно, этимологически в русском языке *невежда* – это человек невидящий и поэтому несведущий. Любопытен также тот факт, что во французском языке глагол «ignorer», родственный *лат.* *cognoscere*, *греч.* *gignoskein* и *рус.* *знать*, обозначает «не знать», в английском языке «ignore» обозначает «не заметить». В обоих языках *ignorance* означает «невежество».

«опытный», «сведущий») [9, т. I, с. 284–285, 304, 309; 10, т. III, с. 54]. Того же корня русские слова: *ведомство* (сведущие люди), *заведующий*, *медведь* (медом ведает), *разведчик* (добывает сведения), *завидовать*. В древнеанглийском языке у претерито-презентного глагола *cunnan / can* произошел сдвиг значения «узнал – могу» – первоначальное значение перфектной формы глагола *can* «я узнал» было переосмыслено в «я могу» и закреплено за формой настоящего времени. Об этом также свидетельствуют две сохранившиеся формы причастий, ставших в современном английском языке прилагательными, – *uncouth* «грубый, несведущий» (от слабой формы древнеанглийского причастия *cuth* «известный») и *cunning* «коварный, хитрый» (от древнеанглийского причастия *cunnende*; ср. *рус.* сведущая ведьма и *англ.* опытный хитрец)¹. Претерито-презентные глаголы могли иметь как «старое» причастие II с чередованием гласной по третьей ступени аблаута сильных глаголов, так и «новое» причастие II с дентальным суффиксом слабых глаголов, например: *cunnan – cūðe – cūð / cunnen*. В современном шведском языке *kunna* по-прежнему имеет значение «знать», например, *kunna främmande språk* «знать иностранные языки». Как следует из вышеприведенных примеров, глаголы перцептивного и ментального плана лежат у истока переосмысления перфектных форм.

В этом процессе необходимо отдельно отметить роль претерито-презентных глаголов, которые, как отдельная морфологическая подгруппа германских глаголов, возникают в момент, когда распад древних видовых основ завершен, и уже существуют слабые глаголы (еще одна германская инновация) со специальными осново- и формообразующими морфемами, которые изначально были связаны с категорией времени, а не вида. Все без исключения претерито-презентные глаголы в бытность свою сильными глаголами обозначали не действия, а состояния с сохранением результата в настоящем (эпистемическая модальность) и также могли ускорить процесс распада древней системы основ. Новую жизнь данной группе глаголов дали появившиеся к тому времени слабые глаголы, «одолившие» им дентальный

¹ В этой связи интересно отметить связь в русском и английском языках между словами, означающими «знание» и «колдовство»: в русском *ведьма* и *ведать*, а также *знать*, *знаток*, *знахарь* и *знатник* (*диал.* колдун) [11, т. 2, с. 101]. В английском *to do cunning* «колдовать» и *cunnan / cann* «узнал – могу», а также, возможно, прилагательное *uncanny* «странный, таинственный».

суффикс для построения новых форм прошедшего времени, присоединявшихся к прежней основе перфекта (вторая ступень аблаута), например, *āzan*, *mazan* или аориста (третья ступень аблаута), например, *cinnan*, *sculan*, *durran*, *innan*, *purfan*, переосмысленных теперь в формы настоящего времени. В современном английском языке претерито-презентные глаголы сохранились как модальные. Необходимо отметить, что шведский язык в большем объеме сохранил архаичные черты, поэтому в нем до сих пор употребляется аналог древнеанглийского претерито-презентного глагола *āzan* со значением *иметь*: *aegande raett* (*право собственности*), *att aega rum* (*иметь место*), *en husaegare* (*домовладелец*). В английском в силу фонетических изменений и конверсии от причастия вышеназванного глагола образовался современный глагол *to own* «владеть».

В качестве фазовых показателей законченности действия, выраженного глаголом, хотя и нерегулярно, стали употребляться приставки (лексико-грамматическая категория) или, как в готском и древнескандинавском языках, слабые глаголы IV класса с носовыми показателями *-na-* / *-no-*, восходившие к индоевропейским атематическим глаголам на *mi* типа древнегреческого глагола *damnemi* или латинского *velle* и объединявшие около шестидесяти непереходных терминативных (предельных) глаголов с медиальным значением становления состояния (семантико-морфологическое свойство глагола) как, например, готский глагол *fullnan* или древнескандинавский *fullna* «наполняться». В древнеанглийском данные глаголы пополнили группу аномальных глаголов. Значения длительности, начинательности, неограниченности во времени, незаконченности стали выражаться свободными лексическими словосочетаниями глагола-связки со значением «быть» (*bēon*) и причастия. Новые перфектные формы наряду с формами будущего времени, а также с формами страдательного залога возникают в германских языках также значительно позже из свободных лексических сочетаний. Большое количество грамматических значений передавалось в древнеанглийском языке синтаксическим путем, при этом в предложении почти не существовали строевые элементы, передававшие только грамматическое значение и лишенные полностью лексического значения [4, с. 252, 270].

Основа будущего времени образуется в санскрите прибавлением к корню глагола специального ударного суффикса. От данной основы

строилось простое будущее время с помощью первичных личных окончаний, а также сравнительно редко употребляемая в санскрите форма кондиционалиса, обозначающая нереальное действие, которое при определенных условиях могло бы произойти в прошлом. Она употреблялась в обеих частях условного предложения и строилась с помощью вторичных личных окончаний и приращения *a-* [6, с. 111]. В древнеанглийском и готском категория времени включала формы настоящего и прошедшего времени. Специальных форм будущего времени не существовало. Вместо них использовались формы настоящего времени, претерито-презентный глагол *sculan* (в готском написании *skulan*) или аномальный глагол *willan* (в готском *wiljan*) с инфинитивом, передававшие разные модальные оттенки волитивности и долженствования. До сих пор в английском сохранились подобные формы и модальные оттенки значения: *thou shall not kill* «не убий» (букв. ‘ты не должен убивать’), *fees shall be paid after publication* «согласно договору, гонорар должен быть выплачен после публикации». В современном английском языке формы настоящего времени по-прежнему являются структурно обусловленными в придаточных времени, условия и уступки, а также в специальных вопросах с подлежащим, выраженным первым лицом, для передачи действия по расписанию или спланированного действия на ближайшее будущее. Современные формы будущего времени развились в аналитические формы в средне- и раннеанглийский период из вышеперечисленных модальных сказуемых. Примечательно, что современные аналитические формы сослагательного наклонения в английском языке исторически есть развитие форм прошедшего времени сослагательного наклонения глаголов *sculan – scolde* и *willan – wolde*. Начиная с позднедревнеанглийского периода по раннеанглийский, в результате исчезновения синтаксической связи между членами словосочетаний целый ряд бывших глагольных словосочетаний превратился в морфологические единицы – аналитические формы глагола [4, с. 219]. В современном английском языке модальные глаголы *shall* и *will* по-прежнему выражают волитивность, волеизъявление, например:

Do as you will (want) – Поступай, как хочешь.

if you will... – если пожелаешь...

God willed (wanted) it – Господь так пожелал.

Shall I open the window? – Вы хотите, чтобы я открыл окно?

Заметим, что в готском для обозначения процесса, который осуществится в будущем, употреблялся оптатив. Значение будущего времени в этом случае могло иметь оттенок долженствования или сомнения [3, с. 183].

В церковнославянском оттенок долженствования тоже мог присутствовать в форме сложного будущего времени. Конструкция включала настоящее время вспомогательного глагола *имати* и инфинитив смыслового глагола обоих видов, в отличие от современного русского языка. Интересно также отметить тот факт, что в церковнославянском имелись формы будущего предварительного (наподобие форм Future Perfect в современном английском языке), выражавшие действие, предшествовавшее другому действию в будущем. Состояли подобные формы из сочетания причастия на *-л-* и глагола «быти» в будущем времени [2, с. 181–182].

Категория наклонения представлена в индоевропейских языках тремя словоизменительными формами. В санскрите и готском они называются так: изъявительное (*indicativus*), желательное (*optativus*) и повелительное (*imperativus*). Оптатив образовывался от основы настоящего времени прибавлением особого суффикса и вторичных личных окончаний. Желательное наклонение широко употреблялось в санскрите, четко отграничивая свои функции от функций повелительного наклонения, для выражения пожелания, предписания, возможности, сомнения, вероятности действия в ближайшем будущем, условия действия, уступки [6, с. 63]. В древнеанглийском языке сослагательное наклонение выполняло те же функции, что и желательное наклонение в санскрите, а также оформляло косвенную речь. Формы сослагательного наклонения имели разные образовательные основы для настоящего и прошедшего времени, но одинаковые окончания. В отличие от древнеанглийского языка, повелительное наклонение в санскрите имело полную парадигму спряжения в действительном и медиальных залогах во всех лицах и числах. Его формы образовывались от основ настоящего времени прибавлением особых личных окончаний. Повелительное и желательное наклонение, вероятно, когда-то в глубокой древности составляли единое целое в противовес изъявительному наклонению, на что указывает существование форм инъюнктива, использовавшихся для выражения запрета, и бенедиктива / прекатива, форм оптатива, образованных от основы аориста без аугмента (типа «не иди», «пусть он не дает»), в древнейших

индоиранских языках. В готском и древнеанглийском употребление форм нереальности было структурно обусловленным в определенных типах придаточных, например в придаточных дополнительных для передачи косвенной речи, времени (в готском после союза времени **faurþizei**), цели, нереального условия.

Интересно отметить тот факт, что в церковнославянских текстах встречается описательная конструкция: сочетание **да** с глаголом в настоящем времени (будущее простое) в значении особого желательного / повелительного наклонения с оттенком пожелания, предположительности, приказа: *Дай Бог* («Пусть дает Бог»), *Да покажет, Да хвалится, Оучителю, да прозрю* («О учитель! Пусть я прозрю / чтобы я прозрел») [2, с. 128–131].

В готском языке формы императива тоже употреблялись не только для выражения повеления, приказа и запрета, но и пожелания, просьбы, но и в этой функции наряду с повелительным наклонением мог употребляться оптатив, его употребление было обязательным после отрицания: *ni maurþrais* «не убивай» [3, с. 180, 183]. Только западногерманские формы генетически тождественны индоевропейскому оптативу; готская и северная форма являются инновацией [3, с. 25].

В древнеславянском языке употреблялись формы сослагательного наклонения для выражения возможного, желательного, ожидаемого или нереального действия. Они образовывались сочетанием причастия на *-л-* с аористом глагола **быти–бы**. Постепенно форма «бы» перестала восприниматься как форма глагола и превратилась в модальную частицу, например: *Да бы я прозрел* [2, с. 103–104].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее. Санскрит проясняет и помогает глубже понять некоторые закономерности развития как славянских, так и германских языков, таких как отмирание безличных, бесподлежащих предложений в английском, форм двойственного числа в русском и английском, древних видовых различий глагольных основ, их переосмысление во временные в германских и славянских языках, позднее образование форм страдательного залога и связанное с этим новое толкование понятия переходности / непереходности у английских глаголов, сущностную близость и сходство форм будущего времени и форм нереальности в индоевропейских языках в целом. Можно повторить слова, сказанные Индирой Ганди в Послании к участникам V Международной санскритологической конференции, проходившей в Индии в октябре 1981 г.: «Санскрит

является родоначальником многих языков и до сих пор – живым и совершенным средством общения. Чье сердце не трогает, кого не восхищает его красота и совершенство? Он – нетленная сокровищница многообразной литературы, знаний по социальным и естественным наукам, по религии и философии» [6, с. 239].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньева М. Г. и др.* Введение в германскую филологию : учебник для филологических факультетов / Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. – М. : ГИС, 2000. – 314 с.
2. *Воробьева А. Г.* Учебник церковнославянского языка. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 368 с., илл.
3. *Гухман М. М.* Готский язык. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 288 с.
4. *Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М.* История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь. – СПб. : Лань, 1999. – 512 с.
5. *Карасева Т. А.* Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII–I веков до нашей эры. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003. – 255 с.
6. *Кочергина В. А.* Санскрит : учебник для вузов. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с.
7. *Рахманова Н. И.* Явление десемантизации и его отражение в лексике и грамматическом строе немецкого языка // *Язык в мире дискурсов. Человек и концептосферы. Вербализация в дискурсе.* – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 199–210. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 560. Сер. Языкознание)
8. *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). – 2-е изд., доп. – М. : Индрик, 2001. – 576 + xiii с.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. – Т. I (А–Д). – М. : Прогресс, 1986. – 573 с.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. – Т. III (Муза – Сят). – М. : Прогресс, 1987. – 831 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. – Т. II (Е – Муж). – М. : Прогресс, 1986. – 671 с.
12. *Ходорковская Б. Б.* К проблеме индоевропейского сигматического аориста (вопросы семантики) // *ВЯ.* – № 6. – М., 1983. – С. 19–29.
13. *Trnka V.* On the Syntax of the English Verb from Caxton to Dryden. – Prague, 1930. – 210 p.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Выпуск 21 (760)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Редактор Е. М. Евдокимова

Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова

Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 01.06.2016
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 12,4
Заказ № 1398

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru